ОИК

Стр. всего + 55 л. л. рис.

1 Карана. помёт ки

ОИК
XVIII в
дуб. 5 р.
авт.: Георги, И.Г.
21-2.
55 л. рис.

ОПИСАНІЕ

ВСѢХЪ

ОБИТАЮЩИХЪ

ВЪ РОССІЙСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

НАРОДОВЪ

Ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновенїй, одеждъ, жилищъ, упражненїй, забавъ, вѣроисповѣданїй и другихъ достопамятностей.

Твореніе, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ на Нѣмецкомъ языкѣ Іоганна Готтлиба *Георги*, въ переводѣ на Россїйскїй языкъ весьма во многомъ изправленное и въ новъ сочиненное;

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

со 100 гравированными изображеніями Народовъ и 8 виньетами.

Иждивеніемъ книгопродавца Ивана Глазунова.

съ позволенія С. Петербургской цензуры.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи Наукъ, 1799 года.

Гос. Исторический Музей
Инв. № 374248

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

О

НАРОДАХЪ

ФИННСКАГО ПЛЕМЕНИ,

ИЗВѢСТНЫХЪ

ПО ИСТОРІИ РОССІЙСКОЙ

ПОДЪ ОБЩИМЪ ИМЕНЕМЪ

Руссовъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Источники, изъ которыхъ почерпнуто сіе описанїе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновенїй, одеждъ, жилищъ, упражненїй, забавъ, Вѣроисповѣданїй и другихъ достопамятностей, суть во первыхъ Лѣтописцы Россійскіе, а во вторыхъ, и большею частїю, описанїя частныя Россіи подданныхъ Народовъ, сдѣланныя и изданныя въ Свѣтъ Профессорами и Исторіографами: Миллеромъ, Гмелинымъ, Крашенинниковымъ, Штеллеромъ, Фишеромъ, Рычковымъ, Самуиломъ Гмелинымъ, Палласомъ, Лепехинымъ, Николаемъ Рычковымъ, Лемомъ, Клингстедтомъ, Гегстремомъ, Гавеномъ, Шлецеромъ, Климаномъ и другими; почерпая изъ ихъ описанїй и извѣстїй, придерживаемось было, какъ можно ближе, повѣствовательной истины, при сохраненїи всевозможной краткости.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Профессоръ Іоганнъ Готтлибъ Георги, Членъ Академїи Наукъ Россійской Императорской и Королевской Прусской, Римско-Императорской Академїи Естество-испытанїя, Академїи Курфирсткой въ Майнцѣ, Вольнаго Экономическаго Общества въ С. Петербургѣ, и Дружескаго Общества Берлинскихъ Естество-Испытателей, собралъ изъ вышесказанныхъ Землеописателей описанїе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, издалъ оное въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ языкѣ, изъ коихъ первыя три переведены были и напечатаны иждивенїемъ Книгопродавца Миллера купно со изображенїями описанныхъ въ оныхъ Народовъ.

Нынѣ издать въ новь всѣ четыре части творенїя сего принялъ я на себя, по уступкѣ на то права, отъ перваго сказаннаго Издателя какъ подлинника на Нѣмецкомъ языкѣ въ четырехъ частяхъ, такъ и перевода трехъ частей онаго на Россійскїй языкъ, не пощадя на то немалаго иждивенїя,

каковое требовалось какъ на уплату уступки права печатанїя и мѣдныхъ досокъ, на коихъ вырѣзаны изображенїя Народовъ, такъ наиболѣе за изправленїе самаго творенїя, сообразно настоящему новоустроенному Россїйскаго Государства состоянїю, по которому премногое въ описанїи Народовъ требовало поправки. Многое со всѣмъ въ новь сочинено, многое дополнено; иное сокращено, а иное и во вся выброшено, яко болѣе несуществующее. — Все сїе разумѣть должно о первой, а паче о четвертой части сего описанїя Народовъ, обитающихъ въ Россїи.

Весьма счастливымъ почту себя, ежели усердное мое желанїе доставлять почтеннѣйшей Россїйской Публикѣ, чрезъ изданїе книгъ, сей подобныхъ, пользу и удовольствїе, будетъ удостоено благосклоннаго ея прїятїя.

Извѣстно всякому свѣдущему о Государствахъ и Владѣнїяхъ, на земномъ шарѣ существующихъ, что нѣтъ на ономъ ни одного такого, которое вмѣщало бы въ себѣ толь великое множество различныхъ Народовъ, какъ Россїйская Держава. Древнїе Обитатели Россїи суть: 1е *Руссы* съ ихъ племенами, яко, Лопари, Семояды, Юкагиры, Чукчи, Камчадалы, Курильцы, Алеуты, Коряки, Якуты, Тунгуссы, Остяки Енисейскїе, Кондїйскїе и Обьскїе, Вогуличи, Башкирцы, Черемиссы, Мордва, Тептери, Чуваши, Зыряне, Пермяки, Вотяки, Корелы, Финны, Эстляндцы, Ливонцы, Латыши, Курляндцы, Шведы, Датчане, Литва. — Послѣ Россовъ 2е *Славяне*, или Сыръ-Мыды, иначе Сарматы, съ ихъ племенами, яко, Поляне, Древляне, Сѣверѧ, Бужане, Радимичи, Вятичи, Хорваты, Дулебы, Лютичи, Тиверцы и другїе, Предки Поляковъ, Смольянъ, Бѣлозерцовъ, Ростовцовъ, Муромцовъ, Ярославцовъ, Новгородцовъ, Малороссїанъ, Украинцовъ, Галичанъ, иначе Цесарской Галицїи, и другихъ. 3е *Татары* съ ихъ племенами, яко, древнїе Печенѣги, Козары, Половцы, Болгары, нынѣ извѣстные, подъ именами, Татаръ Казанскихъ, Астраханскихъ, Касымовскихъ, Уфимскихъ, Оренбургскихъ,

Тобольскихъ, Томскихъ, Мелессовъ, Тулибертскихъ, Кистинскихъ, Абинцовъ, Чулымскихъ, Обьскихъ, Барабинскихъ, Туринскихъ, Аяловъ, Качинцовъ, Удинскихъ, Яринскихъ, Бирюссовъ, Кабинцовъ, Бѣлтырей, Загайскихъ, Нагайцовъ, Едизанскихъ, Джамбулукскихъ, Едишкульскихъ и Аккерманскихъ, Буджацкихъ, Мещеряковъ, Киргизъ-Кайсаковъ, Абхазовъ, Алтекезень-Абхазовъ, Черкесовъ, Кабардынцовъ, Оссетинцовъ или Оссовъ, Кистенцовъ, Лезгинцовъ, Аваровъ или Хунзачей, Кумыковъ, Нагайцовъ, Касайцовъ, Урусовцовъ, Трухменцовъ, Бухарцовъ, Хивинцовъ, Такшенцовъ, Туркистанцовъ и другихъ. 4е Народы, такъ же изъ древле населяющіе Россію, суть: *Могулы* или *Монголы*, коихъ племена суть: Калмыки, Хошоты, Зоонгоры, Дербеты, Торгауты, Буреты, Телеуты, Киргизцы и другіе, а на послѣдокъ. 5е Пришельцы и *Поселенцы* въ Россіи, яко, Индійцы, Персіаны, Армяны, Грузинцы, Цыганы, Жиды, Нѣмцы, Французы, Италіанцы, Греки, новые Славены и другіе. — Сословіе *Козаковъ*, хотя они и получили существованіе свое изъ тѣхъ же Народовъ первоначальныхъ, населяющихъ Россію, по многочисленности своей и по отмѣнному одѣянію и обычаямъ, показываетъ какъ бы особый Народъ; а по сему и они помѣщены въ описаніе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, съ показаніемъ о каждыхъ особенно по ихъ именованіямъ, о ихъ произхожденіи, жилищахъ, обычаяхъ и о прочемъ.

Сіи-то всѣ вычисленные Народы, съ возможною краткостію и купно обстоятельностію, описаны въ сихъ четырехъ частяхъ книги, представляемой почтеннѣйшей Россійской Публикѣ. Точное познаніе о многихъ сихъ, населяющихъ Россію, Народахъ, а наипаче о сѣверныхъ и восточныхъ, можетъ почестися *новымъ* еще въ самой Россіи. Съ завоеваніемъ Сибири въ шестомъ надесятъ столѣтіи, отъ времени до времени пріобщаемы были къ Россійской Державѣ Народы чуждые, едва и по имени до того извѣстные, да и доставляемы были Публикѣ объ оныхъ весьма краткія

и недостаточныя извѣстія, пока по Высочайшему изволенію пекущагося о народномъ просвѣщеніи Правительства С. Петербургскіе Академики, а наипаче потрудившійся съ превеликою пользою для Россійской Исторіи, старый Академикъ, Статскій Совѣтникъ Миллеръ, не пособралъ оныхъ въ своихъ многолѣтнихъ путешествіяхъ. Новѣйшіе Путешествователи, Академики же, еще больше допомогли тому, хотя и все еще остается, а можетъ быть и останется всегда не описаннымъ точно извѣстіе о многихъ изъ тѣхъ наипаче Народовъ, которые за недостаткомъ у нихъ письмянъ, за дикостію своею, за неудобопреходностію до нихъ, и за другими премногими трудностями, не могутъ быть точно разпрошены и изслѣдованы.

Но ежели когда можно было, такъ ето нынѣ сообщить почтеннѣйшей Россійской Публикѣ вѣрное описаніе настоящаго состоянія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ мѣстопребыванія, нарѣчія, упражненій, обрядовъ жизни, нравовъ, Вѣроисповѣданія и всего любопытнаго, и представить въ одномъ мѣстѣ то, что разбросано въ мѣлочныхъ и частныхъ описаніяхъ, ежели не для показанія Читателямъ настоящаго Отечественнаго повѣствовательнаго описанія, то по крайней мѣрѣ для полезнаго занятія толь новымъ и любопытнымъ чтеніемъ. — Народы, обитающіе въ сѣверныхъ и восточныхъ самыхъ крайнихъ оконечностяхъ и пустыняхъ, неудобныхъ ко введенному въ Европѣ образу жизни, яко ловцы или пастыри скитающіеся, хотя и остаются еще при своемъ образѣ жизни, но учинились уже довольно извѣстными, а особливо при настоящемъ новоустроенномъ состояніи Государства Россійскаго. Живущіе же въ сосѣдствѣ съ исповѣдующими Христіанскую Вѣру и въ умѣренныхъ Странахъ, весьма знатно удалились отъ древнихъ своихъ нравовъ, средствомъ единаго подражанія. Пріемлющіе Христіанскую Вѣру пріемлютъ и главное Россійское нарѣчіе, обряды жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не вдругъ

и не въ первомъ колѣнѣ учиняются и хорошими гражданами, но конечно перестаютъ быть тѣмъ, что были. Нѣкоторые остатки Народовъ знатныхъ отъ времени до времени смѣшиваются во едино тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе толпы оныхъ, такъ, что до измертвія еще остатковъ сродняются съ главнѣйшими племенами. — Единообразность учрежденія Государства весьма премудро допомогаетъ сему, и Исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ Народовъ нашихъ къ единой мѣрѣ всеобщаго Россіи просвѣщенія, соединенія чудеснаго во едино тѣло и едину душу, и, такъ сказать, спавленія во Исполина, неколебимаго сотнями вѣковъ.

Внимательное разсматриваніе всѣхъ Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простый, естественному состоянію весьма близкій, *Міръ* во всѣхъ степеняхъ прехожденія къ настоящему отонченному и обогащенному надобностями Міру. Мы имѣемъ еще грубыхъ, воинствующихъ, равнодушныхъ при встрѣчѣ опасностей, бѣдствій и при лишеніи имущества, безъ всякихъ законовъ скитающихся Народовъ, *питающихся звѣриною и рыбною ловлею*, одѣвающихся одними звѣриными кожами, птичьимъ перьемъ, праздполюбивыхъ, иныхъ бѣдныхъ, а другихъ богатыхъ; — Народовъ, *провождающихъ скотоводственную жизнь*, и имѣющихъ еще Патріархальные нравы, обычаи, упражненія въ скотоводствѣ, заимствуя отъ онаго одѣяніе, пищу и богатство свое, со скотами своими безъ всякаго земледѣлія, въ подвижныхъ палаткахъ или наметахъ кочующихъ въ пространныхъ степяхъ, имѣя между собою иные Народное, другіе Вельможеское, а иные, яко Калмыки и Монголы, Единоначальственное управленіе, живя изъ древле общественно, по естественнымъ законамъ, обнаруживающимся во всѣхъ ихъ поступкахъ, не имѣя надобности въ деньгахъ, безъ письмянъ, сохраняя преданія, показывая въ ихъ жилищахъ, одѣяніи, пищѣ, желаніяхъ простоту, довольство, являя благоговѣніе къ Вѣроисповѣданію своему, уважая старость и

* *

мужественные поступки: но есть частію и такіе между ними, кои суть жестокихъ нравовъ, любомстительны безпредѣльно, лѣнивы, неопрятны, любострастны и вмѣщающи въ себѣ все естественнаго состоянія зло и добро. — *Земледѣльческое Состояніе* представляется намъ здѣсь отъ первоначальнаго воздѣлыванія постепенно до самаго совершенства. — *Жилища* или селенія отъ юртъ, шалашей или кущей и пещеръ до домовъ, не подвижныхъ деревень, селъ, городовъ съ чертогами; — *Оружіе* отъ пращи до стрѣлъ, лашъ, фузей съ фитилями и замками, пушекъ, мортиръ со всѣмъ совершенствомъ воинскаго искусства сухопутнаго и мореходнаго; — *Ремесла*, *Художества* и *Науки* такъ же постепенно отъ обдѣлыванія работы каменнымъ ножемъ до изсѣченія изваяній, не уступающихъ Фидіевымъ; отъ шитья жилами животныхъ до вышиванія золотомъ и шелками, оживотвореннаго рукою самаго, кажется, Апеллеса; отъ сбивчиваго понятія о себѣ до глубочайшаго познанія своихъ внутреннихъ силъ и способностей.

Нѣкоторые изъ нашихъ Народовъ и по днесь со всею важностію древности сохраняютъ многіе обычаи и употребленія древняго восточнаго Міра, какъ на примѣръ, подарки праздничнаго платья при бракосочетаніяхъ, гостепріимство, закланіе животныхъ для гостей, почесть сидѣть подлѣ старѣйшихъ и во обще почтительность къ старости, вкушеніе пищи, сидя на земли, образъ приготовленія нѣкоторыхъ пищей и прочее, сему подобное. Новѣйшіе обычаи видны у разныхъ нашихъ Народовъ во всѣхъ степеняхъ перехода отъ грубыхъ къ опрятнымъ. Ощутительно такъ же сходство образа жизни, нравовъ и свойствъ грубыхъ нашихъ Народовъ со многими дикими другихъ частей Свѣта, какъ на примѣръ, сходства одѣянія нѣкоторыхъ сѣверныхъ Американцовъ и нашихъ Остяковъ, равно и образа жизни, домашней рухляди и прочаго; Гренландцовъ съ сѣверными Сибиряками и островитянами; разписываніе знаками кожи

на тѣлѣ, какое дѣлаютъ Тунгусы, дѣлаютъ такъ же и новооткрытые южные Островитяны; — Чукчи наши носятъ вошкнутыя кости въ губахъ такъ же, какъ и *Певесы*, и такъ далѣе.

Въ первой части сего описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, слѣдуя землеописательному чертежу Россійской Имперіи, сколько можно было ближе, описаны бытіе, жилища и мѣста нынѣ занимаемыя, нравы, образъ жизни, упражненія, забавы, лицечершанія, одѣянія, домашняя рухлядь, Вѣроисповѣданія, повѣрья и другія достопамятности *Русскихъ* или *Финнскихъ, Чудскихъ*, племенъ, яко: 1 *Лоларей*, 2 *Финновъ*, или *Чухонцовъ*, 3 *Латышей*, *Эстовъ* и *Ливонцовъ*, 4 *Ижерцовъ*, 5 *Черемисовъ*, 6 *Чувашей*, 7 *Мордвы*, 8 *Вотяковъ*, 9 *Телтерей*, 10 *Вогуличей* и 11 *Отяковъ*.

При сей же *первой части* находятся помѣщенными, гдѣ должно, *изображенія* описанныхъ въ оной Народовъ слѣдующія: 1 *Лоларя*, 2 *Лоларьки*, 3 *Финнскаго мужика*, 4 *Финнской деревенской бабы*, 5 и 6 *Чухонки въ праздничномъ одѣяніи съ переди и съ тылу*, 7 и 8 *Эстландской бабы*, 9 *Эстландской дѣвки*, 10 *Ижерки*, 11, 12 и 13 *Черемиски съ переди и съ тылу, такъ же и въ лѣтнемъ нарядѣ*, 14 и 15 *Чувашенки съ переди и съ тылу*, 18 *Мордовской дѣвки*, 19 *Мокшанской Мордовки*, 20 *Мокшанской старухи*, 21 *Вотяка*, 22 *Отяка при рѣкѣ Оби*, 23 *Отякскаго горностайнаго промышленника*, 24 и 25 *Отячки съ переди и съ тылу*. — При сей же первой части находится еще, съ верьхъ сихъ изображеній, два изображенія, или *винеты*, заглавный и конечный; первое представляетъ Лопарское богоговѣніе предъ холмомъ, почитаемымъ за священный, и предъ обтыканнымъ принесенными въ жертву оленьими рогами камнемъ, такожь ихъ *койе* или юрту; а второе Чувашскіе и другихъ Финнскихъ Народовъ похороны.

Во второй части описаны *Татарскіе Народы*, родъ посторонній, покоренный, или добровольно пришедшій подъ

кроткую Россїйскую Державу, родъ, послѣ коренныхъ Россїйскихъ, самый многочисленный. — Повѣствованїе объ нихъ сдѣлано краткое, но вѣрное и обстоятельное, и описаны: 1 *Казанскїе и Оренбургскїе Татары*, 2 *Тураминцы*, 3 *Тобольскїе Татары*, 4 *Томскїе Татары*, 5 *Нагайскїе Орды*, 6 *Астраханскїе Татары*, 7 *Таврическїе Татары*, 8 *Нагайскїя Орды, живущїя около Чернаго моря и по Кубанѣ*, 9 *Терекскїе Нагайскїе Татары*, 10 *Кундуровскїя Нагайскїя Орды*, 11 *Кавказскїе Народы*, 12 *Лезги*, 13 *Базїане*, 14 *Черкесы*, 15 *Трухменцы*, 16 *Осеты*, 17 *Авхазы или Абазы*, 18 *Кисты или Кистинцы*, 19 *Чеченги*, 20 *Югуши*, 21 *Мичегги*, 22 *Карабулаки*, 23 *Кумикскїе Татары*, 24 *Амбарлинцы*, 25 *Грузинцы* такъ же, по сосѣдству съ Татарами, помѣщены въ сей части; 26 *Бухарцы*, 27 *Татарскїе поселяне*, 28 *Башкирцы*, 29 *Мещеряки*, 30 *Барабинцы*, 31 *Киргизцы*, 32 *Обьскїе Татары*, 33 *Чулымскїе Татары*, 34 *Качинскїе Татары*, 35 *Телеуты*, 36 *Кистимскїе и Тулибертскїе Татары*, 37 *Абинцы*, 38 *Верьхотомскїе Татары*, 39 *Бирюссы*, 40 *Заянскїе Татары*, 41 *Белтыри*, 42 *Якуты*. Въ сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенїя описанныхъ въ оной Народовъ, а именно подъ нумеромъ 26 *Казанскаго Татарина*, 27 и 28 *Казанской Татарки съ переди и съ тылу*, 29 *Чатской Татарки*, 30 *Нагайской Татарки*, 31 *Кабардинца*, 32 *Кабардинки*, 33 *Сибирскаго Бухара*, 34 *Башкирки*, 35 *Мещерячки*, 36 *Барабинской бабы*, 37 *Барабинской дѣвки*, 38 *Киргизца на конѣ*, 39 и 40 *Киргизки съ переди и съ тылу*, 41 *Качинской Татарской бабы*, 42 и 43 *Качинской дѣвушки съ переди и съ тылу*, 44 и 45 *Шаманки Качинской въ Красноярскомъ Уѣздѣ съ переди и съ тылу*, 46 и 47 *Татарской бабы въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу*, 48 и 49 *Тагарской дѣвушки въ Кузнецкѣ съ лица и съ тылу*, 50 и 51 *Якута въ охотничьемъ платьѣ съ переди и съ тылу*, 52 и 53 *Якутской бабы съ переди и съ тылу*, 54 и 55 *Якутской дѣвки съ лица и съ*

тылу. — Да съ верьхъ сихъ изображенїй, находятся при второй же части еще два изображенїя: *заглавное,* представляющее особливыя Кундуровскихъ Татаръ юрты или кибитки на колесахъ, удободвижимыя съ мѣста на мѣсто такъ, какъ и образъ ихъ кочеванїя, и *конечное,* которое представляетъ Якутское плаванїе въ берестовой, или кожею обтянутой, лодкѣ, такъ же верьховую и упряжную ѣзду на волахъ, ихъ юрты и рыбную ловлю на байдарахъ.

Въ третьей части описаны Народы особенные и до нынѣ еще не рѣшенные о принадлежности ихъ къ какому либо изъ главныхъ и первоначальныхъ Россїйскихъ Народовъ, яко Народы *Семоядскіе* или правильнѣе, *Суома-Йотскіе, Восточные Сибирскіе* и *Манджурскіе,* такожъ *Островитяны* на Восточномъ морѣ, съ краткимъ извѣстїемъ объ употребительномъ у сихъ Языческихъ Народовъ *Шаманскомъ Идолослуженїи*; Исторїя, мѣстопребыванїе, лицечертанїе, обычаи, употребленїя, одѣянїе, упражненїя, Вѣроисповѣданїе и прочїя достопамятности сихъ Народовъ описаны кратко но подробно: 1 *Семоядовъ,* 2 *Конбаловъ,* 3 *Саятовъ* или *Суома-Йотовъ,* 4 *Маторовъ,* 5 *Тубинцовъ,* 6 *Камачинцовъ,* 7 *Каракассовъ,* 8 *Народовъ смѣшанной породы,* 9 *Енисейскихъ Отяковъ,* 10 *Аринцовъ,* 11 *Азановъ,* 12 *Котовцовъ,* 13 *Манжурскихъ Народовъ,* 14 *Тунгусовъ,* 15 *Восточныхъ Сибирскихъ Народовъ,* 16 *Юкагировъ,* 17 *Камчадаловъ,* 18 *Коряковъ,* 19 *Чукчей,* 20 *Курильцовъ,* 21 *Восточныхъ островскихъ жителей,* яко *Алеутовъ* и *Сѣверныхъ Американцовъ,* и 22 о *Шаманскомъ Языческомъ Законѣ.* При сей же части приложены на приличныхъ мѣстахъ изображенїя описанныхъ Народовъ и ихъ Идолослужителей, продолжая отъ нумера 56, представляющаго *Семояда,* 57 *Семоядку,* 58 *Семоядку въ лѣтнемъ платьѣ,* 59 *Тунгуса въ такомъ одѣянїи, въ какомъ ходятъ на звѣриный промыселъ,* 60 *Тунгуса на охотѣ,* 61 *Тунгуса въ охотничьемъ платьѣ,* 62 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ Аргунѣ съ лица,* 63 *Тунгусскаго Шамана при рѣкѣ*

Аргунъ съ тылу, 64 *Камчадала въ зимнемъ платьѣ*, 65 *Камчадалку въ простомъ платьѣ*, 66 *Камчадалку въ хорошемъ платьѣ*, 67 *Камчадалку въ великолѣпномъ убранствѣ*, 68 *Шамана Камчатскаго*, 69 *Коряка*, 70 *Коряка въ уборномъ платьѣ*, 71 *Корячку*, 72 *Чукотскую бабу, въ обыкновенной одеждѣ*, 73 *Чукотскую бабу, выдѣлывающую кожи*, 74 *Алеута*, 75 *Курильца*. — Съ верьхъ сихъ изображенїй есть еще въ сей третьей части *заглавное* изображенїе, представляющее, какъ Семояды свѣжуютъ оленя и при томъ ѣдятъ внутренность его сырую; такъ же какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на стрѣлковъ, которые ихъ убиваютъ, и *конечное*, которое представляетъ восточнаго островскаго жителя, плывущаго въ своей тюленьей лодкѣ или байдарѣ, въ тюленьемъ одѣянїи и въ деревянной шляпѣ или козыркѣ, подобной утиному носу, съ перьями воткнутыми въ оный; тутъ же виденъ въ дали островъ съ огнедышущею горою, каковыя находятся на Курильскихъ и другихъ сосѣдственныхъ Камчаткѣ островахъ.

Въ четвертой и послѣдней части творенїя сего описаны Народы, обитающїе подъ Россїйскою Державою, слѣдующїе: *Монголскїе Народы*, яко, 1 *Калмыки*, 2 *Ставропольскїе крещеные Калмыки*, 3 *Магаммеданскїе Калмыки*, 4 *Буретты*, 5 *Монголы*, 6 *Армяны*, 7 *Грузинцы*, 8 *Индїйцы*, 9 *Нѣмцы и другїе Европейцы*, 10 Поляки, 11 *РОССІАНЫ*, разумѣя коренные два Народа въ смѣшенїи, яко, *Россовъ* и *Славянъ* древнихъ, Народъ владычествующїй во всей Россїйской Имперїи; 12 *Козаки* по всѣмъ ихъ именованїямъ, 13 *Курландцы*, и на конецъ 14 *Литва*. — При описанїи сихъ Народовъ приложены изображенїя ихъ по порядку подъ нумеромъ 76 *Калмыка*, 77 *Калмычки*, 78 *Братской дѣвушки въ Удинскомъ острогѣ съ переди*, 79 *ея же съ тылу*, 80 *Братской бабы въ Удинскомъ острогѣ съ лица*, 81 *ея же съ тылу*, 82 *Братской Шаманки съ лица*, 83 *ея же съ тылу*, 84 *Монголки*, 85 *Монгольскаго Ламы или Духовнаго*, 86

Монголъской Шаманки или вѣщуньи, 87 *Армянина*, 88 *Армянки*, 89 *Поляка*, 90 *Полячки*, 91 *Калужскаго Кулца*, 92 *Россійскаго Крестьянина*, 93 *Калужской Кулеческой жены въ лѣтнемъ платьѣ*, 94 *Калужской женщины въ зимнемъ платьѣ*, 95 *Калужской дѣвицы съ переди*, 96 *Валдайской дѣвки* 97 *Валдайской бабы*, 98 *Донскаго Козака*, 99 *Донской Козачки*, 100 *Черноморскаго Козака*. — При сей же четвертой части Описанїе Народовъ, обитающихъ въ Россіи, есть еще изображенїя *заглавное*, представляющее Киргизскую и Калмыцкую охоту за птицами на лошадяхъ съ кречетами и ястребами въ рукахъ и въ погонѣ за журавлями, а *конечное* положенную на музыку извѣстную Россійскую пляску *Голубца*.

Показанныя здѣсь изображенїя Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляютъ ихъ большею частїю въ обыкновенныхъ ихъ одѣянїяхъ и лицечертанїяхъ, елико можно было ближе къ естественнымъ или природнымъ каждому изъ нихъ. Вырѣзаны оныя С. Петербургскими Рѣщиками: *Ротомъ*, *Шлеллеромъ* и другими, частїю съ находящихся рисунковъ и фигуръ при Императорской С. Петербургской Академїи Наукъ въ кунсткамерѣ, а частїю съ живыхъ подлинниковъ.

Въ прочемъ я съ своей стороны почту себя весьма счастливымъ, буде сїе мое изданїе толь любопытнаго, *новаго* и весьма наставительнаго творенїя удостоено будетъ отъ Россійской почтеннѣйшей Публики благосклоннаго прїятїя, яко усердная жертва, возлагаемая съ благоговѣнїемъ на священный жертвенникъ *БОЖЕСТВА*, пекущагося *Отечески* объ истинномъ и всеобщемъ просвѣщенїи и благоустройствѣ толь многихъ и различныхъ Народовъ, управляемыхъ благотворнымъ скипетромъ *ЕГО*. — Тогда-то усерднѣйшее желанїе мое достигнетъ настоящей своей мѣты.

Издатель.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, описанныхъ въ ПЕРВОЙ ЧАСТИ, съ показаніемъ, на которой страницѣ о которомъ изъ нихъ писано.

	стран.
I. О Финнскихъ Народахъ или древнихъ Руссахъ вообще	1
II. О Лопаряхъ	3
III. О Финнахъ или Чухонцахъ	14
IV. О Латышахъ, Эстахъ и Ливонцахъ	20
V. Объ Ижерцахъ	23
VI. О Черемисахъ	26
VII. О Чувашахъ	35
VIII. О Мордвѣ	42
IX. О Вотякахъ	48
X. О Тептеряхъ	58
XI. О Вогуличахъ	60
XII. Объ Остякахъ	66

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Издаваемое сїе описанїе обитающихъ въ Россїи Народовъ, ихъ житейскихъ обрядовъ, вѣръ, обыкновенїй, жилищъ, одеждъ и прочихъ достопамятностей есть твореніе славнаго Профессора Іоганна Готтлиба Георги, Доктора Химїи и Медицины, члена Академїй Наукъ Россїйской Императорской и Королевской Прусской, Римско-Императорской Академїи Естествоиспытанїя, Академїи Курфирстской въ Маинтцѣ, Вольнаго Экономическаго Общества въ С. Петербургѣ и Дружескаго Общества Берлинскихъ Естества Испытателей. — Оное собрано Господиномъ Георги, по собственному его сознанїю, частїю изъ собственнаго его обозрѣнїя, но большею изъ описанїй, во первыхъ покойнаго Статскаго Совѣтника Миллера, путешествїя по Сибири Іог. Гмелина, г. Крашенинникова о Камчаткѣ, г. Штеллера объ оной же, изъ Фишеровой Сибирской Исторїи, изъ Топографїи Оренбургской Петра Рычкова и его же Казанской Исторїи, изъ путешествїя Самуила Гмелина по Россїи, изъ путешествїя г. Палласа по разнымъ Провинцїямъ Россїйскаго Государства, изъ его же описанїй о Народахъ Монгольскихъ, изъ дневныхъ записокъ путешествїя по разнымъ Провинцїямъ Россїйскаго Государства г. Лепехина, изъ дневныхъ записокъ путешествїй по разнымъ Россїйскимъ Провинцїямъ Николая Рычкова, изъ извѣстїй Лемовыхъ о Лапландцахъ, изъ записокъ Клингстедтовыхъ о Самоядахъ и Лапландцахъ, изъ Гегстремова описанїя Шведской Лапландїи, изъ Гавенова извѣстїя о Россїи, изъ записокъ Шлетцеровыхъ, изъ путешествїя Климанова въ Крымъ и другїя мѣста, а равномѣрно и изъ другихъ путешествїй, описанїй и извѣстїй, придержась повѣствовательной истины, какъ можно, ближе, и при томъ короче.

Три части творенія сего, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, были переведены съ Нѣмецкаго языка на Россїйскїй, и напечатаны иждивеніемъ Книгопродавца Миллера, купно со изобра-

женіями описанныхъ въ оныхъ Народовъ. — Нынѣ издать всѣ четыре части творенія сего принялъ я на себя, по уступкѣ на то права отъ перваго, сказаннаго Издателя, какъ оригинала, или подлинника, въ четырехъ частяхъ на Нѣмецкомъ, такъ и трехъ частей на Россійскомъ языкѣ, не пощадя на то не малаго иждивенія, каковое требовалось какъ на уплату уступки печатанія и мѣдныхъ досокъ, на коихъ вырѣзаны изображенія Народовъ, такъ наиболѣе за изправленіе самаго творенія, сообразно настоящему новоустроенному Россійскаго Государства состоянію, по которому премногое въ описаніи Народовъ требовало поправки. Многое со всѣмъ почти вновь сочиняемо было, многое дополнено; иное сокращено, а иное и вовся выброшено, яко не существующее болѣе. Весьма счастливымъ почту себя, ежели и сіе усердное мое желаніе, доставлять почтеннѣйшей Россійской Публикѣ, чрезъ изданіе симъ подобныхъ книгъ, пользу и удовольствіе, будетъ столько же удостоено, какъ и прежнія таковыя же.

Извѣстно всякому искусному въ познаніи Государствъ, населяющихъ земный шаръ, что нѣтъ ни одного на ономъ, которое бы вмѣщало въ себѣ толь великое множество различныхъ Народовъ, какъ Россійское. Древніе обитатели настоящей Россіи были: Руссы, Финны, Славены, Волгары, а Сибирскіе: Самояды, Остяки, Тунгуссы, Монголы, Татары и проч. Со временемъ присоединены къ нимъ премногія поселенія восточныхъ и западныхъ Народовъ, и чрезъ то распространены предѣлы Государства, и число Народовъ умножено. Сему споспѣшествовала всегдашняя терпимость Вѣроисповѣданій, богослуженій, а равно и благость Россійскаго Владычества.

Точное познаніе о многихъ сихъ, населяющихъ Россію, Народахъ, а наипаче о сѣверныхъ и восточныхъ, можетъ почесться новымъ еще, въ самой Россіи. Съ завоеваніемъ Сибири, въ шестьнадесятомъ столѣтіи, отъ времени до времени пріобщаемы были къ Россійской Державѣ чуждые Народы,

едва, и по имени, до того извѣстные, да и доставляемы были Публикѣ объ оныхъ весьма краткія и не достаточныя извѣстія, пока, по Высочайшему изволенію, пекущагося о Народномъ просвѣщеніи, Правительства, С. Петербургскіе Академики, а наипаче, потрудившійся съ превеликою пользою для Россійской Исторіи, старый Академикъ, г Статскій Совѣтникъ Миллеръ, не пособралъ оныхъ, въ своихъ многолѣтныхъ путешествіяхъ. Новѣйшіе Путешествователи, Академики же, еще больше допомогли тому, хотя и все еще остается, а можетъ быть и останется всегда, не описаннымъ точно извѣстіе о многихъ изъ тѣхъ наипаче Народовъ, которые за недостаткомъ у нихъ письмянъ, за дикостію своею, за неудобопреходностію до нихъ, и за другими премногими трудностями, не могутъ быть точно разпрошены и изслѣдованы.

Но ежели когда можно было, такъ ето нынѣ, сообщить почтеннѣйшей Россійской Публикѣ вѣрное описаніе настоящаго состоянія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, ихъ мѣстопребыванія, нарѣчія, упражненій, обряда жизни, нравовъ, вѣры и всего любопытнаго, и представить, въ одномъ мѣстѣ, то, что разбросано въ мѣлочныхъ и частныхъ описаніяхъ, ежели не для наученія Читателей настоящему отечественному повѣствовательному описанію, то, по крайней мѣрѣ, для полезнаго заняція толь новымъ и любопопытнымъ чтеніемъ. Народы, обитающіе въ сѣверныхъ и восточныхъ, самыхъ крайнихъ оконечностяхъ и пустыняхъ, не удобныхъ ко введенному, въ Европѣ, образу жизни, яко ловцы, или пастыри, скитающіеся, хотя и остаются еще при своемъ образѣ жизни, но учинились уже довольно извѣстными, а особливо, при настоящемъ новоустроенномъ состояніи Государства Россійскаго. Живущіе же въ сосѣдствѣ съ исповѣдующими Христіанскую вѣру и въ умѣренныхъ Странахъ, весьма знатно удалились отъ древнихъ своихъ нравовъ, средствомъ единаго подражанія. Пріемлющіе Христіанскую Вѣру,

пріемлютъ и главное Россійское нарѣчіе, обрядъ жизни, одѣяніе и нравы, и хотя не тотъ часъ, въ первомъ колѣнѣ, уничиняются и хорошими гражданами, но конечно перестаютъ быть тѣмъ, что были. Нѣкоторые остатки Народовъ знатныхъ, отъ времени до времени, смѣшиваются во едино тѣмъ удобнѣе, чѣмъ менѣе толпы оныхъ, такъ, что, до измертвія еще остатковъ, сродняются съ главнѣйшими племенами. -- Единообразность учрежденія Государства весьма премудро допомогаетъ сему, и исполинскими шагами приближаетъ грубыхъ Народовъ нашихъ къ единой метѣ всеобщаго Россіи просвѣщенія, соединенія чудеснаго во едино тѣло и едину душу, и такъ сказать, сплавленія во Исполина, не колебимаго сотнями вѣковъ.

Внимательное разсматриваніе всѣхъ Народовъ, обитающихъ въ Россіи, представляетъ намъ живо древній, простой, естественному состоянію весьма близкій, міръ во всѣхъ степеняхъ прехожденія къ настоящему отонченному и обогащенному надобностями міру. Мы имѣемъ еще грубыхъ, воинствующихъ, равнодушныхъ при встрѣчѣ опасностей, бѣдствіи и при лишеніи имущества, безъ всякихъ законовъ скитающихся, Народовъ, *литающихся звѣриною и рыбною ловлею,* одѣвающихся одними звѣриными кожами и проч. такожь празднолюбивыхъ, иныхъ бѣдныхъ, а другихъ и богатыхъ. Народовъ, *живущихъ въ скотоводственной жизни,* и еще имѣющихъ древнѣе Патріархальные нравы, обычаи, упражненія въ скотоводствѣ, заимствуя отъ онаго одѣяніе, пищу и богатство свое, со скотами своими, безъ всякаго земледѣлія, въ подвижныхъ палаткахъ, кочующихъ въ пространныхъ степяхъ, имѣя между собою иные Народное, другіе Вельможеское, а иные, яко то Калмыки и Монголы, Единоначальственное управленіе; изъ древле живя общественно, слѣдуя естественнымъ законамъ, обнаруживающимся во всѣхъ ихъ поступкахъ; не имѣющихъ надобности въ деньгахъ, безъ письмянъ сохраняющихъ преданія; показывающихъ, въ ихъ жилищахъ,

одѣянїи, пищѣ, желаніяхъ простоту, довольство, являющихъ, благоговѣнїе къ вѣрѣ своей, уважающихъ старость и мужественные поступки: но частїю и такихъ между ними, кои жестокихъ нравовъ, безпредѣльно любомстительныхъ, лѣнивыхъ, не опрятныхъ, любострастныхъ, и вмѣщающихъ въ себѣ все естественнаго состоянїя зло и добро. *Земледѣльческое* состоянїе представляется намъ здѣсь отъ первоначальнаго воздѣлыванїя постепенно до самаго совершенства. *Жилища* отъ юртъ, или кущей, и пещеръ до шалашей, домовъ, не подвижныхъ деревень, селъ, городовъ съ чертогами; — *оружїе* отъ пращи до стрѣлъ, лашъ, фузѣй съ фитилями и замками и проч. *Ремесла* такъ же постепенно, отъ обдѣлывающаго работы каменнымъ ножемъ, до Художника, отъ шитья жилами, до вышиванья золотомъ и шелками.

Многїе обычаи и употребленїя древняго восточнаго Мїра сохраняются у нѣкоторыхъ нашихъ Народовъ, со всею важностїю древности, какъ на примѣръ, подарки праздничнаго платья, при бракахъ, гостепрїимство, закланїе животныхъ для гостей, почесть сидѣть подлѣ старѣйшихъ, и почтительность къ старости во обще, вкушенїе пищи, сидя на земли, образъ приготовленїя нѣкоторыхъ пищей и прочее, сему подобное. Новѣйшїе обычаи видны у разныхъ нашихъ Народовъ, во всѣхъ степеняхъ перехода отъ грубыхъ къ отонченнымъ. Ощутительно такъ же сходство образа жизни, нравовъ и свойствъ грубыхъ нашихъ Народовъ со многими дикими другихъ частей Свѣта, какъ на примѣръ, сходство одѣянїя нѣкоторыхъ сѣверныхъ Американцовъ и нашихъ Остяковъ, равно и образа жизни, домашней рухляди и проч. — Гренландцовъ съ сѣверными Сибиряками и островитянами; разписыванїе знаками кожи на тѣлѣ, какое дѣлаютъ Тунгусы, дѣлаютъ такъ же и новооткрытые южные Островитяны. — Чукчи наши носятъ воткнутые кости въ губахъ такъ же, какъ и *Певесы*, и такъ далѣе.

Въ *первой части* сего описанїя Народовъ, обитающихъ

въ Россіи, слѣдуя землеописательному чертежу Россійской Имперіи, сколько можно было ближе, описаны жилища, исторія, лицечертанія, нравы, обычаи, образъ жизни, упражненія, одежда, забавы, вѣра и проч. *Финнскаго племени*, яко одного изъ двухъ коренныхъ, составляющихъ существенную Россію, и именно: *1 Лопари, 2 Финны, 3 Латыши, Есты* и *Ливонцы, 4 Ижерцы, 5 Черемиссы, 6 Чуваши, 7 Мордва, 8 Вотяки, 9 Телтяры, 10 Вогуличи, 11 Отяки.* — При сей же первой части находятся помѣщенныя, гдѣ должно, изображенія, разкрашенныя, или не разкрашенныя (на произволеніе Читателей) описанныхъ въ оной Народовъ, слѣдующія: 1) *Лопаря*, 2) *Лопарыки*, 3) *Финнскаго мужика*, 4) *Финнской деревенской бабы*, 5 и 6) *Чухонки, въ праздничномъ одѣяніи, съ переди и съ тылу*, 7 и 8) *Естландской бабы, съ переди и съ тылу*, 9) *Естландской дѣвки*, 10) *Ижерки*, 11, 12 и 13) *Черемисски, съ переди и съ тылу, такъ же и въ лѣтнемъ нарядѣ*, 14 и 15) *Чувашенки, съ переди и съ тылу*, 16 и 17) *Мордовки, съ переди и съ тылу*, 18) *Мордовской дѣвки*, 19) *Мокшанской Мордовки*, 20) *Мокшанской старухи*, 21) *Вотяка*, 22) *Отяка, при рѣкѣ Оби*, 23) *Отякскаго горностайнаго промышленника*, 24 25) *Отячки, съ переди и съ тылу*. При сей же первой части находится еще, съ верьхъ сихъ изображеній, два изображенія, заглавное и конечное; первое представляетъ Лопарское богоговѣніе предъ холмомъ, почитаемымъ за священный, и предъ обтыканнымъ, принесенными въ жертву, оленьими рогами камнемъ, такожъ ихъ койе, или юрту; а второе, Чувашскіе и другихъ Финнскихъ Народовъ похороны.

Во второй части описаны *Татарскіе Народы*, родъ посторонній, покоренный, или добровольно пришедшій, подъ кроткую Россійскую Державу, родъ, послѣ коренныхъ Россійскихъ, самый многочисленный. Повѣствованіе объ нихъ сдѣлано самое краткое, но вѣрное и обстоятельное, и описаны *1 Казанскіе и Оренбургскіе Татары, 2 Тураминцы, 3 То-*

Тобольскіе Татары, 4 *Томскіе Татары*, 5 *Нагайскія Орды*, 6 *Кавказскіе Народы*, 7 *Бухарцы*, 8 *Татарскіе поселяны*, 9 *Башкирцы*, 10 *Мещеряки*, 11 *Барабинцы*, 12 *Киргизцы*, 13 *Обьскіе Татары*, 14 *Чулымскіе Татары*, 15 *Качинскіе Татары*, 16 *Телеуты*, 17 *Кастимскіе и Тулибертскіе Татары*, 18 *Абинцы*, 19 *Верьхотомскіе Татары*, 20 *Бирюссы*, 21 *Заянскіе Татары*, 22 *Белтыри*, 23 *Якуты*.—Въ сей же второй части приложены, на приличныхъ мѣстахъ, такъ же разкрашенныя, или не разкрашенныя, на произволъ Читателей, изображенія, весьма сходственныя: 26) *Казанскаго Татарина*, 27 и 28) *Казанской Татарки съ переди и съ тылу*; 29) *Чацкой Татарки*, 30) *Нагайской Татарки*, 31) *Кабардинца*, 32) *Кабардинки*, 33) *Сибирскаго Бухарца*, 35) *Мещерячки*, 36) *Барабинской бабы*, 37) *Барабинкой дѣвки*, 38) *Киргизца, верьхомъ*, 39 и 40) *Киргизки съ переди и съ тылу*, 41) *Качинской Бабы*, 42 и 43) *Качинской дѣвки съ переди и съ тылу*, 44 и 45) *Качинской Шаманки, изъ Красноярскаго Уѣзда, съ переди и съ тылу*, 46 и 47) *Кузнецкой Телеутки, съ переди и съ тылу*, 48 и 49) *Кузнецкой Телеутской дѣвки, съ переди и съ тылу*, 50 и 51) *Якута, въ охотническомъ платьи, съ переди и съ тылу*, 52 и 53) *Якутки, съ переди и съ тылу*, 54 и 55) *Якутской дѣвки, съ переди и съ тылу*.—Съ верьхъ сихъ изображеній, находятся, при второй же части, еще два изображенія: *заглавное*, представляющее особливыя Кундуровскихъ Татаръ юрты, или кибитки, на колесахъ, удобо-движимыя съ мѣста на мѣсто такъ, какъ и образъ ихъ кочеванья, и *конечное*, которое представляетъ Якутское плаваніе на лодкѣ, изъ бересту, ихъ верьховую и упряжную ѣзду на волахъ, ихъ юрты и рыбную ловлю, въ ихъ байдарахъ, какъ и бѣгъ на лыжахъ.

Въ третьей части описаны особенные самостоятельные Народы, въ Россіи, яко то: *Самояды*, или *Сомойоты*, *Народы восточные Сибирскіе* и *Манджурскіе*, такожъ и *Островитяны, на восточномъ морѣ*, съ краткимъ извѣстіемъ о употреби-

шельномъ, у сихъ Языческихъ Народовъ, *Шаманскомъ Идолослуженіи;* показаны ихъ обычаи, съ крашкимъ повѣствованіемъ о каждомъ, и во 1 *Самояды*, 2 Коибалы, 3 *Саяты*, 4 *Маторы*, 5 *Тубинцы*, 6 *Камачинцы*, 7 *Каракассы*, 8 *Народы смѣшанные*, 9 *Енисейскіе Отяки*, 10 *Аринцы*, 11 *Азаны*, 12 *Котовцы*, 13 *Манжурскіе Народы*, 14 *Тунгуссы*, 15 *Юкагиры*, 16 *Камчадалы*, 17 *Коряки*, 18 *Чукчи*, 19 *Курильцы*, 20 *Восточные Островитяны*, *яко-то*, *Алеуты* и *сѣверные Американцы*, 21 *Шаманскій Языческій Законъ*. — При чемъ, на приличныхъ мѣстахъ, приложены изображенія: 56) *Самояда*, 57) *Самоядки*, 58) *Самоядки, въ лѣтнемъ одѣяніи*, 59 и 60) *Тунгуссовъ, въ такомъ одѣяніи, въ какомъ ходятъ на звѣриной промыселъ*, 61) *Тунгуса, съ тылу*, 62 и 63) *Тунгускаго Шамана, съ переди и съ тылу*, 64) *Камчадала*, 65, 66 и 67) *Камчадалки*, 68) *Камчадальскаго Шамана*, 69) *Коряка*, 70) *Коряка же, въ праздничномъ платьѣ*, 71) *Корячки*, 72) *Чукоцкаго жителя, въ одѣяніи*, 73) *Его же, безъ одежды*, 74) *Алеута*, 75) *Курильца*. И сіи изображенія Читатель можетъ такъ же, по произволенію, имѣть не разкрашенными, или разкрашенными. Съ верьхъ сихъ изображеній, есть еще въ сей третьей части, *заглавное*, представляющее, какъ Самояды свѣжуютъ оленя, и при томъ ѣдятъ внутренность его сырую; такъ же, какимъ образомъ нагоняютъ они дикихъ оленей на стрѣлковъ, которые ихъ убиваютъ, и *конечное*, которое представляетъ восточнаго островскаго жителя, сидящаго въ байдарѣ своей, изъ тюленьей кожи, имѣющаго на себѣ тюленное одѣяніе и деревянную шляпу, подобную утиному носу; тутъ же виденъ, въ дали, островъ съ огнедышущею горою, каковые находятся на тѣхъ островахъ.

Въ Четвертой и послѣдней *Части* творенія сего описаны обитающіе въ Россійской Имперіи, такъ же: 1 *Калмыки*, 2 *Крещеные Ставропольскіе Калмыки*, 3 *Мугаммеданскіе Калмыки*, 4 *Буретты*, или *Братскіе Татары*, 5 *Монголы*, 6 *Армяны*, 7 *Грузинцы*, 8 *Индійцы*, 9 *Нѣмцы и другіе Европей-*

цы, 10 *Поляки* и, на конецъ 11 Россіяны, а въ заключеніе 12 *Козаки.*—Приописаніи сихъ Народовъ, приложены изображенія, въ пристойныхъ мѣстахъ, разкрашенныя, или не разкрашенныя, на произволъ Читателя: 76) *Калмыка*, 77) *Калмычки*, 78) *Братской дѣвки, въ Удинскомъ острогѣ, съ переди*, 79) *Ея же, съ тылу*, 80) *Братской бабы, въ Удинскомъ острогѣ, съ переди*, 81) *Ея же съ тылу*, 82) *Братской Шаманки съ переди*, и 83) *Ея же, съ тылу*, 84) *Монгольской женщины*, 85) *Монгольскаго Ламы*, или *Духовнаго*, 86) *Монгольской Шаманки*, или *вѣщуньи*, 87) *Армянина*, 88) *Армянки*, 89) *Поляка*, 90) *Полячки*, 91) *Калужскаго Кулца*, 92) *Калужской Кулчихи, въ лѣтнемъ одѣяніи, и* 93) *Ея же, въ зимнемъ одѣяніи*, 94) *Калужской дѣвки*, 95) *Валдайской дѣвки*, 96) *Валдайской бабы*, 97) *Рускаго Крестьянина*, 98) *Донскаго Козака*; 99) *Донской Козачки*, 100) *Черноморскаго Козака.* При сей же четвертой части Описаиія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, есть еще изображенія, *заглавное*, представляющее Киргизскую и Калмыцкую охоту за птицами, на лошадяхъ, съ кречетами и ястребами въ рукахъ, и въ погонѣ за журавлями, а *конечное*, положенную на ноты извѣстную Россійскую пляску, *Голубца.*

Всѣ сіи изображенія представляютъ Народовъ въ ихъ, большею частію, обыкновенныхъ одѣяніяхъ, каковыя находятся, частію, въ Кунсткамерѣ, при Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, или изображены извѣстными Академическими Путешествователями, по Россіи, а частію срисованы съ живыхъ подлинниковъ покойнымъ С. Петербургскимъ рѣщикомъ г. Ротомъ, и, елико можно, найлучше представляютъ лицечертанія, каждому Народу свойственныя. Часть послѣднюю изображеній сихъ дополнилъ рѣщикъ г. Шлепперъ, со всевозможною перваго точностію. Въ прочемъ остается въ произволеніи Читателей имѣть всѣ сіи четыре части описанія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, и безъ вышеописанныхъ изображеній, буде покажется кому дорого имѣть

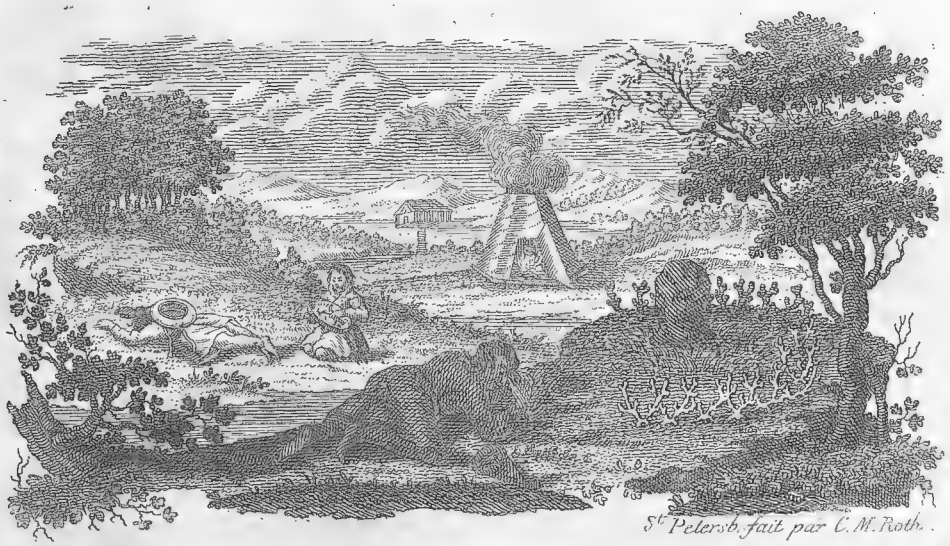
оныя купно съ изображеніями, не разкрашенными ли то, или разкрашенными; ибо можно конечно обойтися и безъ оныхъ, въ разсужденіи обстоятельнаго и яснаго описанія лицечертаній и одѣяній Народныхъ, хотя безъ сомнѣнія больше виду могли бы оныя придать творенію сему.

Я же съ своей стороны почту себя счастливымъ, буде сіе изданіе мое толь любопытнаго, новаго и наставительнаго творенія, будетъ отъ просвѣщенныхъ Читателей удостоено благосклоннаго приняшія, яко усердная жертва, возлагаемая на жертвенникъ *Божества*, пекущагося *Матерни* о всеобщемъ просвѣщеніи толь многихъ и различныхъ Народовъ, управляемыхъ скиптромъ *Онаго* — и тогда ревностное желаніе мое достигнетъ настоящей своей меты.

Издатель.

ПРИМѢЧАНІЕ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТЧИКА.

Изображенія Народовъ, обитающихъ въ Россіи, и описанныхъ *въ первой Части*, должны быть приложены: подъ нумеромъ 1, между страницами 6 и 7; подъ 2 нумеромъ, между страницами 8 и 9;, подъ нумеромъ 3, между страницами 14 и 15; подъ нумеромъ 4 - между страницами 16 и 17; подъ нумеромъ 5, тамъ же; подъ нумеромъ 6, между страницами 18 и 19; подъ нумеромъ 7, между страницами 20 и 21; подъ нумеромъ 8, между страницами 22 и 23; подъ нумеромъ 9, тамъ же; подъ нумеромъ 10, между страницами 24 и 25; подъ нумеромъ 11, между страницами 26 и 27; подъ нумеромъ 12, между страницами 28 и 29; подъ нумеромъ 13, тамъ же; подъ нумеромъ 14, между страницами 36 и 37; подъ нумеромъ 15, между страницами 38 и 39; подъ нумеромъ 16, между страницами 42 и 43; подъ нумеромъ 17, между страницами 44 и 45; подъ нумеромъ 18, тамъ же; подъ нумеромъ 19, между страницами 46 и 47; подъ нумеромъ 20, тамъ же; подъ нумеромъ 21, между страницами 50 и 51; подъ нумеромъ 23, между страницами 68 и 69; подъ нумеромъ 22, между страницами 70 и 71; подъ нумеромъ 24, тамъ же; подъ нумеромъ 25, между страницами 72 и 73.



ФИНСКІЕ НАРОДЫ, или ДРЕВНІЕ РУССЫ.

Древнїе *Руссы* суть коренный Россїи Народъ, котораго имя только Россія на себѣ носитъ, а языкъ его древнїй, отъ смѣшенія, сосѣдства и послѣ соединенія со Славянами, совершенно почти изчезъ. Народъ сей въ древности занималъ пространство нынѣшней Россїи отъ острова Тамана, Хвалынскаго моря, по восточную сторону Волги, до Бѣлаго, простираясь по сѣверному Океану, по восточной сторонѣ Ботническаго залива, по Финскому заливу и озерамъ: Ладожскому и Ильменю; по рѣкамъ: Волхову, Шалони, Мстѣ, Ловати и Пали. При устьѣ Ловати древнїй ихъ городъ, *старая Руса*. Народъ сей отъ древнихъ чужеземныхъ дѣе-писателей назывался Цымбрами, Киммерами, Сарматами, Готѳами и Гетами, а отъ сѣверныхъ домашнихъ Ютнарами, Рисарами, Ризами и Русами, т. е. по Цельтически, *сильными*. Въ старину Россїя не называлась *Россїею*, но *Русь, Русїа*, а Россїею стала звaться не прежде, какъ въ концѣ царствованїя *Іоанна* II, и названїе сїе введено Макарїемъ Митрополитомъ. Прежде Макарїя, и нѣсколько времени послѣ него, какъ въ шишулахъ, исторїяхъ и на деньгахъ всюду *Русь* именована, и самъ оный Государь въ рѣчахъ и граматахъ всегда *Русїа* употреблялъ. Руссовъ, Цимбровъ, или Кимеровъ, знатная часть, будучи потѣснена отъ Азовскаго моря Скиѳами, прошла въ Мидїю и Лидїю, а другїе подвинулись въ нынѣшнюю Ютландїю, Голш-

шинїю и Мекленбургїю, отъ которыхъ и море тамошнее Кимврїйскимъ прозвано. Тѣ же, кои, какъ выше показано, жили около Балтїйскаго моря и далѣе къ ледовитому Океану, по пришествїи на Княженїе Рурика, да и прежде ужѣ столько перемѣшались и породнились со *Славянами*, что на послѣдокъ стали составлять одинъ народъ; есть однакожь и по днесь особенные роды того древняго Русскаго Народа, извѣстные нынѣ подъ названїемъ, *Финскихъ народовъ*, и сутъ: *Лоларп, Финны, Латыши, Мордва, Вотяки, Гельтяры, Вогулпчи, Отяки* и прочїя постороннїя малыя поколѣнїя. Они сутъ самые древнїе сѣверныя Россїи жители, и обитаютъ всѣ, кромѣ Отяковъ и Вогуличь, по сїю сторону Уральскихъ горъ, составляющихъ естественный между Европою и Азїею предѣлъ.

По самому древнему ихъ состоянїю были они всѣ кочевые Народы; но въ послѣдующїя времена, а особливо по обращенїи ихъ отъ языческаго суевѣрїя къ Христїанскому закону, сдѣлались они изъ скотоводцовъ землепашцами, и подвижнымъ своимъ жилищамъ предпочли одномѣстныя.

Разсѣянные въ восточныхъ Странахъ не большїе Народы сообразовались въ словѣ и одеждѣ съ тѣми Народами, кои имъ были порубежны, или которыхъ они подъ иго свое покоряли. Такимъ образомъ много переняли кое чего Чуваша отъ Татаръ; Мордва, а особливо Зиряне и Пермяки, коихъ теперь почти и признать не можно, отъ Россїянъ; Отяки отъ Семоядовъ, и такъ далѣе. Однакожь весьма удивительно, что премногїя, въ разсѣянїи живущїя, *Финскїя поколѣнїя*, и при различномъ положенїи занимаемыхъ ими мѣстъ, имѣютъ еще и теперь очень много *собственнаго* и *сообразнаго* главнымъ Финскаго племени колѣнамъ въ разсужденїи тѣлообразїя, общенародныхъ свойствъ, языка, нравовъ, одежды, суевѣрїя, и проч. Все сїе явственно будетъ видно изъ частныхъ описанїй. Достойно такъ же примѣчанїя и то, что премногїе изъ сихъ Народовъ живутъ еще и теперь только въ сѣверныхъ, болотистыхъ и лѣсистыхъ Странахъ, кои изкони были любимыя Финскаго племени мѣста; въ разсужденїи чего и называются они *Наболотными жителями* (Суома Яме). Звѣриная и рыбная ловля была первымъ ихъ промысломъ. Въ прочемъ кажется быть и дѣйствительно вѣроятно, что столь великое сходство доказываетъ не оспоримо основанное на самой истинѣ мнѣнїе г. Статскаго Совѣтника Миллера, такъ и Профессора Фишера: *что всѣ сїи Народы суть не особливыя какїя, но только отщетившїяся отъ Финскаго племени колѣна.*

ЛОПАРИ.

Лопари, или *Лаплландцы*, называютъ себя *Самами* и *Сомами*, а Страну свою *Самеандою* и *Самеладдою*. Они живутъ въ Архангельскомъ Намѣстничествѣ, въ Кольскомъ уѣздѣ, и занимаютъ простирающуюся выше Бѣлаго моря на сѣверѣ залива, между находящимся въ западной сторонѣ *Сѣвернымъ*, а въ восточной *Бѣлымъ* морями землю, лежащую по Россійскому Атласу между 67 и 75 степенями сѣверной широты, и состоящую какъ изъ подавшихся наиближе къ сѣверу *Алтайскихъ горъ*, такъ и изъ склоненія оныхъ на востокѣ и югѣ въ низменныя, болотистыя, дикія, лѣсистыя и озерами изобилующія, гористыя мѣста. Норвежскіе, Шведскіе и Россійскіе предѣлы сошлись тамъ такъ, что *Шведская Лопарія* въ южной самую большую, *Россійская* въ восточной, а *Норвежская* въ сѣверной сторонѣ высокихъ горъ меньшую занимаетъ часть земли. По причинѣ неплодородія тамошнихъ горъ и суровости воздуха, такъ какъ и по тому, что Лопари живутъ почти звѣрообразно, не можетъ сей Народъ, соотвѣтственно обширности занимаемой имъ Страны, быть многолюденъ. Россійская Лопарія заключаетъ около тысячи верстъ въ поперешникѣ; но больше 1200 не наберется тамъ Лопарскихъ семей. Норвежская Лопарія гораздо меньше, а Шведская на противъ того не сравненно больше занимаетъ пространства; воздухъ тутъ благораствореннѣе, но жителей столь же мало.

Лопари суть *Финскій Народъ*. Они назывались еще и за шесть сотъ лѣтъ до нашихъ временъ *Стрико Финнами* (бѣглыми Финнами), и вѣроятнѣе кажется, что нынѣшніе Финны, отыскавъ отъ нихъ, переселились въ привольнѣйшія мѣста, для спокойнѣйшей и выгоднѣйшей жизни, нежели противное сему мнѣніе. Они издревле жили на своихъ горахъ, и управляемы были собственными Владѣльцами: но на послѣдокъ покорены Шведами, и теперь нѣтъ у нихъ и памяти Дворянскихъ семей.

Росту они *средняго*. Почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки не обыкновенно запалыя, глаза темносѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ, отъ воздуха, дыму и неопрятности, изъ желта смуглый. Отъ суровой своей жизни, бываютъ они сложеніемъ крѣпки, проворны и изгибчивы, но при томъ и лѣности подвержены.

Разумъ у нихъ *обыкновенный простонародный.* Въ прочемъ они миролюбивы, Начальникамъ своимъ очень покорны и почтительны, къ воровству не склонны, постоянны, въ обхожденіи веселы, но не довѣрчивы, въ торгахъ плутоваты, объ отечествѣ своемъ и общежительственномъ устроеніи очень много думаютъ, и столько какъ оными, такъ и самими собою плѣнены, что, бучи внѣ отечества, умираютъ больше отъ сокрушенія своего по родинѣ.

Женщины ихъ росту малаго, ласковы, не развращенны, нарочито бываютъ пригожи и чрезвычайно пугливы; въ чемъ и мужчины имъ подобны, но не совершенно. Ежели попадетъ на нихъ искра, не чаянно услышатъ шорохъ, такъ же когда увидятъ внезапно чужихъ, хотя съ лица и не дурныхъ, людей, либо другое что не важное, но для нихъ странное: то находитъ отъ того на нихъ шаль, и что имъ ни попадется въ руки, тѣмъ и бьютъ приближающихся къ нимъ, а когда очувствуются, то ни чего не помнятъ. Смотря на многочисленную ихъ бесѣду, можно примѣтить, что слушающіе пошевеливаютъ устами такъ точно, какъ и тѣ, кои дѣйствительно разговариваютъ.

Языкъ ихъ, заимствующій начало свое отъ Финискаго, имѣетъ столько нарѣчій, что и сами Лопари съ трудомъ всѣхъ своихъ одноплеменцовъ слова разумѣютъ. Всѣ слоги произносятъ они столько жестоко, что пѣніе ихъ, по сей причинѣ, бываетъ подобно вою и лаю наипротивнѣйшему. Они не знаютъ ни печатныхъ, ни письменныхъ буквъ; но употребляютъ начертанныя, по подобію какихъ ни есть звѣрей и вещей, *клейма*, которыя кладутъ на свои бирки, или памятники, да и въ мѣсто письменнаго заручательства прилагаютъ. Мѣсяцы называютъ они по естественнымъ, надъ растѣніями и звѣрьми происходящимъ, явленіямъ. Такъ на примѣръ, называютъ они мѣсяцъ Май, Чесмесъ (лягушечій), и проч. Небесныя свѣтила различаютъ они также не дурно: *Медвѣдицу* называютъ они, лукомъ (Цоука). *Семизвѣздіе*, скотскимъ сердцемъ (Теіоко), *Комету*, долгохвостою звѣздою (Зейпикснассе), и такъ далѣе. Многіе упражняются и въ предсказаніяхъ, на звѣздочетствѣ основываемыхъ.

Почтеніе оказываютъ они между собою по лѣтамъ, да по имѣнію. Жадность къ богатству есть самая большая ихъ страсть, и по тому очень часто вступаютъ они въ тяжбы за наслѣдство. Корыстолюбіе отвлекаетъ ихъ отъ всякаго о бѣдныхъ соболѣзно-

Лопарь.
Ein Lappländer.
Un Lapon.

ванїя, и какъ у нихъ не водится, чтобъ ѣздилъ кто на томъ оленѣ, на коемъ везено мертвое тѣло: то и о родительскихъ похоронахъ происходятъ часто между дѣтьми долговременные споры. Избѣгая за какое ни будь и не важное преступленїе наказанїя, уходятъ они иногда изъ своего уѣзда въ другой, съ онымъ порубежный; но сїе переселенїе кажется имъ столь же важно, какъ Европейцу путешествїе въ Индїю.

Народъ сей *не отсталъ*, и по приняттіи Христїанскаго закона, *отъ кочевой* своей *жизни*, да и то надобно сказать, что сельское домостроительство въ занимаемой имъ Странѣ было бы не прибыльно. Въ прочемъ *раздѣляется* оный *на нагорныхъ* и *поморскихъ* жителей. Нагорные Лопари, кои со стадами своими, изъ не равнаго числа оленей состоящими, живутъ какъ на горахъ, такъ и по близости оныхъ, почти безпрестанно перебираются съ одного мѣста на другое. Ихъ можно назвать преискусными и рачительными скотоводцами, и, въ сравненїи съ поморскими Лопарями, богатыми: ибо есть между ими такїе зажиточные люди, кои имѣютъ сотъ по шести и по тысячѣ оленей, да съ верьхъ того еще наличныя деньги, или серебреную посуду. Оленей своихъ замѣчаютъ они на ушахъ, и дѣлятъ ихъ на столько разныхъ родовъ, что, хотя считать и не умѣютъ, узнаютъ съ перваго взгляду, которыхъ не достаетъ. У кого животныхъ сихъ не много, тотъ даетъ каждому особое названїе. Излишныхъ же оленей холостятъ, раздавливая зубами сѣмянныя хранилища. Самцы олени, всѣ бодры, смирны, велики, дюжи и красивы; въ разсужденїи чего и употребляютъ ихъ Лопари всегда въ поѣздки, и при томъ столько они имъ милы, что ежели мужчина или женщина, вздумаетъ кому сказать ласковое слово: то называетъ его оленемъ (Гаерце Ецъ).

Поморскїе Лопари, называемые такъ же лѣсными и звѣроловными, по тому, что живутъ лѣтомъ около морей и озеръ, а зимою въ лѣсахъ, заимствуютъ пропитанїе свое отъ рыбной и звѣриной ловли, и избираютъ всегда подъ жилища свои привольныя, для сихъ промысловъ, мѣста. Однакожь большая ихъ половина держитъ у себя и оленей, по незнатному числу. Съ одного мѣста на другое переселяются они рѣдко, и суть въ прочемъ рачительные и искусные звѣроловы. Огнестрѣльное оружїе со всѣмъ почти вывело у нихъ изъ употребленїя лукъ и стрѣлы. Ежели кто ни будь изъ нагорныхъ Лопарей придетъ въ бѣдность, то уступаетъ остальныхъ своихъ оленей кому ни есть изъ пріятелей, а самъ прини-

мается, для изправленїя своего, за звѣриный промыселъ, который и продолжаетъ до тѣхъ поръ, пока обстоятельства его не перемѣнятся. Дикихъ оленей, волковъ и другихъ, симъ подобныхъ, звѣрей бьютъ они больше дубинами, по тому, что на лыжахъ свободно ихъ догоняютъ. Медвѣдей же сперьва подстрѣливаютъ, а по томъ рогашинами съ ними управляются.

Сверьхъ оленья скотоводства, такъ же рыбной и звѣриной ловли, *дѣлаютъ мужчины* про себя не большїя, легкїя и плотныя *лодки*, подобныя имъ видомъ сани, оленью збрую, всякую деревянную посуду, чашки, стаканы, и прочую, которую либо украшаютъ не дурною рѣзьбою, либо обкладываютъ костью, оловомъ и рогомъ. Мужчины изправляютъ такъ же, безъ помощи женъ, и всю поваренную работу.

На противъ того *женщины* вяжутъ сѣти, сушатъ на солнцѣ мяса, вялятъ рыбу, доятъ ланей, пріуготовляютъ сыръ, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, теребятъ звѣриныя жилы, для употребленїя въ шитьѣ, въ мѣсто ниш къ, волочатъ проволоку изъ олова; при чемъ, за неимѣнїемъ волочильныхъ желѣзъ, пробуравливаютъ въ оленьихъ рогахъ дырочки, и дѣлаютъ сперва круглую, а по томъ плоскую проволоку. Они такъ же портничатъ, вышиваютъ волоченымъ оловомъ, сребромъ, мишурою и шерстью узоры, и упражняются въ красильномъ искусствѣ.

Живутъ въ подобныхъ полевымъ ставкамъ шалашахъ, состоящихъ изъ вколоченныхъ въ землю, и къ верьху будто куполомъ сведенныхъ столбиковъ. Въ поперешникѣ бываютъ шалаши ихъ по пяти, а въ вышину съ не большимъ на одну сажень. Они покрываютъ оный, сообразуясь съ теченїемъ времени и своими достатками, хворостомъ, дерномъ, берестою, холстомъ, толстымъ сукномъ, войлоками, или ветхими оленьими кожами. Входъ въ шалаши ихъ закрываетъ навѣсъ, обтянутый сукномъ, войлокомъ или другимъ чѣмъ. По серединѣ бываетъ, для разводу огня, обкладенное каменьями мѣсто, надъ которымъ опущена для вѣшанїя котла цепь. Во кругъ огня сыплютъ они еловую шруху, и покрываютъ оную подложенными мѣхомъ одѣялами, войлоками, или инымъ чѣмъ. Они не могутъ въ шалашахъ своихъ стоять прямо, но сидятъ около огня на цыпкахъ. Ночью спятъ всѣ они нагїе, и кладутъ промежь себя, для отдѣленїя ночлѣговъ, жерди. Платьемъ своимъ одѣваются, а иногда кладутъ оное и подъ себя. Въ зимнее время надѣваютъ, ложась спать, на босыя ноги теплыя кисы.

Пожитки ихъ составляютъ чугунные котлы, украшенныя изрядною рѣзною работою чашки, стаканы, ложки, а иногда водятся у нихъ такъ же оловянные и серебряные стаканчики, и употребляемыя ими въ звѣриномъ и рыбномъ своемъ промыслѣ снасти. А дабы не таскать всего съ собою, когда вздумаютъ на другое перебраться мѣсто: то дѣлаютъ въ лѣсахъ, гдѣ кто захочетъ, на срубленныхъ, повыше сажени отъ корня, деревахъ подобные нашимъ голубятнямъ чуланы, въ которые кладутъ пожитки свои и съѣстные припасы. Они ни когда оныхъ не запираютъ, однако пропажъ не бываетъ.

Что касается до *одѣянїя* ихъ, то бѣлье со всѣмъ у нихъ не въ употребленїи. *Мужчины* носятъ узкїя, за самыя лодыжки припущенныя штаны, востроносую изъ не выдѣланныхъ кожъ, и съ переди закорюченную обувь, въ которую кладутъ зимою нѣсколько сѣна, по костямъ сшитыя душегрѣйки, кои носятъ въ разпашку, и сдѣланное, по росту, верьхнее одѣянїе, у коего рукава бываютъ узкїе, а полы по колѣна. Подпоясываются украшенными мѣднымъ или оловяннымъ наборомъ ремнями, къ которымъ привѣшиваютъ ножъ, огниво съ принадлежностью и табашный приборъ. Одѣянїе свое шьютъ изъ мягкой рухляди, кожъ и сукна; кожаное и суконное платье бываетъ у нихъ всегда либо опушено, либо цвѣтнымъ сукномъ по краямъ оторочено. Шапки носятъ съ околышами, на которые употребляютъ Россїйскїе Лопари, по большей части, содранныя съ крысъ шкурки. Къ верьху сводятся они востро, и выкладываются по четыремъ швамъ суконными, другаго какого цвѣту, полосками. *Женщины* носятъ подобныя мужскимъ штаны, обувь, душегрѣйки и верьхнее одѣянїе, а поясъ, къ коему такъ же привѣшиваютъ табашный приборъ, вышиваютъ по часту волоченымъ оловомъ. У верьхняго ихъ платья дѣлается ворошникъ пошире мужскаго. Къ наряду ихъ принадлежатъ такъ же ошейныя повязки, маленькїе, изъ пестрой Россїйской набойки, запоны, перстни, кольца и серьги, къ коимъ прицепляютъ иногда серебреныя цепочки, и обвертываютъ оныя нѣсколько разъ около шеи. На шапкахъ ихъ бываетъ не рѣдко такое множество складокъ, что нарочито походятъ на узолъ. Онѣ носятъ такъ же и по головѣ сдѣланныя, шапочки, кои всегда либо узорчато вышиваютъ волоченымъ оловомъ, либо украшаютъ цвѣтными суконными полосками.

Пищу свою заимствуютъ они больше отъ оленьяго скотоводства, такъ же отъ рыбной и звѣриной ловли. Оленье мясо,

начиненныя колбасы кровью, которую, или одну, или смѣшавъ съ дикими ягодами, пропускаютъ въ оленій желудокъ, и варятъ; равномѣрно внутренность сей скотины, сыръ, масло и молоко составляютъ главныя ихъ ѣствы. Изъ всѣхъ звѣрей почитаются у нихъ шатающіеся, въ великомъ множествѣ, дикіе олени наиполезнѣйшими, а медвѣди наивкуснѣйшими. Они ѣдятъ не только всякую рыбу и тюленей, но и всякихъ звѣрей и птицъ, не гнушаясь при томъ и хищными родами оныхъ. На зиму сушатъ на солнцѣ мясо, и вялятъ рыбу, а ѣдятъ, не варя. Они замораживаютъ, такъ же въ прокъ, въ звѣриныхъ желудкахъ оленье молоко и всякіе дикіе плоды. Когда вздумаютъ зимою полакомиться молокомъ, то колютъ замороженное, и грызутъ, какъ ледъ. Ворвань, а иногда и соль, служитъ имъ въ мѣсто пряного коренья. Нѣкоторые Лопари покупаютъ, или вымѣниваютъ муку и крупу, для жидкихъ ѣствъ. Въ числѣ *лакомствъ* ихъ не послѣднее занимаетъ мѣсто *простокваша*, дѣлаемая ими изъ оленьяго молока, въ которое кладутъ траву *василекъ*. (*) Изъ *сыру* своего, который бываетъ такъ тученъ, что, ежели къ свѣчѣ прислонишь, горитъ, варятъ они и похлебки.

Общее ихъ *питье* есть или чистая, или съ молокомъ смѣшанная вода, такъ же рыбные и мясные отвары. Вина у нихъ рѣдко гдѣ достать можно, хотя они въ прочемъ и великіе до онаго охотники.

Подушный окладъ платятъ они тѣмъ Владѣльцамъ, на чьихъ земляхъ живутъ; и поелику они при странствованіи своемъ касаются и порубежныхъ Областей: то многіе платятъ двумъ, а нѣкоторые и всѣмъ тремъ Государствамъ, сирѣчь: Россіи, Швеціи и Даніи подати, которыя однакожь во обще столь умѣренны, да и самые Лопари такіе покорные люди, что не бываетъ о томъ ни какихъ споровъ. Самый большій *торгъ* производятъ они теперь съ Норвежцами. Въ прежнія времена мѣнялись они съ ними товарами, а теперь торгуютъ больше на наличныя деньги; при чемъ Лопари главную получаютъ прибыль, по тому, что на мягкой рухляди больше выручаютъ, нежели сами платятъ денегъ за сукно, ножи, топоры, щепетильные товары, муку, крупу, и симъ подобныя надобности. И по тому платятъ они теперь подать свою обыкновенно наличными деньгами, хотя Россійскимъ Лопарямъ и дозволено, въ мѣсто оныхъ, отдавать въ казну мягкую рухлядь.

(*) Pingvicula vulg. Lin.

Лопарская баба.
Eine Lappländische Frau.
Une femme laponne.

Когда прійдетъ пора *ѣсть*, то старѣйшина семейства растилаетъ рогожу; а на голой землѣ отнюдь не ставятъ они своихъ ѣствъ. Около рогожи и поставленной пищи садятся мужчины и женщины. Всякъ носитъ при себѣ ножь, ложку и не большую для питья чашку. Ѣствы дѣлятъ они тотъ часъ по рукамъ, чтобъ не было ни кому обидно: ибо всѣ они добрые ѣдоки. Какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной молятся они коротенько; а когда всѣ уже насытятся, то даютъ одинъ другому руку. Во время взаимныхъ *посѣщеній* даютъ они такъ же одинъ другому руку, и цѣлуются, говоря при томъ: *цуерисъ!* а по другому выговору *цуересъ!* (здравствуй!). *Про гужихъ* людей, когда хотятъ ихъ посадить, стелютъ всегда свое одѣяніе; а первымъ мѣстомъ почитается у нихъ то, когда посадятъ промежъ хозяиномъ и хозяйкою. Гостей своихъ потчуютъ они плодами и курительнымъ табакомъ; плюютъ они себѣ въ руку, а по томъ тянутъ мокроту въ носъ. Когда *идутъ* къ кому, *познатнѣе* себя, *въ гости*: то несутъ всегда гостинецъ. При прощаніи поступаютъ такъ же, какъ и при встрѣчѣ. Кому они доброжелательствуютъ, тѣхъ называютъ *буорѣ арцъ*. Бань у нихъ со всѣмъ нѣтъ, а моются по субботнымъ днямъ, кои почитаютъ наисвятѣйшими, въ рѣчкахъ, и при томъ часто оба пола въ мѣстѣ. Лежалыя деньги, такъ же сребро, и во обще все то, что почитаютъ дорогимъ, зарываютъ въ землю, и не объявляютъ ни кому о таковыхъ своихъ вкладахъ и при самой смерти, для того, что думаютъ пользоваться симъ имѣніемъ и на томъ еще свѣтѣ; а по тому большая половина ихъ стяжанія пропадаетъ.

По причинѣ суроваго воспитанія, много *умираетъ* у нихъ дѣтей, а которыя остаются въ живыхъ, тѣ бываютъ по большой части здоровы и бодры; что происходитъ, можетъ статься, отъ ихъ безпечности, умѣренности, движенія и отъ того, что избираютъ всегда для жилищъ своихъ высокія мѣста. Однакожь рѣдко кто доживаетъ у нихъ до глубокой старости. Обыкновенныя ихъ *болѣзни* суть слѣдующія: короста, чахотка, горячка съ пятнами, ломъ въ костяхъ и біеніе слезы изъ глазъ, отъ снѣгу и дыму. Пользуются же они въ болѣзняхъ своихъ больше суевѣрными, нежели дѣйствительными, врачеваніями: при чемъ употребляютъ такъ же для изцѣленія наружныхъ ранъ сосновую сѣру; отъ коросты моются уваромъ изъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную изъ дикихъ оленей кровь. Наибольше же употребляется, и отъ всякой боли общею помочью почитается, у нихъ прижи-

ганіе больнаго мѣста губкою, которую зажегши кладутъ на оное, и не снимаютъ до тѣхъ поръ, пока кожа не трѣснетъ.

Безплодіе вмѣняется у Лопарокъ такъ же, какъ и у Жидовокъ, въ безчестіе. Роды у нихъ бываютъ обыкновенно легкія, а какъ женщинъ, кои бы могли въ нужномъ семъ случаѣ пособить, далеко иногда искать: то мужья сами имъ помогаютъ. *Колыбели* у нихъ долбленыя, не велики и легки, а съ виду походятъ на шкальные челноки, или на завостренныя съ обѣихъ концовъ ночовки. Дѣтей кладутъ они въ нихъ, подославши моху, нагихъ, и прикрывъ лоскутомъ какого ни будь мѣха, перетягиваютъ съ верьху веревочками. Колыбели вѣшаютъ какъ въ шалашахъ, такъ и на древесныхъ сучьяхъ; а когда переселяются въ другое какое мѣсто, то матери носятъ ихъ за плечами, какъ ранцы. Отецъ надѣляетъ всегда новорожденнаго младенца одною ланью, и особливымъ замѣчаетъ оную клеймомъ, которое въ послѣдующее время бываетъ заручительнымъ новаго сего члена общества знакомъ; приплодъ же отъ такой подаренной младенцу лани почитается его собственнымъ, а не къ общему наслѣдству принадлежащимъ имѣніемъ.

Родители *женятъ* и *за мужъ выдаютъ* дѣтей, по своей единственно волѣ, уважая при томъ одно только имѣніе; а по тому и безобразная дѣвка, когда только не скудна, можетъ выйти за хорошаго человѣка. Холостымъ не дозволяется у нихъ жениться до тѣхъ поръ, пока не выучатся свѣжовать оленей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ располагается договоръ о бракѣ съ такою превеликою точностію, какъ будьто о какой куплѣ; хотя въ прочемъ запросы бываютъ и нарочито не помѣрны. Даваемое женихомъ *за невѣсту награжденіе принимается щетомъ*, и состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, или мягкой рухляди.

Свадьба бываетъ у невѣсты, которая въ самомъ лучшемъ своемъ нарядѣ выходитъ къ гостямъ простоволоса; а въ другую пору всегда повязана голова какъ у бабъ, такъ и у дѣвокъ. Свадебное ихъ угощеніе есть не иное что, какъ общественное пиршество, на которое идучи несетъ всякъ съ собою какъ съѣстное, такъ и напитки. *Забавляются* же они на свадьбахъ и при другихъ сборищахъ *игрою въ гуська*. Сія игра подобна шахматной, и производится принадсятью камышками, представляющими гусей и лисицу. Увеселяются такъ же борьбою, прыганьемъ черезъ держимые въ долъ шесты, разсказываніемъ забавныхъ басень, нескладнымъ, и пополамъ съ крикомъ смѣшаннымъ, пѣніемъ и пляскою. Молодые жи-

Чухонской мужикъ.
Ein Finnischer Bauer.
Paisan de Finlande.

ванїя, и какъ у нихъ не водится, чтобъ ѣздилъ кто на томъ оленѣ, на коемъ везено мертвое тѣло: то и о родительскихъ похоронахъ происходятъ часто между дѣтьми долговременные споры. Избѣгая за какое ни будь и не важное преступленїе наказанїя, уходятъ они иногда изъ своего уѣзда въ другой, съ онымъ порубежный; но сїе переселенїе кажется имъ столь же важно, какъ Европейцу путешествїе въ Индїю.

Народъ сей *не отсталъ*, и по приняттїи Христїанскаго закона, *отъ кочевой* своей *жизни*, да и то надобно сказать, что сельское домостроительство въ занимаемой имъ Странѣ было бы не прибыльно. Въ прочемъ *раздѣляется* оный *на нагорныхъ* и *поморскихъ* жителей. Нагорные Лопари, кои со стадами своими, изъ не равнаго числа оленей состоящими, живутъ какъ на горахъ, такъ и по близости оныхъ, почти безпрестанно перебираются съ одного мѣста на другое. Ихъ можно назвать преискусными и рачительными скотоводцами, и, въ сравненїи съ поморскими Лопарями, богатыми: ибо есть между ими такїе зажиточные люди, кои имѣютъ сотъ по шести и по тысячѣ оленей, да съ верьхъ того еще наличныя деньги, или серебреную посуду. Оленей своихъ замѣчаютъ они на ушахъ, и дѣлятъ ихъ на столько разныхъ родовъ, что, хотя считать и не умѣютъ, узнаютъ съ перваго взгляду, которыхъ не достаетъ. У кого животныхъ сихъ не много, тотъ даетъ каждому особое названїе. Излишныхъ же оленей холостятъ, раздавливая зубами сѣмянныя хранилища. Самцы олени, всѣ бодры, смирны, велики, дюжи и красивы; въ разсужденїи чего и употребляютъ ихъ Лопари всегда въ поѣздки, и при томъ столько они имъ милы, что ежели мужчина или женщина, вздумаетъ кому сказать ласковое слово: то называетъ его оленемъ (Гаерце Ецъ).

Поморскїе Лопари, называемые такъ же лѣсными и звѣроловными, по тому, что живутъ лѣтомъ около морей и озеръ, а зимою въ лѣсахъ, заимствуютъ пропитанїе свое отъ рыбной и звѣриной ловли, и избираютъ всегда подъ жилища свои привольныя, для сихъ промысловъ, мѣста. Однакожь большая ихъ половина держитъ у себя и оленей, по незнатному числу. Съ одного мѣста на другое переселяются они рѣдко, и суть въ прочемъ рачительные и искусные звѣроловы. Огнестрѣльное оружїе со всѣмъ почти вывело у нихъ изъ употребленїя лукъ и стрѣлы. Ежели кто ни будь изъ нагорныхъ Лопарей придетъ въ бѣдность, то уступаетъ остальныхъ своихъ оленей кому ни есть изъ пріятелей, а самъ прини-

несогласны, въ разсужденіи количества оныхъ, но исповѣдуютъ еще и чуждыхъ Боговъ и духовъ.

Святыя горы служатъ имъ *въ мѣсто капищъ*, и заимствуютъ всегда прозваніе свое отъ оленей, какъ на примѣръ, *Стрень-алда*, олень горы Стира; не меньше почитаютъ они *святыя озера* (Аилекасъ Яувра), и *рѣки* (Пассе Іокъ). Во всѣхъ таковыхъ мѣстахъ стоятъ освященныя дерева, на коихъ видны разные, Лопарями начертанные, виды, а по близости оныхъ находятся, сдѣланные ими отъ 3 до 5 футовъ въ вышину, жертвенники. Мѣста сіи кажутся и принявшимъ уже Христіанскій законъ Лопарямъ такъ страшны, что не смѣютъ безъ жертвы къ онымъ приближиться, и по тому они въ околицѣ оныхъ ни звѣрей не ловятъ, ни сами не живутъ. Наипаче же женщинамъ должно, по ихъ мнѣнію, убѣгать такихъ мѣстъ. Тамъ стоятъ у нихъ деревянные, безобразные, изъ корня вырѣзанные, или изъ камней устроенные *идолы*: первыхъ называютъ они *Пассами*, а послѣднихъ, кои видны больше при озерахъ и рѣкахъ, и состоятъ изъ цѣлыхъ грудъ, странно огромощеныхъ, камней, нарицаютъ *Саетами*. Когда ловятъ они въ таковыхъ озерахъ рыбу, то должно имъ наблюдать безмолвіе, не водить за собою собакъ, не брать себѣ въ подмогу женъ, и прочее.

Жертвы приносятъ они, по случаю болѣзней, падежа оленей, безплодныхъ женитьбъ и другихъ временныхъ угнѣтеній. *Волшебникъ* долженъ имъ сказывать, къ какому Божеству надобно имъ обращиться, такъ же какую и гдѣ надлежитъ принесть жертву, и проч. На такой конецъ употребляетъ онъ иногда *волшебный* свой *барабанъ*, который есть не иное что, какъ продолговато, круглый съ одной стороны кожею обтянутый, языкъ, около коего бываетъ великое множество веревочекъ и всякихъ мѣлочей. На барабанной кожѣ представлены изображенія небесныхъ свѣтилъ, такъ же звѣрей, птицъ, заручительныхъ знаковъ, и сему подобнаго. Волшебникъ, положа на оную кольцо, и ударя колотушкою, которую составляетъ мохнатый оленій рогъ, можетъ, по мнѣнію Лопарей, узнать по тому изображенію, на коемъ ляжетъ попрыгивающее кольцо, какой давать ему отвѣтъ на всѣ, до прошедшаго и будущаго касающіеся, вопросы. Они призываютъ такъ же барабаномъ своимъ и духовъ; при чемъ тѣло ихъ обмираетъ, а душа переселяется на сборное духовъ мѣсто, и тамъ съ ними переговариваетъ.

Всякъ приноситъ отъ себя единственно жертву. Пріуготовляясь же къ обряду сему, очищается, и привязываетъ крѣпко всѣхъ

Чухонская крестьянская баба.
Ein Finnisches Bauren-Weib.
Païsanne de Finlande.

Когда прійдетъ пора *ѣсть*, то старѣйшина семейства растилаетъ рогожу; а на голой землѣ отнюдь не ставятъ они своихъ ѣствъ. Около рогожи и поставленной пищи садятся мужчины и женщины. Всякъ носитъ при себѣ ножь, ложку и не большую для питья чашку. Ѣствы дѣлятъ они тотъ часъ по рукамъ, чтобъ не было ни кому обидно: ибо всѣ они добрые ѣдоки. Какъ передъ ѣдою, такъ и послѣ оной молятся они коротенько; а когда всѣ уже насытятся, то даютъ одинъ другому руку. Во время взаимныхъ *посѣщеній* даютъ они такъ же одинъ другому руку, и цѣлуются, говоря при томъ: *суерисъ!* а по другому выговору *луересъ!* (здравствуй!). *Про чужихъ* людей, когда хотятъ ихъ посадить, стелютъ всегда свое одѣяніе; а первымъ мѣстомъ почитается у нихъ то, когда посадятъ промежъ хозяиномъ и хозяйкою. Гостей своихъ потчуютъ они плодами и курительнымъ табакомъ; плюютъ они себѣ въ руку, а по томъ тянутъ мокроту въ носъ. Когда *идутъ* къ кому, *познатнѣе* себя, *въ гости*: то несутъ всегда гостинецъ. При прощаніи поступаютъ такъ же, какъ и при встрѣчѣ. Кому они доброжелательствуютъ, тѣхъ называютъ *суоръ арцъ*. Бань у нихъ со всѣмъ нѣтъ, а моются по субботнымъ днямъ, кои почитаютъ наисвятѣйшими, въ рѣчкахъ, и при томъ часто оба пола въ мѣстѣ. Лежалыя деньги, такъ же сребро, и во обще все то, что почитаютъ дорогимъ, зарываютъ въ землю, и не объявляютъ ни кому о таковыхъ своихъ вкладахъ и при самой смерти, для того, что думаютъ пользоваться симъ имѣніемъ и на томъ еще свѣтѣ; а по тому большая половина ихъ стяжанія пропадаетъ.

По причинѣ суроваго воспитанія, много *умираетъ* у нихъ дѣтей, а которыя остаются въ живыхъ, тѣ бываютъ по большой части здоровы и бодры; что происходитъ, можетъ статься, отъ ихъ безпечности, умѣренности, движенія и отъ того, что избираютъ всегда для жилищъ своихъ высокія мѣста. Однакожь рѣдко кто доживаетъ у нихъ до глубокой старости. Обыкновенныя ихъ *болѣзни* суть слѣдующія: короста, чахотка, горячка съ пятнами, ломъ въ костяхъ и біеніе слезы изъ глазъ, отъ снѣгу и дыму. Пользуются же они въ болѣзняхъ своихъ больше суевѣрными, нежели дѣйствительными, врачеваніями: при чемъ употребляютъ такъ же для изцѣленія наружныхъ ранъ сосновую сѣру; отъ коросты моются уваромъ изъ ольховой коры, а отъ внутреннихъ болѣзней пьютъ парную изъ дикихъ оленей кровь. Наибольше же употребляется, и отъ всякой боли общею помочью почитается, у нихъ прижи-

ФИННЫ.

Финны называютъ себя *Самами* и *Суомами*, а землю свою *Суомою, Самою* или *Суоменъ Сарою*, что значитъ болотистую и озерами изобилующую Страну. Слово же *Финнъ* и *Фенъ*, такъ какъ и названіе ихъ Земли, есть преложеніе Готскаго ихъ наименованія Соумс. Россіяне называютъ ихъ обыкновенно *Чухонцами*, или *Майместами. Финнская Земля* занимаетъ сѣверо восточный Ботническаго и Финскаго залива уголъ между 60 и 65 степенями сѣверной широты, а пространство оныя считается во обще на тридсять тысячь Россійскихъ верстъ. Финны живутъ въ Выборгскомъ намѣстничествѣ и С. Петербургской губерніи, гдѣ они Ижорцами или Ингрими называются, такъ же около Валдая и Бѣжецка, и сушь большею частію Лютеранскаго исповѣданія. Страна сія камениста, но высокихъ горъ въ оной мало; лѣсовъ и превеликихъ болотъ, такъ же особенныхъ озеръ съ островами и безъ оныхъ, промежь которыми есть мѣстами и *плодородная лошва*, великое тамъ множество, да и *минералами* суровая сія Страна не неизобильна. Большая половина Финнской Земли принадлежитъ *Швеціи*, а *Корелію*, какъ южною частію оной, владѣетъ *Россія* съ 1721 года. Въ прочемъ страна сія по причинѣ вышепомянутыхъ препятствій населена посредственно.

Финны, отъ предковъ коихъ произошли почти всѣ сѣверные Европейскіе Народы, сушь Азіатцы, преселившіеся въ древнія, неизвѣстностію покрытыя времена, изъ восточныхъ своихъ Странъ въ занимаемыя ими теперь на западѣ Земли. Они сообразны, по своему произхожденію, нраву и языку многимъ Европейскимъ и Азіатскимъ Народамъ, какъ то, *Черемисамъ*, *Чувашамъ* и другимъ: но ни съ кѣмъ столько не сходствуютъ, какъ съ *Лопарями и Пермяками*. Кажется, что они отдѣлились отъ *Лопарей* не прежде, какъ въ тринадсятомъ столѣтіи, при разпространеніи Христіанской вѣры и утвержденіи жилищь на одномъ мѣстѣ. Въ Финнской Землѣ называются еще и теперь многія горы, рѣки и озера Лопарьскими именами. Изданное, въ 1335 году, Шведскимъ Королемъ *Смекомъ* учрежденіе можетъ удостовѣрить насъ въ томъ, что Финны промышляли тогда звѣриною и рыбною ловлею да скотоводствомъ, и что они держали у себя оленей, съ коими переселялись съ одного мѣста на другое. Да и изъ повѣствованій видно,

Чухонка въ уборномъ платьѣ.
Eine Finnin im Feyertags-Kleide.
Femme finoise dans son habit des fêtes.

что они не въ лучшемъ были тогда состоянiи и около Курскихъ и Ливонскихъ Балтiйскаго моря береговъ. Они имѣли собственныхъ своихъ Владѣльцовъ, но въ началѣ тринадсятаго столѣтiя покорены Шведами.

По наружному виду Финны совершенно сообразны Лопарямъ; но тѣлесными и душевными добрыми качествами далеко отъ нихъ отошли. Росту они обыкновеннаго; жительствуютъ въ городахъ и деревняхъ; говорятъ собственнымъ языкомъ, и пишутъ Гоѳскими буквами; имѣютъ у себя разныя частныя и вышнiя Училища, и нарочито успѣваютъ въ различныхъ Художествахъ и Наукахъ. Исповѣдуя *Лютеранскiй законъ*, употребляютъ и *Христiанское лѣтосчисленiе*. Да и тѣ, кои Россiйской покорены Державѣ, пользуются Шведскими правами и преимуществами: но со времени открытiя Намѣстничествъ больше сообразоваться повелѣно Россiйскимъ законамъ и учрежденiямъ. Они составляютъ одно только чиносостоянiе, и Дворянъ у нихъ нѣтъ: однакожь крестьянинъ уступаетъ мѣщанину и купцу, а всѣ во обще даютъ преимущество Государевымъ служителямъ, или такъ называемымъ *Чиновнымъ Людямъ*.

Города ихъ подобны Шведскимъ. Жители оныхъ производятъ торги и всякiе мѣщанскiе промыслы; а *сельскiе обыватели* упражняются въ землепашествѣ, звѣриной и рыбной ловлѣ, въ сидѣнiи дегтю, строенiи судовъ, и другихъ, симъ подобныхъ, дѣлахъ. Не только *деревни*, но и самые *дворы* ихъ бываютъ часто въ превеликомъ между собою отдаленiи. Финнскiе дворы, по большей части, пространны. Жилье раздѣляется на три избы, изъ коихъ одна называется зимнею, другая лѣтнею, а третья стряпущею. На дворѣ же пристраиваютъ закромы, сѣнныя сушила, конюшни, клевы, овины, кладовыя и бани. Все строенiе свое взводятъ они такъ, какъ въ Россiи и Швецiи, изъ бревенъ. Хозяйство же свое ведутъ, по Шведскому обыкновенiю, да и домашняя у нихъ утварь такая же, какъ и у Шведовъ.

Землелашество наибольше прибыточно въ Корелiи; но во многихъ мѣстахъ, гдѣ земля *оловата*, *холодна* и *ключами прорѣзана*, и гдѣ при томъ ранѣе оказываются ночные заморозы, часто бываетъ оное и неудачамъ подвержено. Рожь и овесъ почитаются тамъ надежнѣйшими посѣвами. А какъ и въ самые благополучные для землепащевъ годы не бываетъ у нихъ никогда излишества въ хлѣбѣ; то, въ случаѣ неурожая, великую претерпѣваютъ они

нужду, и предохраняя себя, сколько можно, отъ голоду, мѣшаютъ съ мукою сосновую кору и другія изъ царства растѣній существенности. Сѣверные Финны держатъ еще и теперь *оленей*; а у прочихъ водится обыкновенная дворовая скотина. Всякій скотъ ихъ крѣпокъ, но росту малаго. *Звѣриная* и *рыбная ловля* служитъ многимъ самымъ надежнымъ источникомъ пропитанія. *Деревенскія женщины* трудолюбивы и домовиты. Онѣ валяютъ толстыя сукна, ткутъ холстъ, красятъ, и проч. Ткальный ихъ снарядъ не можетъ безъ главныхъ недостатковъ простѣе быть нынѣшняго; ибо онѣ могутъ и теперь, при самомъ теченіи своей работы, легохенько оный разбирать, и опять становить. *Масло* пріуготовляютъ онѣ не по Россійскому обыкновенію, сирѣчь не перетапливаютъ, но пахтаютъ. Простолюдимы, *добрые ѣдоки*, и по тому ѣдятъ по пяти разъ въ сутки, да и до *хлѣбнаго вина* страстные охотники.

Одѣяніе городскихъ жителей и чиновныхъ Людей ни чѣмъ отъ Шведской городской одежды не отмѣнно. Да и *мужики* такое же точно носятъ платье, какое и Шведскіе крестьяны. Они отращиваютъ бороду, а иногда и бреютъ, оставляя одни только усы. Носятъ широкія штаны, чулки, или обвертываютъ ноги онучами, лапти изъ древесной коры и кожаные башмаки, рубахи, кои прячутъ въ штаны, душегрѣйки и маленькіе охабни, затягиваемые съ перьва пуговицами, а по томъ подпоясываемые ремнемъ. Волосъ они не завязываютъ, а голову прикрываютъ разпущенною и, почти на Голландскую похожею, шляпою, или разнаго вида шапками. Къ поясу привѣшиваютъ всегда большой ножъ, и иногда и ключи и огнивный приборъ. Одѣяніе шьютъ какъ изъ толстаго, собственнаго рукодѣлія, такъ и изъ тонкаго, купленнаго, сукна, да при томъ носятъ лѣтомъ кожаное, или холстинное, а зимою овчинное, или изъ какой ни есть мягкой рухляди сдѣланное.

Деревенскія женщины носятъ рубахи, штаны, чулки и кожаные башмаки, покрывающіе только подошвы, пальцы и запяшки; не очень долгій, но широкій сарафанъ, узенькой запонъ, подобную верьхней рубашкѣ тѣлогрѣйку съ широкими рукавами; голову покрываютъ фатою; шею и грудь обвѣшиваютъ, многими корольками и бисеромъ унизанными, нишками, а въ уши продѣваютъ большія серьги. *Охабни и тѣлогрѣйки* шьютъ, на лѣто, изъ крашенины, своего рукодѣлія, и украшаютъ иногда змѣиными головками, или разпестреннымъ шитьемъ; а на зиму изъ толстаго сукна, или выдѣ-

Чухонка въ уборномъ платьѣ со спины.
Eine Finnin im Feyertags-Kleide rückwärts.
Femme finoise dans son habit des fêtes par derriere.

ланныхъ овчинъ. *Залоны* ихъ безъ складокъ, но чрезвычайно разпестрены шитьемъ, змѣиными головками, корольками, бахромками и сему подобнымъ. *Поясъ*, который дважды около тѣла обхватываетъ, и на боку прикрѣпляется, составляетъ кожаная или суконная, пальца въ три шириною полоса, коя по концамъ обшивается бахромкою.

Богатыя деревенскія женщины носятъ, *по праздникамъ зимою*, на хорошихъ мѣхахъ шубы; а *лѣтній* ихъ *нарядъ* подобенъ въ прочемъ выше сего описанному, но только пригожѣе, и отдѣлка онаго сопряжена съ затрудненіемъ и искусствомъ. *Праздничные* ихъ *сарафаны* бываютъ шелковые, подолѣе буднишныхъ, съ закраинами, выкладкѣ подобными, другаго какого ни будь цвѣту; вся передняя половина, отъ колѣнъ до подолу, разпестрена узорчатымъ шитьемъ и бисеромъ; узенькій *залонъ* очень пригожо украшенъ поперечнымъ пестрымъ шитьемъ и низанными такимъ же образомъ змѣиными головками, монетами и бисеромъ. *Поясъ* выкладенъ жестянымъ наборомъ, и въ переди закрѣпляется перевязью. На груди красиво такъ же вышито платье, и при томъ выложено змѣиными головками и бисеромъ. *Шея* покрыта великимъ множествомъ пронизокъ. Продѣтыя сквозь *большія серьги* многія, на пядень длиною, ленты висятъ по плечамъ и по широкимъ, не собраннымъ, короткимъ, и цвѣтною шерстью узорчато вышитымъ, *рубашечнымъ рукавамъ*. *Голову* покрываютъ пристегнутою, къ шапочкѣ *фатою*, которая простирается по спинѣ, и пропущена будучи подъ поясъ, достаетъ до самыхъ пятъ; да подъ тою же фатою виситъ еще въ ладонь шириною, корольками и змѣиными головками унизанный и въ низу бахромкою обшитый, *ремень*, коимъ покрываются волосы.

Финны, какъ *древніе Христіане*, по Шведскому церковному чиноположенію, не больше, въ разсужденіи *свадебныхъ* и *похоронныхъ обрядовъ*, отмѣняются, какъ и всѣ особенныя части пространныхъ Областей. *Деревенская* ихъ *невѣста* должна всякому, на свадьбу пришедшему, гостю подарить отъ четырехъ до пяти аршинъ холста, и съ верьхъ того пару чулковъ, за что надѣляютъ ее взаимно деньгами. А какъ употребленный на дары холстъ и проч. не оплачивается, и деньги, за оное собранныя, остаются при невѣстѣ: то выдаваніе дочерей за мужъ бываетъ матерямъ такъ трудно, что *дѣвки* названы по тому въ пословицѣ: *разореніемъ домовъ*.

Многіе изъ нихъ достигаютъ *глубокой старости*: но водяная, цынготная и падучая болѣзнь, а особливо *задумчивость*, нарочито между сельскими жителями свирѣпствуютъ.

Древніе Финны были такіе ревностные *Идололоклонники*, что *обращеніе* ихъ въ половинѣ впорагонадесять вѣка къ Христіанской вѣрѣ, въ царство Шведскаго Короля *Ерика*, а во времена Папы *Александра* и Упсальскихъ Епископовъ *Стефана* и *Генриха*, надобно было и свѣтскою споспѣшествовать властію. Въ половинѣ шестагонадесять вѣка должны они были, послѣдуя Шведамъ, принять *Лютеранскій* законъ. Чрезъ толь долгое время сдѣлались преданія о древнемъ ихъ Богословіи весьма недостаточными; въ разсужденіи же новѣйшихъ временъ сходствуетъ оное въ главныхъ дѣлахъ съ законоученіемъ Лопарей и другихъ, отъ Финновъ произшедшихъ, Народовъ.

Подъ именемъ *Юмира* и *Юмалы* почитали они *общаго Бога*, да и во обще слово, Юмаръ, знаменуетъ Бога. Нѣкоторые изображали его въ видѣ великаго, съ золотымъ ожерельемъ, истукана. *Горе* было, подобное сему, божество, и можетъ быть тотъ же самый *Юмаръ*, подъ другимъ только именемъ. У нихъ было много и низшей степени Боговъ, которымъ они всѣмъ во обще приносили жертвы. Нѣкоторые изъ Идоловъ ихъ стояли въ пещерахъ каменныхъ горъ.—Они вѣровали такъ же въ *дїавола*, и обще съ Лопарями называли его *Перкеломъ* и *Пейкомъ* (адскимъ Богомъ); простой же степени Боговъ нарицали *Маагинами*, сирѣчь не чистыми духами.

А хотя и давно уже *прекратилось* у нихъ *идололоклонство*, однакожъ сельскіе жители весьма еще *суевѣрны*; а сіе происходитъ отъ разпространенія и наслѣдованія прародительскихъ мнѣній и отъ противуборствующаго просвѣщенію, разсѣянія жилищъ. Такъ на примѣръ, думаютъ они, что по понедѣльникамъ и по пятницамъ не бываетъ ни въ какихъ дѣлахъ желаемаго успѣха; что тотъ, кто въ Георгіевъ день заводитъ шумъ, подвергаетъ себя громовымъ ударамъ; что объ Рождествѣ не должно изъ клѣвовъ выпускать скотины; что въ день Стефана надобно давать лошадямъ пить черезъ сребро; что въ послѣдній вечеръ сырной недѣли не должно ни огня разводить, ни свѣчь зажигать, и проч. Но ни что столько не обезумливаетъ ихъ, какъ *день всѣхъ Святыхъ*, который, по имени Идола, называютъ они, *Кикри*. Для почитаемыхъ *Католиками Святыхъ*, топятъ на канунѣ сего дня, баню, и снабдѣвъ оную теплою и холодною водою, такъ же вѣниками и прочи-

Эстляндская баба съ лица.
Eine Estländische Frau vorwärts.
Feme Esthonienne par devant.

ми надобностями, ставятъ на столахъ кушанье. Хозяинъ, одѣвшись чистенько, и не покрывая ни чемъ головы, разтворяетъ, въ сумерки, ворота своего двора, съ такою вѣжливостiю, какъ будто бы въ домъ принимаетъ гостей; послѣ чего отпираетъ съ не меньшею ласкою баню, и, погодя не много, замыкаетъ. Пропустя нѣсколько времени, отпираетъ для выходу мнимыхъ своихъ Святыхъ банныя двери, и провожаетъ ихъ со двора, держа въ рукѣ стклянiцу хлѣбнаго вина. *Кобольду* (Раггене) ставятъ въ клѣвахъ, въ сей же самый вечеръ, кушанье. Въ честь Идолу *Кикрѣ*, закалаютъ, въ день всѣхъ Святыхъ, на самой утренней зарѣ, ягненка, котораго очистивъ, и не отрѣзывая ни которой части, варятъ, а по томъ ставятъ на столъ, и ѣдятъ. Праздникъ, называемый ими, *Вуоденъ Аткалсъ*, кажется однакожь быть не просто на суевѣрiи основаннымъ. Въ назначенный хозяйскимъ отцомъ и дѣдомъ, или другими какими старѣйшими родственниками, день закалаютъ, варятъ и ѣдятъ овечку, и поелику звѣрямъ не должно отъ пищи сей ни чего удѣлять, то кости и все прочее зарываютъ въ землю. А кто не совершитъ сего дѣла, при которомъ они конечно возсылаютъ къ Идоламъ своимъ и мольбы, тотъ не долженъ ожидать, въ разсужденiи скотоводства своего, ни какого благословенiя.

Всѣ, въ языческомъ суевѣрiи утопающiе, Сѣверные и Сѣверо-восточные Народы почитаютъ *медвѣдей* очень важными звѣрьми, и думаютъ, что души ихъ такъ же, какъ и человѣческiя, безсмертны; а отъ сего и вошли въ употребленiе, при звѣриной ихъ ловлѣ, весьма многiе суевѣрные забобоны. У древнихъ Финновъ были особливыя пѣсни, которыя они пѣли всегда, при убiенiи медвѣдя; а дабы возъимѣли Читатели хотя малое о содержанiи оныхъ понятiе, то присовокупимъ здѣсь, нарочно переведенную съ Финнскихъ стиховъ, такого рода пѣсеньку.

Дорогой ты одолѣнный, тяжело раненый, лѣсный звѣрь!
Надѣли хижины наши здоровьемъ и добычею, самому тебѣ милою, во сто кратъ,
И постарайся, когда къ намъ возвратишься, о исправленiи нашихъ нуждъ;
Мнѣ надобно приступить къ Богамъ, низпославшимъ мнѣ въ сей день столь славную корысть.
Когда, по скрытiи за Алтайскiя горы дневнаго свѣтила, возвращусь домой;
То пусть въ хижинѣ моей цѣлыя три ночи процвѣтаетъ радость.
Съ охотою и весельемъ взлѣзать буду въ предь на горы,
Съ радостiю стану домой возвращаться, и злодѣй не посмѣетъ ко мнѣ подойти.
Весело начался сей день, весело и проходитъ.
Безпрерывно стану тебя почитать, и буду отъ тебя ждать добычи,
Чтобъ не позабыть любимой моей медвѣжьей пѣсенки.

ЛАТЫШИ, ЕСТЫ и ЛИВОНЦЫ.

Латыши, Есты, или *Естландцы*, *Ливонцы*, или *Лифландцы*, по Нестору *Ливь*, населяютъ *Ливонскую*, а первые и *Курскую Землю*, или *Курландію*. *Естская* и *Ливонская* Область заимствуютъ названіе свое отъ обитающихъ въ оныхъ людей. Народы сіи произошли правда отъ одного племени, однако на разныя раздѣлились общества. *Латыши*, кои обще съ *Литвою* и древними *Пруссами* составляютъ одинъ Народъ, суть смѣшанные съ Финнами Славяне. *Общество ихъ возлрїяло начало* свое въ первыхъ годахъ третьяго-надесять столѣтія при устьѣ рѣки *Вислы*, и оттуда далѣе распространилось. *Языкъ* ихъ состоитъ изъ трехъ четвертей Славянскихъ словъ и изъ не большаго Финнскихъ. *Есты* не столько перемѣшались съ другими Народами. *Ливонцы* же такъ, какъ и *Езельскіе жители*, чистое составляютъ Финнское поколѣнье. Сообразно различію сему, отошли Финнскія ихъ нарѣчія одно отъ другаго такъ, что каждое особый составляетъ языкъ. Всѣ сіи три Народа называются еще, безъ дальнаго различія, и *Полу-Нѣмцами*. Кажется, что *Латыши* заимствуютъ званіе свое отъ слова *Лада* или *Лиде*, то есть, удобрять землю. Они изъ древле упражнялись въ землепашествѣ, и когда отъ рѣки Вислы, въ срединѣ третьяго-надесять столѣтія, перешли въ Ливонскую Землю: то приняли ихъ къ себѣ въ общество Финны, кои тогда обращались больше въ скотоводствѣ, и о малыхъ пахатныхъ земляхъ съ ними не спорили; но на послѣдокъ они чрезъ удобреніе и обрабатываніе выженной земли столько захватили себѣ мѣста, что Финны отъ нихъ отщетились, а тѣ, которые съ ними остались, принялись такъ же за землепашество. И какъ въ то же самое время *Курская* и *Ливонская Земли* завоеваны *Нѣмецкими Рыцарями:* то всѣ они во обще сдѣлались Христіанами и крѣпостными людьми чужестраннаго Дворянства, въ каковомъ состояніи и теперь находятся.

Латыши нынѣ живутъ въ Лифландіи, *Эстландцы* въ Ревельскомъ Намѣстничествѣ, и суть какъ тѣ, такъ и другіе почти всѣ Лютеранскаго исповѣданія.

Видъ и *ростъ* ихъ не одинаковъ. Въ прочемъ они весьма похожи на Финновъ, и есть между ними великое множество печальнаго и сыраго сложенія людей. Претерпѣваемое ими отъ Помѣщиковъ угнѣтеніе, такъ же бѣдность, суровое воспитаніе, и все во обще

Эстляндская баба съ тыла.
Eine Estländische Frau rückwärts.
Feme Esthonienne par derriere.

гражданское ихъ устроенїе, сдѣлало ихъ довольно крѣпкими къ снесенїю суровости воздуха, тягостныхъ работъ, недостатковъ и уничиженїя. Кромѣ жизни и любви, ни къ чему мїрскому они не пристрастны. Они нарочито упрямы, лѣнивы, неопрятны и къ пьянству склонны: но при всемъ томъ имѣютъ остроту разума, и *женскій* ихъ *полъ*, меньше причастный угнѣтенїю, не дуренъ, и къ суетности склоненъ.

Живутъ они *въ небольшихъ деревняхъ*, на принадлежащихъ Дворянству ихъ земляхъ; *домишки* у нихъ *деревянные*, не велики и грязны. Въ домашнемъ ихъ быту и въ пищѣ видна великая бѣдность. Тѣ, которые не прямо въ господскую опредѣляются работу, получаютъ отъ Помѣщиковъ своихъ, для пропитанїя, пашни, луга и по небольшому числу дворовой скотины. Въ мѣсто податей, изправляютъ они ручную и повозочную, на господскихъ загородныхъ мѣстахъ, работу.—Съ верьхъ сего прядутъ еще женщины на господскій домъ, и исправляютъ многїя другїя, симъ подобныя, работы. Большая ихъ половина ни о чемъ не заботится, по тому, что Помѣщикъ долженъ содержать ихъ пищею: но есть между ними и такїе, которые, пользуясь милосердїемъ Господъ своихъ, наживаютъ деньги; однакожь они обыкновенно зарываютъ оныя въ землю, и тѣмъ на всегда удаляютъ отъ обращенїя.

Платье носятъ мужчины такое же, какъ и Финнскїе мужики; только большая половина брѣетъ бороду. На противъ того *женское одѣянїе* походитъ больше на Славянское, и очень недурное. Они носятъ чулки, башмаки, или туфли, бѣлыя рубахи, съ широкими, собранными, рукавами, обыкновенныя юпки, долгїе запоны и душегрѣйки, а около шеи обведенъ, и въ доль груди виситъ, сдѣланный изъ корольковъ пронизокъ. Обшивки у рукавовъ бываютъ, шитыя. Душегрѣйки же дѣлаютъ изъ пестреди и изъ, вышитаго узорчато, холста. Около охабней и передниковъ бываютъ, отъ подолу на пядень въ ширину, выкладки изъ инаго чего ни будь и другаго цвѣту; да сверьхъ того украшаютъ онѣ ихъ не рѣдко и нѣсколькими, во кругъ обведенными, полосками. Охабни подтягиваютъ поясомъ. *Бабы* и *дѣвки* разнятся между собою въ разсужденїи одѣянїя, по одному только головному убору. *Бабы* носятъ меленькїя, по головѣ сдѣланныя, пестрыя, золотыми, или серебряными, сѣтками обложенныя, шапочки, стянутыя на зади перевязью, отъ коей виситъ по затылку великое множество разноцвѣтныхъ, на пядень длиною, лентъ и снурковъ. *Дѣвки*, на противъ того, украшаютъ головы свои,

выше лба торчащими, отопырившимися, галуномъ выложенными, повязками, кои съ переди широки, а на затылкѣ стягиваются разноцвѣтными перевязьми, отъ которыхъ, на пядень длинные, концы висятъ, какъ и у бабъ, по верьхъ разпущенныхъ волосъ.

Народы сіи обращены съ самаго начала *въ Римскую*, а около середины шестагонадесять столѣтія *въ Лютеранскую вѣру*. Начало обращенію ихъ къ Христіанскому закону положили Бременскіе Купцы, коимъ послѣдовали, въ благомъ семъ дѣлѣ, употребляя однакожь больше оружіе, нежели увѣщанія, Меченосцы, или *Кавалеры меча*, а симъ Нѣмецкіе Рыцари. Чрезъ столь долгое время свѣденіе о *языческомъ ихъ Богослуженіи*, кое утверждалось во обще на одномъ только словесномъ преданіи, пришло въ забвеніе. Однакожь, въ разсужденіи того, что они не знаютъ основательно Христіанскаго ученія, ведется между ними и теперь еще такое *суевѣріе*, которое подходитъ очень близко къ прежнему ихъ идолопоклонству. Языческая ихъ вѣра совершенно сходствовала съ Финнскою и Лопарьскою. Они такъ же, какъ и сіи Народы, называли высочайшаго Бога, *Юмалою* и *Горомъ*, и присвояли ему собственныя его качества и произходящія въ свѣтѣ естественныя явленія, какъ и признавали низшей степени Божковъ. *Бѣса* называли они *Велсомъ* и *Велесомъ*, а нечистыхъ Духовъ, или вѣдьмъ, *Раггапами*. *Крева* былъ у нихъ *Первосвященникъ*, и при томъ верьховный, по свѣтскимъ дѣламъ, Правитель.

Эстляндская дѣвушка съ тыла.
Ein Estländisches Mädgen rückwärts.
Fille Esthonienne par derrière.

ютъ, по видимому, не за добрыми дѣлами въ отлучкѣ. Года за два предъ симъ переведена въ заточенїе на пустый, въ Финскомъ заливѣ, островъ цѣлая деревня, по причинѣ нѣкоторыхъ, на большой дорогѣ происходившихъ, неистовствъ.

Мужскїй нарядъ во всемъ подобенъ одѣянїю Финнскихъ мужиковъ. Но *женская одежда*, въ сравненїи съ бѣдностїю ихъ и жестокосердыми мужчинъ противу сего пола поступками, нарочито еще и суетна. Обувь носятъ онѣ такую же, какъ и Финнскїя бабы. У рубахъ ихъ, которыя достаютъ за самыя колѣна, а около шеи и рукъ плотно прихватываютъ вышитымъ воротникомъ и такими же обшивками, станъ и рукава, какъ будто облипли около тѣла, и такъ узорчато вышиты, что на отдѣлку такой рубахи требуется времени не меньше, какъ недѣли четыре. Узоры богато выкладены бисеромъ и стекляромъ. Въ мѣсто верьхняго одѣянїя надѣваютъ онѣ какъ съ праваго, такъ и съ лѣваго боку по гладкому, безъ всякихъ складокъ изъ сукна, набойки, или изъ вышитаго узорчато холста, занону, которые на зади одинъ за другой заходятъ, а въ переди лежатъ въ рознь; въ разсужденїи чего и носятъ онѣ маленькїе, въ сплошь корольками и змѣиными головками покрытые, передники. Многими нитками корольковъ шея и грудь, какъ будто, унизаны. Къ ушамъ прицепляютъ великое множество брякушекъ, а иногда и не большїя, изъ корольковъ составленныя, цепочки. *Дѣвки* ни чего на голову не надѣваютъ, но заплетаютъ только волосы въ нѣсколько косъ. *Бабы* же носятъ такъ, какъ и Финнскїя, аршинъ въ шесть длиною фату, которая по срединѣ пристегивается къ шапкѣ, а концы оной висятъ по спинѣ, и придерживаются поясомъ такъ, что на плечахъ вздуваются. Когда идутъ онѣ въ городъ, то, по большей части, надѣваютъ кокошники, и съ верьхъ рубахи кафтанъ, изъ толстаго сукна, или балахонъ, застегиваемый на груди нѣсколькими пуговками.

Въ то время, какъ покорены Ижерцы Россїйскому оружїю, были у нихъ у всѣхъ *Лютеранскаго закона Священники*, по тому, что они внѣшно вѣру сїю исповѣдывали: но какъ они о правотѣ оной не были совершенно удостовѣрены, то въ скорѣ обратились многїе къ *Грекороссїйской Церькви*, и тѣмъ великое сдѣлали облегченїе какъ въ самомъ за ними надзиранїи, такъ и въ прочемъ попеченїи.

Они чрезвычайно пристрастны къ нелѣпымъ *языческимъ мнѣнїямъ*, которыя и соплетаютъ по тому съ обрядами Христїанской вѣры. *Иконы*, почитаемыхъ Церковїю, *Святыхъ*, занимаютъ у

Ингерская крестьянская баба.
Ein Ingermanlandisches Bauren Weib.
Païsanne d'Ingrie.

ихъ не рѣдко мѣста языческихъ Идоловъ. Они ставятъ ихъ въ священныхъ рощахъ, гдѣ имъ покланяются, и проч. *Кулленныхъ невѣстъ* вѣнчаютъ въ церьквѣ, и, во время поѣзда, поютъ двѣ бабы, у коихъ лица закрыты, безтолковыя пѣсни. По окончанїи свадьбы, поступаютъ они съ своими женами столь же сурово, какъ и язычники; матери принимаютъ за сыновей побои, и такъ далѣе. Когда священникъ *предастъ умершаго погребенїю*, то они, пришедъ ночью на могилу, зарываютъ въ оную пищу, и сїе дѣлаютъ они не разъ, но часто. Могилы ихъ такъ плоски, что собаки легко вырываютъ оттуда положенное съѣстное, а они думаютъ, что мертвецы оное прибрали. Во обще кажется имъ вѣроятно, что люди живутъ на томъ свѣтѣ такъ же, какъ и здѣсь, а гробъ служитъ де имъ только обителью, и для того зарываютъ они деньги свои въ землю, дабы и послѣ смерти оными пользоваться. Они разговариваютъ такъ же съ лежащими въ землѣ мертвыми, и не мало ихъ боятся. Въ доказательство тому служитъ слѣдующее достовѣрное извѣстїе. Нѣкоторые прїятели мои, разумѣвшїе Финнской языкъ, подслушали въ лежащей не подалеку отъ Санктпетербурга Ижерской деревнѣ рѣчи нѣкоторой бабы, вышедшей за другаго мужа, спустя только двѣ недѣли послѣ смерти перваго, и желавшей угомонить и отвратить покойника отъ чинимаго имъ въ избѣ ея безпокойствїя тѣмъ, что пришедъ къ могилѣ покойнаго своего мужа, бросилась на оную, и дѣлая разныя неистовства, произносила съ воплемъ и со слезами слѣдующїя слова: тебя уже въ живыхъ нѣтъ! эй! эй! эй! Вѣдь ты на меня не прогнѣваешься, что вышла я за муженька помоложе тебя! эй, эй, эй, эй! Бѣлокураго твоего сынка я не оставлю безъ призрѣнїя! эй, эй, эй, эй! и такъ далѣе. Въ число языческихъ ихъ *святыхъ мѣстъ* принадлежитъ и находящаяся по Рижской дорогѣ, въ десяти верстахъ отъ *Санктпетербурга*, липа, которой вѣтьви переплелись съ отраслями ближайшихъ деревъ такъ, что природную составляютъ бесѣдку, въ коей и *Петръ Великїй*, ради прїятности, оной не однократно изволилъ имѣть свое пребыванїе. На семъ то мѣстѣ собираются Ижерки на канунѣ Иванова дня, и препровождаютъ съ пѣнїемъ и воплемъ всю ночь, при великомъ огнѣ; а на послѣдокъ сожигаютъ *бѣлаго лѣтуха*, дѣлая при томъ много шалостей.

ЧЕРЕМИСЫ

Собственное имя *Черемисъ Мари*, (мужчины), а *Чуваши Курмари* (горные люди). Они *живутъ* въ Казанской и Нижегородской губернїяхъ, больше на лѣвой, нежели на правой, сторонѣ рѣки *Волги*. Жилища ихъ простираются до самой *Пермїи*, и *деревни* лежатъ отъ части особо, а отъ части смѣжно съ Чувашскими и Россїйскими. *Породы* они *финнской*, и говорятъ *своимъ собственнымъ*, съ Финнскимъ нарѣчїемъ сходнымъ, *языкомъ*: но, за неимѣнїемъ буквъ, нѣтъ у нихъ ни письменныхъ, ни печатныхъ дѣлъ. Во время господствованїя Татаръ были они имъ подвластны, и жили ближе къ югу, между Волгою и Дономъ. Они имѣли собственныхъ *Хановъ*, будучи уже и *лодъ Россїйскою Державою:* но поколѣнїе оныхъ пресѣклось на *Адаѣ*, весьма приверженномъ и покорномъ Россїйскому престолу, храбромъ Владѣтелѣ, и теперь нѣтъ у нихъ ни Князей, ни Дворянъ. Они упражнялись тогда въ *скотоводствѣ*, но мало по малу сдѣлались, подражая Россїянамъ, и по причинѣ стѣсненїя мѣстъ, *Землелашцами*.

По *виду* и *росту* своему, могутъ они почестться средними, между Россїянами и Татарами, людьми. Они не имѣютъ проворства и смѣлости первыхъ, да и женщинамъ ихъ не достаетъ пригожства, бодрости и суетности Россїянокъ, хотя и онѣ въ прочемъ не дурны. Въ дѣлахъ своихъ Черемисы не торопливы, но прилежны, и, по примѣру всякихъ непросвѣщенныхъ людей, упрямы и недовѣрчивы. Времени не считаютъ они ни годами, ни мѣсяцами, да и преданїй о бывшихъ съ предками ихъ приключенїяхъ не имѣютъ.

Въ городахъ они ни когда не живутъ. *Въ деревняхъ* же ихъ, въ коихъ бываетъ дворовъ до тридсяти, имѣютъ они, подобно Россїянамъ, мїромъ выбранныхъ сотниковъ, десятниковъ и старостъ. Каждый *дворъ* состоитъ изъ одной, особо построенной, черной избы, изъ стоящихъ розно хлѣвовъ, и изъ небольшихъ, на не высокихъ столбахъ сгромощенныхъ, кладовыхъ, кои служатъ имъ и лѣтними горницами. Все сїе строенїе выведено четыреугольникомъ, и срублено изъ бревенъ: а промежутки между онымъ ни чемъ не забираются. Черныя избы подняты на сажень выше подполья; лѣсницы у нихъ покрыты, а въ нутри, кромѣ Рускихъ печей, подѣланы очаги и широкїя Татарскїя палаши. Двери у сихъ избъ низкїя, а окномъ служитъ четыреугольное, дюйма на полтора въ

размѣръ, отверзтіе, которое пузыремъ, или тряпицею, въ мѣсто стекла, затягиваютъ. Домашняя у нихъ *рухлядь* такая же, какая бываетъ у Россійскихъ сельскихъ хозяевъ.

Всѣ *Черемисы производятъ*, по обыкновенію Россійскихъ мужиковъ, *земледѣлашество*. Держащіеся языческаго суевѣрія отнюдь не хотятъ ѣсть свинины, да и изъ крестившихся рѣдко кто разрѣшаетъ совѣсть свою отъ узъ сего предубѣжденія. Въ зимнее время составляетъ *звѣриная ловля* главное ихъ упражненіе. Они не смѣлы и не хитры, а по тому и не зажиточны. Кто, на примѣръ, имѣетъ лошадей до тридсяти, и столько же рогатаго скота, да съ верьхъ того не много побольше овецъ; тотъ почитается у нихъ не послѣднимъ богачемъ. *Женщины* прядутъ, ткутъ, портничатъ, вышиваютъ холстинное одѣяніе шерстью собственнаго своего крашенья, и проч. Но чистоты въ разсужденіи одежды и пищи не увидишь ни въ которомъ дворѣ. Исповѣдующіе древнюю свою языческую вѣру Черемисы жрутъ лошадей, медвѣдей, всякихъ пернатыхъ, а въ случаѣ нужды и хищныхъ звѣрей: но падальщиною, какая бы она ни была, гнушаются. Какъ въ домашнемъ, такъ и въ лѣсномъ *пчеловодствѣ* весьма они искусны. Производятъ такъ же и *рыбную ловлю* охотно, но къ ремесленнымъ работамъ, къ коимъ Россійскіе мужики великую имѣютъ склонность, со всѣмъ не пристаютъ. *Подушный окладъ* платятъ они на ряду съ Россійскими крестьянами; ставятъ рекрутъ и подводы. Въ *Кунгурскомъ уѣздѣ* въ Области Пермской подушной окладъ даютъ нѣкоторыя деревни куницами.

Мужской нарядъ походитъ на одѣяніе Россійскихъ мужиковъ: но волосы зачесываютъ они назадъ, и кругомъ обрѣзываютъ ихъ коротенько. Воротники, обшивки около рукавовъ и вороты у рубахъ вышиты разноцвѣтною шерстью. Охабни, на кои идетъ толстое, изъ черной овечьей шерсти сдѣланное, сукно, шьются съ широкимъ опрокинутымъ и Аглинскому подобнымъ воротникомъ; на подолѣ оставляются въ низу съ обѣихъ сторонъ прорѣхи. *Бабы и дѣвки наряжаются* одинаково, только первыя получше. Они носятъ *штаны*, лапти, и обвертываютъ ноги онучами. Лѣтомъ ходятъ въ однихъ *рубахахъ*, подъ коими носятъ штаны. Рубахи около шеи и рукъ прихватываютъ плотно; а въ прочемъ шьются такъ узко, что около стану, какъ будьто, облипли, и длиною достаютъ за колѣни. Воротникъ, закраины и всѣ швы украшаются очень пестро крашеною шерстью; воротъ застегивается большею

пряжкою; а станъ прижимается къ тѣлу поясомъ. Для *лышности* носятъ они съ верьхъ рубахи, подобное покроемъ халату и изъ всякихъ цвѣтныхъ и отъ части тонкихъ суконъ дѣлаемое, верьхнее одѣяніе, которое по краямъ выкладываютъ иногда ужовыми шкурками. *Высокая, къ верьху уже сведенная, шалка* (Шуркъ) дѣлается изъ бересты, покрывается кожею, или холстомъ, и сплошь унизывается корольками, маленькими серебреными монетами и змѣиными головками (Cyprea Moneta). Такимъ же образомъ покрывается и, висящій отъ шапки по спинѣ, *ремень*, шириною въ ладонь. Нѣкоторыя носятъ, въ мѣсто высокой шапки, широкія, монетами и корольками разпещренныя, головныя повязки (Ошпу). Уфимскія и Вятскія Черемиски привѣшиваютъ къ поясу, супротивъ задняго проходу, по цѣлому прибору кисточекъ (Упиненъ), перемѣшанныхъ съ наперстками и всякими гремушками, кои, досязая до самыхъ подколѣнокъ, производятъ на ходу противное слуху бренчанье.

По Россійскому деревенскому обыкновенію, *ходятъ бабы родить въ баню.* Первый мужчина, который посѣтитъ роженицу, даетъ имя мальчику, а первая же, къ ней пришедшая, женщина дѣвочкѣ, и сихъ то гостей, въ послѣдующее время, называютъ всегда дѣти *отцами* (Атай) и *матерями* (Абай). *Мужскія имена* суть слѣдующія: *Зегнулъ, Кислелатъ, Ербалды, Илменъ*, и проч; а *женскія: Пиделетъ, Астанъ, Пасуке*, и проч. Затвердивши такія имена, часто забываютъ крещеные, а особливо дѣвки, данныя имъ при крещеніи названія. Мужъ называетъ жену *Ватою*, а когда жена кличетъ мужа, то говоритъ *Мари!* или *Черемисъ!*

Женъ они себѣ *покупаютъ*, а цѣна невѣсты называется у нихъ *Олонъ.* Обыкновенно даютъ за невѣсту отъ 30 до 50, а иногда платятъ такъ же и отъ 80 до 100 рублей. У Язычниковъ и теперь еще *многожество* въ обыкновеніи. А какъ покорность и работа есть общій Черемискихъ женъ жребій, то зажиточные родители часто покупаютъ женъ и шестнадсятилѣтнимъ своимъ сыновьямъ; но дѣвка должна быть не моложе пятнадсяти лѣтъ. Приданое состоитъ въ скотинѣ, и по тому такіе молодцы, когда пріидутъ въ совершенной возрастъ, бываютъ уже нарочито скотомъ заводны. На роднѣ онѣ никогда не женятся, и двухъ сестръ вдругъ не берутъ: но тѣмъ милѣе имъ, когда послѣ смерти одной могутъ взять за себя и другую. Сватъ, которымъ бываетъ обыкновенно имянный отецъ, дѣлаетъ сговоръ; послѣ чего женихъ и невѣста, увидѣвшись между собою, *мѣняются*

Черемиска спереди.
Eine Tscheremisin vorwärts.
Femme Tcheremisse par devant.

кольцами. Обрядъ сей называется у нихъ *Шергасъ Васталтасъ.*

Въ опредѣленный для *свадьбы день* пріѣзжаетъ женихъ съ друзьями своими къ невѣстѣ, и поелику они берутъ съ собою особливыхъ скомароховъ, то сіе веселье побуждаетъ и посторонніхъ деревенскихъ подорожныхъ жителей ѣхать туда же за женихомъ ихъ. Женихъ, уплатя остальныя за невѣсту деньги, раздаетъ дары, пируетъ и веселится, а на другой день увозитъ закрытую невѣсту въ жилище свое, не смотря на все ея сопротивленіе и слезы.

Въ домѣ, гдѣ быть свадебному пиршеству, ставятъ на столъ *домашняго Идола,* передъ которымъ творитъ *Картъ* молитву. Потомъ бываетъ обѣдъ, и начинаются веселости, состоящія въ пляскѣ, по гуслямъ, волынкѣ (Шибберъ) и губномъ органѣ (Кобашъ); въ нескладномъ пѣніи пѣсень и сему подобномъ. Между тѣмъ наряжаютъ невѣсту въ другой избѣ въ бабье одѣяніе, сирѣчь, снимаютъ съ нее покрывало, и надѣваютъ ей на голову, въ мѣсто худой, нарядную высокую шапку, или повязку. Женихъ, взявъ ее за руку, отводитъ въ гостепріемный покой, гдѣ она, во время творимой *Юктюлшомъ,* или *Картомъ,* молитвы, стоитъ на колѣняхъ, а по томъ раздаетъ свои дары, и подноситъ всѣмъ гостямъ пиво, или медъ; послѣ чего возвращается въ свою избу. Въ вечеру раздѣвается невѣста сама, однако спать ложится не добровольно, но принуждаема будучи къ тому посторонними бабами. Уложа молодыхъ, запираютъ подклѣтъ. На другой день, по утру, приходитъ въ оной съ нѣсколькими женщинами, заступившій мѣсто роднаго невѣстина отца, мужчина, держа въ рукѣ добрую плеть, и ежели примѣтитъ, что невѣста въ дѣвствѣ вела себя нецѣломудренно, то погрозясь оною, совершаетъ на другой день свои угрозы. Такимъ же образомъ, пропуская только больше, либо меньше, послѣ страшанія времени, наказываютъ мужья женъ своихъ, когда въ замужствѣ примѣтятъ за ними непостоянство. Другой послѣ свадьбы день препровождаютъ они такъ же въ пированіи. А какъ станутъ на послѣдокъ разходиться гости, то всякъ, выпивъ послѣдній стаканъ, бросаетъ въ оной нѣсколько копѣекъ, молодымъ въ подарокъ. Мало бываетъ и между исповѣдующими уже Христіанскій законъ Черемисами такихъ свадьбъ, до которыхъ бы не происходили сіи языческіе обряды, хотя и за нѣсколько мѣсяцовъ, или лѣтъ. Но бѣдный, странствующій, удалецъ скорѣе совершаетъ свадьбу. Онъ похитивъ милую ему дѣвку, и доведши уже ее до беременности, даетъ тогда отцу такое за дочь награжденіе, ка-

кое самъ вздумаетъ, и такимъ образомъ, безъ всякихъ свадебныхъ околичностей, наживаетъ себѣ жену.

Покойниковъ своихъ кладутъ они во гробъ, въ самомъ лучшемъ одѣяніи. Похороны бываютъ въ тотъ же самый день, въ который кто умеръ; при чемъ какъ мужчины, такъ и женщины провожаютъ. На кладбищѣ роютъ могилы съ запада на востокъ, и головою кладутъ покойниковъ на западъ. Всякому умершему завязываютъ родственники въ поясъ по нѣскольку копѣекъ; да съ верьхъ того надѣляютъ его посудою и другими домашними надобностями, такъ же лапотникомъ, палкою, чтобъ было чемъ оборониться отъ собакъ, и не большимъ *пучкомъ розовыхъ лозъ*, который, по ихъ мнѣнію, отвращаетъ злыхъ Духовъ; все сіе кладется съ покойникомъ во гробъ. А какъ скоро завалятъ могилу землею, то провожавшіе покойника ставятъ на оной за всякаго, прежде скончавшагося, друга, по свѣчѣ, и часто говорятъ: *живите мирно!* Всякій провожатый ѣстъ, за горящими на могилѣ свѣчами, блинъ, и откуся три куска отъ онаго, кладетъ на могилу и говоритъ: *ето тебѣ пригодится!* Напослѣдокъ ставятъ на могилѣ шестъ, къ которому привязанная тряпица виситъ, какъ будьто, знамя. По возвращеніи домой, моются, и одѣяніе перемѣняютъ. Что же до покойникова платья касается, то худое бросаютъ, а доброе провѣтриваютъ.

Послѣ всякаго покойника правятъ они *трои поминки* (Шуметъ). Первые бываютъ въ третій день, по кончинѣ. Пріятели, собравшись, ѣдятъ у могилы его такъ, какъ и на похоронахъ, блины, и откуся три частицы, говорятъ: *ето пусть съѣстъ покойникъ!* Въ седьмый день, послѣ смерши, лакомятся въ томъ домѣ, гдѣ оная случилась, за горящими восковыми свѣчами, блинами же, и посылаютъ такъ же нѣсколько кусковъ на могилу того, по комъ правятъ поминки. Третье сего рода празднество произходитъ въ сороковый день, послѣ смерши. Да съ верьхъ того бываютъ во всякой деревнѣ по одному разу въ годъ, подобныя вышеописаннымъ, общія поминки.

Они думаютъ такъ, какъ и всѣ почти Язычники, что *состояніе* человѣческое, *послѣ смерти*, есть, нѣсколько перемѣнившееся, здѣшней жизни продолженіе, и по тому кладутъ покойникамъ своимъ домашнюю утварь, деньги, пищу, и проч.

Оставшіеся, при древнемъ своемъ *идололоклонствѣ* слѣпо повинуются собственнымъ своимъ Духовнымъ, которыхъ называютъ *Мушанами* и *Машанами*, а Первосвященникъ нарицается у нихъ

Черемиска сзади.
Eine Tscheremisin rückwärts.
Femme Tscheremisse par derriere.

Юштшѣ, и сіи толкователи сновъ, предсказатели, волшебники и развратители въ великой у нихъ чести. Число такого Духовенства стало уже теперь очень не велико: но въ мѣсто того избираютъ себѣ всякаго мѣста мїряне пожилаго, умнаго и безпорочнаго поведенїя человѣка, котораго, переименовавъ *Картомъ*, даютъ ему и помощника, подъ именемъ *Удше*.

Богъ называется во обще на ихъ языкѣ *Юма* и *Коююма* (высочайшїй Богъ). А чтобъ присвоить ему, умственно, всякїя благости, то подъ именемъ *Юмонъ Ава* (мать Божковъ) воздаютъ *супругѣ* его первое и самое большое, по Богѣ, почтенїе. Прочїе добраго качества *Божки* суть, по ихъ разсужденїю, дѣти, или родственники оныхъ двухъ первенствующихъ божескихъ лицъ, и между ними-то раздѣлено правленїе мїра и разположенїе судебъ. Нѣкоторыхъ почитаютъ женатыми, а иныхъ холостыми, и называютъ ихъ во обще *Божьего семьею* (Юмонъ Шукча). Что же касается до именъ ихъ Боговъ, и до умоначертанїя о исправляемыхъ ими дѣлахъ: то они въ томъ между собою не согласны, по тому, что одинъ Мушанъ предъявляетъ оныхъ много, а другїе меньше; при томъ же и въ случаѣ изпрошенїя помощи, по однимъ и тѣмъ же самимъ дѣламъ, обращаются къ разнымъ Божкамъ. *Наибольше же прилѣпляются* они къ слѣдующимъ *Богамъ*, а именно: къ *Пурикшѣ* и *Пуеуршѣ Юмѣ*, къ *Кудоршѣ Юмѣ*, подъ коимъ разумѣютъ они грозу, къ *Пуембарѣ Юмѣ*, который, по видимому, есть почитаемый Татарами *Пророкъ*, по тому, что сіи называютъ своего прорицателя Магаммедомъ Пуемберомъ, сирѣчь, пророчествующимъ. — Есть у нихъ не мало и *Богинь*, въ числѣ которыхъ почитаютъ такъ *Кичеву*, мать солнца, *Кабу*, и многихъ другихъ. Грѣшники обращаются къ Богамъ, а грѣшницы къ Богинямъ.

Прародителемъ *Боговъ злыхъ качествъ* почитаютъ *Сатану*, (Шайтанъ), коего не собственнымъ его называютъ именемъ, но словомъ *Іо*. Онъ живетъ, по мнѣнїю ихъ, въ водѣ, и бываетъ, особливо въ самый полдень, лихъ. Лѣшихъ называютъ *Ведашами*, и присвояютъ имъ повелительную надъ лѣсами, звѣрями и птицами власть; при чемъ думаютъ такъ же, что они могутъ звѣриные промыслы дѣлать и удачными и несчастливыми. У нихъ есть и *злыя Богини*, но случается, что подъ однимъ и тѣмъ же самимъ именемъ, причисляются иными къ добрымъ, а другими къ злымъ Божествамъ.

Идолы не въ великомъ у нихъ почтенїи. Но поелику они *громового Бога* (Кудорча) наибольше страшатся, и при томъ вѣряшъ,

что плодородіе земли отъ него зависитъ: то многіе ставятъ его въ видѣ одѣтой въ мужское платье куклы, которую кладутъ въ сдѣланной изъ бересты ящикъ, въ избранной изъ жилища своего уголъ, и не воздавая ему въ прочемъ ни какого особливаго почтенія, кладутъ только ему, черезъ нѣкоторое время, по нѣскольку кусковъ блина. Въ лѣсахъ ихъ видны привѣшенныя къ нѣкоторымъ почтеннымъ деревамъ четыреугольныя въ ширину и въ длину на пядень дощечки, изъ бересты вырѣзанныя, безъ всякаго, въ разсужденіи лицъ, или знаковъ, изображенія, которыя называются у нихъ *Куда Вадашъ*. Въ прочемъ иные называютъ ихъ Идолами, а другіе принесенными лѣшимъ жертвами: однако они у всѣхъ въ почтеніи, и какъ будьто представляютъ жертвенники Фауновъ.

Службу отправляютъ они *Богамъ* своимъ не въ храмахъ, но *на чистыхъ священныхъ мѣстахъ* (Кереметь), которыя бываютъ или общія (Кога Кереметь), или частныя, сирѣчь одному семейству особо принадлежащія (Шке Кереметь). Они имѣютъ положеніе свое въ священныхъ рощахъ, или лѣсахъ; а гдѣ такихъ мѣстъ нѣтъ, тамъ должно завести, по крайней мѣрѣ, одно, либо и нѣсколько, деревъ; при чемъ дубъ всякому другому лѣсу предпочитается. Самое знатное дерево посвящается *Юмѣ*, другое похуже онаго *Юмонъ Авѣ*, а прочія кое какимъ Божествамъ. *Кереметь* есть, окруженное деревами, или другимъ какимъ заборомъ обнесеное, мѣсто; въ размѣрѣ бываетъ оное отъ десяти до двадсяти саженъ, и три имѣетъ входа: одинъ къ западу, для прихода и выхода, другой къ востоку, которымъ вводятъ назначенную въ жертву скотину, а третій къ югу, для ношенія воды. Подъ знатнѣйшимъ деревомъ стоитъ, въ мѣсто жертвенника столъ, а не подалеку отъ Кереметя сдѣлана крышка, подъ коею варятъ, принесенную въ жертву, скотину. Женщинамъ строго запрещено подходить близко къ Керемешю, да и мужчины должны заранѣе вымыться и чистенько пріодѣться, и при томъ, когда только можно, не съ пустыми приходить руками. Многіе почитаютъ и самаго Кереметя сильнымъ и благодѣтельствующимъ Божествомъ, и по тому участіе въ приносимыхъ жертвахъ и моленіяхъ. *Пятница* почитается наилучшимъ, для молитвы, днемъ, и при томъ препровождается всегда въ отдыхновеніи отъ трудовъ.

Въ жертву приносятъ лошадей, рогатый скотъ, красную дичь, овецъ, козъ, свиней, гусей, утокъ, пшеничные пироги, пиво, хлѣбное вино и медъ какъ вареный, такъ и сырецъ. Бѣлые звѣри всѣмъ

Чермыска въ лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tscheremiſsin im Somer-Kleide.
Feme Tcheremiſsiene en habit d'été.

другимъ предпочитаются; пѣгіе со всѣмъ не годятся, а черные, въ нѣкоторыхъ только случаяхъ, могутъ быть употребляемы. Въ прочемъ не разбираютъ, какъ они стары, и котораго рода. *Жертвенные налитки* и *пироги* надобно пріуготовлять *дѣвкамъ*. Дома ѣсть остатки жертвъ не запрещено и женщинамъ. Время къ жертвоприношенію опредѣляютъ всегда Духовные, которые, при разныхъ шалостяхъ чрезъ киданіе на столъ бобовъ, размѣриваніе пояса и прочее, вопрошаютъ своихъ Боговъ о различныхъ обстоятельствахъ.

Самый большій праздникъ, касающійся до всего Боговъ семейства, называется у нихъ *Юмонъ Байранъ*. Названіе Байранъ (праздникъ) такъ, какъ и *омываніе тѣла* передъ праздниками, переняли они у Татаръ. Такое празднованіе бываетъ у нихъ, смотря по обстоятельствамъ и достаткамъ покупающихъ жертвенную скотину мірянъ, черезъ годъ, черезъ два, черезъ три, а иногда и черезъ четыре года; время же избирается къ тому осеннее. Въ назначенный къ жертвоприношенію день разкладываютъ *Мушаны*, или *Карты*, въ Керемешѣ *семь огней*, которые въ одинъ рядъ простираются отъ сѣверо-запада къ юго-востоку. Возженный на сѣверо-западѣ огонь посвященъ *Юмѣ*, ближайшій къ оному *Юмонъ Авѣ*, и такъ далѣе. При каждомъ огнѣ находится особливый Мушанъ, или Картъ, и Удше, и передъ всякимъ огнемъ разстилаютъ по сукну, на которое ставятъ жертвенные напитки, медъ сырецъ и пирожное. Всякій Удше становится съ жертвенною своею животиною передъ своимъ огнемъ; служащій *Юмѣ* держитъ *жеребца*, а стоящій передъ огнемъ *Юмонъ Авы корову*, прочіе же имѣютъ при себѣ мѣлкой скотъ или птицъ. Міряне стоятъ позади ихъ простоволосы. Жрецъ Юмы, поднявъ къ верьху пирогъ и сосудъ съ напиткомъ, творитъ въ слухъ молитву коротенькую, во время коей предстоящій Народъ часто кладетъ поклоны, и говоритъ: аминь! Послѣ сего молится Жрецъ Юмонъ Авы, а за нимъ слѣдуютъ и всѣ прочіе. По окончаніи мольбы, *обливаетъ* всякій Удше *скотину свою* холодною водою; ежели она вздрогнетъ, то почитается сіе добрымъ знакомъ; а естьли нѣтъ такової примѣты, то поливаетъ оную еще нѣсколько кратъ, и буде она, послѣ седьмаго поливанья, не вздрогнетъ, то думаютъ, что жертва сія Богамъ не угодна. Въ прочемъ убиваютъ они жертвенную скотину такъ, чтобъ *кровь брызнула въ огонь*, и по томъ очистя внѣ Керемета мясо и внутренняя, варятъ подъ крышкою, или наметомъ.

Изъ вареныхъ жертвенныхъ мясъ, приподнявъ Жрецъ на блюдѣ

въ верьхъ Божеству своему *сердце, легкое, печенку и голову*, молится, а когда возношеніе сіе вездѣ уже кончится, то приносятъ къ жрецу Юмы, который есть Первосвященникъ, всѣ блюда; онъ дѣлитъ все на части, и подаетъ всякому, къ вѣрѣ своей усердствующему, по особливой долѣ, которую тутъ же всякъ и съѣдаетъ съ благоговѣніемъ. Послѣ сего твориτъ опять Жрецъ молитву. Такимъ же порядкомъ раздаетъ онъ пироги по кускамъ, а напитки по мѣрѣ, въ огонь же ни чего не бросаютъ. *Кости* сожигаются; *шкуру* съ жеребца вѣшаютъ у Керемета на дерево; а прочія кожи дѣлятъ Жрецы по себѣ. Остатки жертвъ берутъ съ собою домой, и доѣдаютъ ихъ съ своими домочадцами, при безпутныхъ иногда увеселеніяхъ.

Во всякой деревнѣ бываетъ еще одинъ великій праздникъ, *Анга Соаренъ* называемый. Какъ скоро наступитъ время къ разпахиванію земли, то деревенскіе жители выходятъ на поле, и всякъ несетъ съ собою, по желанію своему, что ни есть изъ пищи и питья въ жертву. *Карты*, при твореніи молитвы и вышеписанномъ поклоненіи мірянъ, приносятъ Богамъ нѣсколько изъ крестьянскихъ даровъ въ жертву; послѣ чего ѣдятъ обще остатки съ сугубою радостію, по тому, что жены и дѣти ихъ пріемлютъ шакъ же въ пированіи семъ участіе. На послѣдокъ взоравъ всякъ на пашнѣ своей по небольшой полосѣ, возвращается въ деревню.

У всякаго хозяина бываетъ свой *жатвенный праздникъ* (Уткинде Байранъ). Послѣ омовенія ставитъ онъ всякаго рода сняшый въ томъ году съ полей хлѣбъ, съ небольшимъ количествомъ солоду, напитковъ и испеченныхъ, изъ самой свѣжей муки, пироговъ, на блюдцахъ въ избѣ своей на столъ. По томъ выноситъ онъ одну чарку вина за другою на дворъ, держитъ жертву противъ солнца, и съ покорностію *благодаритъ Богамъ* за ихъ благословеніе; послѣ чего угощаетъ своихъ пріятелей.

Крещеныя Черемисы, число которыхъ въ одной Казанской губерніи, съ 1723 по 1774 годъ, умножилось до 6580 мужескихъ и 5951 женскихъ душъ, а по сей 1795 годъ можно положить не ошибочно въ трое, содержатъ оные праздники, по большей части, тайно, а иногда берутъ и въ самомъ торжествѣ Язычниковъ столько участія, сколько, укрываясь въ томъ отъ Духовенства, и избѣгая ихъ изтязанія, принимать могутъ.

Чуваши.

Чуваши, которые какъ сами, такъ и отъ *Россіянъ* симъ единственно именемъ, отъ *Мордвы* же *Видками*, а отъ *Черемисъ Куркъ Марами* (горными людьми) называются, живутъ по обѣимъ сторонамъ *Волги*, въ Нижегородской и Казанской Губерніяхъ и Оренбургской Области. Они и теперь еще составляютъ *многолюдный Народъ*, который больше, нежели съ 20000 душъ платитъ подать. Всѣ почти съ 1723 года крещены въ Грекороссійскую вѣру, которую, можно сказать, *внѣшно* исповѣдуютъ.

Говорятъ они собственнымъ, отъ Финнскаго *произшедшимъ*, *языкомъ*: но не знаютъ ни грамати, ни буквъ. Они вели *кочевую жизнь*, и пребывали въ Идолопоклонствѣ: но теперь возлюбили всѣ землепашество и постоянное на одномъ мѣстѣ жительство. Однако *живутъ* не въ городахъ, но въ деревушкахъ, которыя, ежели только можно, заводятъ въ лѣсахъ, и хотя они очень много языкъ свой смѣшали съ Татарскимъ, однакожь, при всемъ томъ, прародительское нарѣчіе, такъ же одѣяніе, нравы, обычаи и суевѣрія удержали.

Зима да лѣто составляютъ ихъ *годъ*, начинающійся съ нашимъ Ноябремъ мѣсяцомъ. Годовъ они, по порядку, не числятъ, а *мѣсяцы* (Ойхъ) считаютъ. Чукъ Ойхъ, жертвенный мѣсяцъ, есть нашъ Ноябрь, и проч. *Недѣля начинается* у нихъ *съ пятницы* (Ама), которая есть при томъ и день ихъ отдыхновенія; а *середу* называютъ *кровавымъ днемъ* (Іонконъ).

Они весьма походятъ на Черемисовъ, *по тѣлесному виду*, по нравственнымъ качествамъ, по разположенію *деревень*, *по сельскимъ разпорядкамъ*, *по состоянію жилищъ*, *по употребляемой имъ*, въ домашнемъ своемъ быту, *утвари*, *по разположенію хозяйства и жизни*, *по лицѣ*, *имѣнію* и *одатямъ*, такъ же по мужескимъ и женскимъ *упражненіямъ*. Лицемъ они, по большей части, блѣдны, не поворотливѣе и разумомъ еще тупѣе Черемисъ, да и около себя они не опрятнѣе, и въ избираніи пищи и пріуготовленіи не рачительнѣе Черемисъ. Пребывающіе въ языческомъ суевѣріи Чуваши гнушаются свининою, и сіе переняли они отъ Татаръ: напротивъ того хищныхъ звѣрей, а въ случаѣ недостатка и падальщину, ѣдятъ безъ разбору. *Бѣшеную рыбицу* (*), которой Россіяне же

(*) Clupea Alofa. L.

ѣдятъ, покупаютъ Чуваши, называя оную *Гемиръ лолою*, сирѣчь, желѣзною рыбою, очень дешево, и употребляютъ въ пищу свѣжую, въ водѣ сваря, или провяливъ.

Къ *звѣриной ловлѣ* крайне они пристрастны, и употребляютъ теперь больше винтовки, нежели лукъ и стрѣлы.

Мужины, по запущенію волосъ и бороды, такъ же по вышитымъ рубахамъ, уподобляются Черемисамъ; прочее же ихъ одѣяніе, какъ то портки, обувь, чулки, онучи, охабни, шляпы и шапки, дѣлаютъ ихъ на Рускихъ мужиковъ похожими. У верьхняго ихъ одѣянія нѣтъ такихъ широкихъ воротниковъ, какія носятъ Черемисы.

Бабы и *дѣвки* разнятся между собою, въ разсужденіи одѣянія, по тому единственно, что дѣвки носятъ платье похуже. *Нижнее одѣяніе* и *рубахи* во всемъ подобны Черемисскимъ. Верьхняя рубаха есть обыкновенное и общее лѣтнее одѣяніе. *Поясъ*, отъ котораго пускаютъ на обоихъ бокахъ по одной, бахромкою обшитой, лопасти, *саррою*, называемой, прижимаетъ оную къ тѣлу. Зимою надѣваютъ на рубахи такимъ же почти образомъ сдѣланныя шубы, или суконные разныхъ цвѣтовъ охабни. *Женская шалка* (Хушпу) вся покрыта корольками и мѣлкими, на подобіе чешуи разположенными, серебряными монетами. Точно такъ украшена и верьхняя половина, проведеннаго подъ поясъ, долгаго *хвоста* (Ама). Подъ шапкою носятъ онѣ бѣлую, вышитую, и по краямъ корольками унизанную, фату, которую невѣсты, какъ бы *покрывало* (Сурсанъ), лице свое занавѣшиваютъ; у бабъ же висятъ просто оба конца на груди, и бываютъ, но рѣдко, прикрашены кисточками и бахромками. Волосы заплетаютъ онѣ въ двѣ косы, и прячутъ подъ рубаху. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ носятъ бабы, въ мѣсто шапокъ, подобные Черемисскимъ, мѣлкими монетами, корольками и фарфоровыми раковинками осыпаныя, головныя только повязки, отъ которыхъ не большій хвостъ такъ, какъ и отъ шапки, виситъ по спинѣ; въ награжденіе же длины онаго, проведенъ съ зади отъ пояса въ низъ и другій, подобный оному, хвостъ. Еще перевѣшиваютъ они иногда черезъ лѣвое плечо, подобный жалованной лентѣ, ремень, который бываетъ шириною въ ладонь, и весь покрытъ корольками, змѣиными головками и поддѣланными червонцами.

Когда обѣдаютъ, или ужинаютъ, то сидятъ за столомъ. Прежде, нежели пріимутся ѣсть, говорятъ въ мѣсто молитвы: *Боже! даждь намъ хлѣбъ!* а наѣвшись, приговариваютъ: *Господи! не отри-*

ни меня! Гостей своихъ потчуютъ они ложками, и кормятъ ихъ, какъ будьто, на убой. Вѣ мѣсто кроватей, служатъ имъ такъ, какъ и Татарамъ, широкія полати, на которыхъ, не очень скудные, *слятъ* на перинахъ.

Когда *родитъ* чья ни будь жена, то пріятели и подруги приходятъ къ ней на посѣщеніе, пьютъ пиво, даютъ новорожденному младенцу имя, и дарятъ его, кидая въ стаканъ по нѣскольку копѣекъ. Пиршество сіе называется у нихъ *положеніемъ младенца въ колыбель* (Пїачиръ Хивасъ).

Ежели кто вздумаетъ *жениться*, то сватъ торгуетъ дѣвку очень крѣпко. Обыкновенная *невѣстамъ цѣна* простирается отъ двадсяти до пятидесяти рублей: но иные за пять и за десять рублей получаютъ такъ же себѣ женъ. На противъ того богатые даютъ за невѣсту и до осьмидесяти рублей. Невѣстино приданое, состоящее въ дворовомъ скотѣ, домашней утвари и одѣяніи, бываетъ почти равное, платимымъ женихомъ за нее, деньгамъ. Торгъ о невѣстѣ называется у нихъ сватовствомъ (Хоша).

По заключеніи онаго, бываетъ особый *съ дарами поѣздъ*. Женихъ пріѣзжаетъ съ родителями своими къ невѣстѣ, платитъ за нее договорныя деньги, даритъ новыхъ родственниковъ рубахами, платками, или холстомъ. Невѣстинъ отецъ, для сугубаго въ женитьбѣ счастія, *приноситъ въ жертву пшеничный хлѣбъ* и не большое количество *меду* сырцу. Онъ держитъ даръ свой противъ солнца, и творитъ молитву; послѣ чего ѣдятъ, пьютъ, веселятся, и на послѣдокъ опредѣляютъ, когда быть свадьбѣ.

Во время *свадьбы* сидитъ невѣста, занавѣся лице, за отгородкою; на послѣдокъ, вышедъ оттуда, ходитъ прискорбно въ гостепріемной избѣ кругомъ, а дѣвки носятъ передъ нею пиво, медъ сырецъ и хлѣбъ. Какъ обойдетъ она въ третій разъ избу, то женихъ срываетъ съ нее покрывало, цѣлуетъ ее, и *мѣняется* съ нею *перстнями*. Съ сей поры называется она обрученною дѣвкою, и разноситъ гостямъ хлѣбъ, медъ сырецъ и пиво, а на послѣдокъ уходитъ опять за отгородку, гдѣ бабы, вѣ мѣсто худой дѣвичей шапки, надѣваютъ на нее *бабью*, побогатѣе убранную (Хушпу).

Когда станутъ молодыхъ раздѣвать, то невѣста должна скинуть съ жениха сапоги. На другой день по утру происходитъ о дѣвичьей непорочности слѣдствіе. Ежели окажется, что она, до замужства, жила не цѣломудренно: то невѣстинъ прислужникъ подастъ Старѣйшинѣ съ пивомъ такой стаканъ, у коего на днѣ про-

буравлена дырочка, которую зажавъ пальцомъ, удерживаетъ пиво. Но какъ скоро Старѣйшина возьметъ стаканъ въ свои руки, то начинаетъ напитокъ бѣжать изъ дырочки. Гости поднимаютъ превеликой смѣхъ, и приводятъ тѣмъ невѣсту въ стыдъ; другихъ не бываетъ ни какихъ слѣдствій. На другой день принимаетъ молодая гостей уже такъ, какъ хозяйка; въ разсужденіи чего и веселья бываетъ больше, нежели въ первый день. Пляшутъ же они по гуслямъ, по волынкѣ и по губному органу. Крещеные вѣнчаются въ церьквѣ, спустя иногда и долгое время послѣ оныхъ обрядовъ. Свадьбу играютъ больше у жениховыхъ родителей, и оная походитъ нѣсколько на общественную пирушку, по тому, что всякій гость несетъ что ни будь съ собою. Въ прочемъ ставятъ еще на столъ и блюдо съ хлѣбомъ, въ который воткнута стрѣла. Тутъ, кто изволитъ изъ гостей, кладетъ молодымъ на раззаводъ нѣсколько копѣекъ.

Мужъ имѣетъ во всемъ полную власть, а жена должна повиноватьсѣ ему, безъ всякаго прекословія; въ разсужденіи чего и не бываетъ почти ни какихъ въ семействѣ ссоръ. Но ежели мужъ чрезвычайно женою своею не доволенъ, то *разрываетъ ея покрывало* (Сурбакъ), и тѣмъ *уничтожается* на вѣкъ супружескій между ними *союзъ*. Такимъ же образомъ разводятся съ женами своими и всѣ, языческаго суевѣрія держащіеся, Черемисы, Мордва, Вотяки и Вогуличи: однакожь таковые случаи бываютъ рѣдко.

Умершихъ своихъ погребаютъ они, по Черемисскому обыкновенію, и надѣляютъ ихъ такъ же, какъ и они. На могилу кладутъ, по зажженіи восковыхъ свѣчекъ, блинъ и кусокъ вареной курицы; при чемъ говорятъ: *это тебѣ пригодится!* Остатки же прибираютъ провожатые, и думаютъ, что обще съ мертвецомъ ѣли. На послѣдокъ бросаютъ худое умершаго одѣяніе на могилу, моются и подвеселяютъ себя пирушкою въ той избѣ, изъ которой вынесли покойника. Въ третій и въ седьмый день *правятъ поминки*, подобныя первымъ Черемискимъ; въ Октябрѣ же закалаетъ всякъ, у могилы своихъ родственниковъ, овцу, корову, бычка, а иногда и и лошадь, и сваря тамъ же, ѣдятъ такъ, что не великіе бываютъ остатки, кои кладутъ на могилу, и ставятъ при томъ не большую мѣру пива. Въ четвертокъ, на страстной недѣлѣ, выноситъ всякій хазяинъ, для каждаго изъ роду своего покойника, на дворъ по не большому количеству пищи, и про всякаго ставитъ восковую свѣчу. Собаки, вмѣсто умершихъ, питаются симъ приноше-

Чувашанка спереди.
Eine Tschuwaschin vorwarts.
Une Tchouvachaine par devant.

шѣмъ. Въ прочемъ и тѣ, кои уже крестились, думаютъ, что, безъ сего обряда, не могутъ умершіе ихъ родственники лежать въ гробахъ своихъ спокойно.

Языческая вѣра Чувашъ сходствуетъ, въ главныхъ мнѣніяхъ и обрядахъ, съ Черемисскою. *Жрецы* ихъ, принося жертвы одну послѣ другой, молятся, колдуютъ, предсказываютъ, и называются *Юмами* и *Еммами*. Гдѣ ихъ нѣтъ, тамъ вступаетъ въ должность ихъ, подъ именемъ *Сукъ Гоата*, разумный старикъ. *Керемети* ихъ подобны во всемъ Черемисскимъ, а называются еще и *Ирсанами*.

Общаго Бога называютъ они *Горомъ*, а супругу его, *Горъ Амишею* (матерью Божковъ). Между *добрыми Божками*, кои считаются дѣтьми, или роднею Тора, кажется *Кереметь* главнѣйшимъ, по тому, что молебныя и жертвенныя мѣста ему посвящены, да и самыя жертвы ему же тамъ приносятся. Кромѣ онаго почитаютъ еще *Пулихса*, *Хирлсира*, *Пихамбара*, *Кабу* и другихъ, Чувашскимъ подобныхъ, Божковъ. Низшей степени Божковъ называютъ во обще *Ирсинами*. Они кажутся быть Ангелами, или обоготвореннымъ людьми. Въ числѣ *Боговъ злаго качества* почитаютъ они такъ же *Сатану* (Шайтана) первенствующимъ, и опредѣляютъ жилище ему въ водѣ. *Обитами* называютъ они, изкушающихъ родъ человѣческій, лѣсныхъ Божковъ. Въ прочемъ просятъ они въ молитвахъ своихъ Тора, чтобъ благоволилъ укротить Сатану.

Настоящихъ *Идоловъ* у нихъ *нѣтъ*, однакожъ *Ерихъ*, или *Ирихъ*, ихъ на то походитъ нѣсколько, и подобенъ Вотякскому *Мудору*. *Ерихъ* составляетъ не большая связка *серебряныхъ лозъ*, кои, нарѣзавъ осенью, ставятъ въ уголъ избы своей, и почитаютъ оныя столь священными, или опасными, что ни кто и приступиться къ онымъ не смѣетъ. Они возобновляютъ своего Ериха всякую осень, а стараго пущаютъ въ плавь по рѣкѣ.

Нѣкоторые воображаютъ себѣ *состояніе* человѣческое *послѣ смерти* двоякимъ, а именно: *честные люди* преселяются де въ *Страну изобилія* (Чемгерда), въ коей обрящутъ своихъ родственниковъ, такъ же скотъ и имѣніе свое, въ гораздо лучшемъ состояніи противъ того, въ какомъ они ихъ, на семъ свѣтѣ, оставили; *злые же* будутъ странствовать въ холодныхъ и безплодныхъ степяхъ, какъ кости безъ тѣла.

Керемстные, или общіе, такъ, какъ и *семейственные* ихъ *праздники*, сходны съ Черемисскими не только, въ разсужденіи обря-

довъ, но и въ самихъ названіяхъ; ибо такія же бываютъ у нихъ при томъ жертвоприношеніи, разпоряженія и обряды; а разность заключается въ томъ только, что Чуваши отъ всѣхъ *жертвъ* бросаютъ нѣсколько и *въ огонь*.

Праздникъ *Имень Байранъ* бываетъ у нихъ весною, и они молятся въ сей день о изобиліи земномъ въ наступающее лѣто. *Уйчукъ* есть благодарственная въ Кереметѣ, за собранные съ полей плоды, приносимая жертва; при чемъ мѣлкихъ только животныхъ закалаютъ. *Кереметь Гасадосъ*, или праздникъ очищенія Кереметя, бываетъ весною, когда начинаютъ пахать поля; а обряды совершаются въ Кереметѣ съ жертвоприношеніемъ *передъ семью огнями*. Они приносятъ въ жертву пироги и молоко, льютъ нѣсколько на огонь, убираютъ прочее сами, и обращаютъ моленіе свое наипаче къ *Кереметю Отцу* (Кереметь АшЪ), *Матери* (Кереметь Амша) и *Сыну* (Кереметь Ивли). Когда вздумаютъ принесть *Пихамбару* большую животину въ жертву, по причинѣ болѣзни, или для счастія въ скотѣ, и проч. то избираютъ къ тому Кереметь. Пернатыхъ же и малую животину жертвуетъ всякъ дома. *Жертвоприношеніе отъ новаго хлѣба* (Сыне шире чукъ тонсъ) есть тотъ самый праздникъ, который у Черемисъ *Уткинде байранъ* называется. *Мункунъ* (великій день) есть среда на страстной недѣлѣ. Въ сей день приноситъ всякій хозяинъ у себя въ домѣ жертву, состоящую въ птицахъ и пирогахъ; при чемъ одинъ другаго посѣщаетъ, и проч. Во обще ввели они такъ, какъ Черемисы, Мордва, Вотяки и нѣкоторые другіе Народы, очень много Христіанскихъ, а еще больше Мугаммеданскихъ праздниковъ въ число своихъ, какъ на примѣръ, выше помянутый великій день, поминаніе въ четвертокъ на страстной недѣлѣ, омываніе тѣла и разположеніе молитвъ, да и самое слово, *байранъ* (праздникъ) Татарское.

Молитвы ихъ бываютъ всегда одинакія, а разность заключается только въ обстоятельствахъ, да въ лицахъ мнимыхъ ихъ Боговъ, къ которымъ они возсылаются. Полная Чувашская молитва гласитъ въ переводѣ такъ: *Боже!* (Торе, или иное какое Божество) *помилуй насъ! Боже! не оставь меня! Надѣли меня множествомъ сыновей и дочерей! Боже! одари меня многими горами хлѣба, и наполни мои житницы и кладовыя! Боже! низлошли мнѣ хлѣбъ, медъ, питье, съѣстное, здоровье. покой! Боже! наполни дворъ мой лошадьми, рогатымъ скотомъ, овцами, козами! Боже! благослови жилище мое, чтобъ могъ я странствующихъ принимать, по-*

Чувашанка въ Лѣтнемъ платьѣ.
Eine Tschuwaschin im Sommer Kleide.
Une Tchouvache en habit d'été.

коитъ, литатъ и грѣтъ. Боже! благослови Обладательницу Земли! (Всемилостивѣйшую Государыню). При всякомъ отрывѣ молитвы говорятъ мѣряне: *аминь!*

При обращеніи ихъ, въ 1723 году, къ Христіанскому закону, нарочито они упрямились; а въ нынѣшнее время, въ которое безъ собственнаго удостовѣренія ни кого къ принятію православной вѣры не принуждаютъ, и не отвлекаетъ ихъ никто отъ суевѣрія, да они и сами, въ разсужденіи тихомирнаго поведенія, прилежанія, вѣрности и преданности своимъ Начальникамъ, крестившимся ни мало не уступаютъ.

Въ междоусобныхъ дѣлахъ *не употребляетъ Народъ сей* никакихъ *клятвъ*, но единственно держатся *своего слова*. Но когда по какимъ ни будь ссорамъ, или другимъ причинамъ, надобно имъ предъ судьями присягать: то кладутъ имъ въ ротъ по немногу соли и хлѣба, при чемъ они говорятъ: *чтобъ мнѣ этого у себя не видать, ежели я лгу, или въ словѣ своемъ не устою.* Рекрутамъ же даютъ хлѣбъ черезъ сложенные крестообразно тесаки, и сіе служитъ для сего Народа, въ мѣсто обыкновенной въ Россіи, для прочихъ Христіанскаго исповѣданія Народовъ, присяги.

МОРДВА.

Народъ сей *живетъ* по близости рѣки *Оки* и *Волги* въ Нижегородской Губерніи и частію въ Оренбургской Области. Долго былъ онъ у Татаръ въ подданствѣ, однако имѣлъ собственныхъ *Хановъ*. До разпространенія Татарскаго владычества были жилища его повыше теперешнихъ, на Волгѣ же, около *Ярославля*, *Костромы* и *Галича*. А хотя Народъ сей и не столь многолюденъ, какъ Черемисы и Чуваши, однако нарочито еще знатенъ, и безпрерывно отъ одной переписи до другой умножается, соотвѣтственно природнымъ Россійскимъ сельскимъ жителямъ.

Оный *раздѣляется на два главныя колѣна*, а именно: на *Мокшанъ*, кои живутъ на Мокшѣ, сообщающей струи свои Окѣ выше всѣхъ другихъ рѣкъ, и на *Ерзянъ*, обитающихъ на Волгѣ. *Каратаи* составляютъ еще и третіе, но такое малое поколѣніе, что въ нѣсколькихъ только Казанскихъ деревняхъ заключается. Они называются сами по поколѣніямъ своимъ *Мокшами* и *Мокшанами*, такъ же *Ерзянами* и *Ерзядами*; Россіяне же нарицаютъ ихъ во обще *Мордвою*, которое наименованіе и между самими ими не не употребительно. Дворянскія ихъ семьи давно уже перевелись.

Языкъ ихъ, который такъ, какъ и сами они, заимствуетъ начало свое отъ Финновъ, весьма съ Татарскимъ перемѣшанъ. Ерзянское и Мокшанское нарѣчія такъ между собою разнятся, что походятъ на два особливые языка. А хотя каждое колѣно и теперь еще употребляетъ свой языкъ, но они, по близкому сообщенію, или по взаимному смѣшенію, свободно одни другихъ разумѣютъ. До разпространенія между ними Христіанской вѣры почиталось у нихъ преступленіемъ понимашь жену изъ другаго колѣна: но нынѣ живутъ они уже больше въ смѣшеніи. Однакожь всякій родъ держится своихъ стариныхъ обычаевъ, въ разсужденіи одѣянія и нѣкоторыхъ поведеній.

Мордовцы, по тѣлесному разположенію и по всему виду, больше походятъ на *Россіянъ*, нежели на Черемисъ и Чувашъ, да и въ самомъ домашнемъ своемъ быту соображаются наипаче Россійскимъ сельскимъ жителямъ. Волосы у нихъ, по большей части, русые и прямые, бороды жидкія, лица сухощавыя, а женщины ихъ рѣдко бываютъ красивы. Въ прочемъ они честны, прилежны, дружелюбны, но не проворны; послѣдуютъ не менѣе переняшому отъ Россіянъ,

сколько и заимствованному ими отъ Татаръ, въ разныхъ дѣлахъ и обычаяхъ, но не въ опрятности и отвращеніи отъ свинины, которую, держащіеся языческой своей вѣры, Мордовцы, коихъ однакожь теперь въ остаткѣ очень мало, ѣдятъ безъ всякаго зазрѣнія, а на противъ того, оставшіеся въ языческомъ суевѣріи, Чуваши и другіе Народы почитаютъ оную поганою пищею.

Съ того времени, какъ стали они Россійской Державѣ подвластны, упражняются всѣ *въ земледѣлашествѣ*: но живутъ не въ городахъ, а въ деревушкахъ, подобныхъ Черемисскимъ и Чувашскимъ, и весьма охотно строятъ жилища свои въ лѣсахъ. Дворы, земледѣлашество, небольшее скотоводство, домашняя рухлядь, пища и все во обще разположеніе ихъ хозяйства ни мало отъ Черемисскаго и Чувашскаго не разнится. По большей части бываютъ и у ихъ дворовъ такіе же, какъ и у тѣхъ, огородцы, въ коихъ садятъ про себя обыкновенную поваренную зелень. Но къ *звѣриному промыслу* не столько они прилѣпляются, какъ помянутые Народы. Мордовки упражняются равномѣрно въ такихъ же дѣлахъ, какъ Черемискія и Чувашскія женщины, и при томъ подобны имъ въ прилежаніи и искусствѣ. Народъ сей несетъ равную съ сосѣдями своими гражданскую тягость, да и въ самомъ поведеніи имъ сообразенъ. Мокшаны живутъ въ привольныхъ къ *лѣскому пчеловодству* мѣстахъ; есть такъ же между ними дѣйствительно и такіе пчеляки, кои имѣютъ у себя по сту и по двѣсти ульевъ.

Мордовское *мужское одѣяніе* во всемъ, кромѣ рубашекъ, украшенныхъ шитьемъ около ворошника и ворота, походитъ на Русской мужичій нарядъ. *Женская* же *одежда*, въ обоихъ поколѣньяхъ, нѣсколько отмѣнна. Дѣвки ходятъ и у нихъ не такъ нарядно, какъ бабы; а въ прочемъ различаются отъ сихъ однимъ только головнымъ уборомъ. Они носятъ короткія портки (Пойкъ), а на ноги столько навертываютъ онучь, что походятъ на колоды. Обувь ихъ составляютъ востроносые лапти (Карь); рубахи носятъ, подобныя Чувашскимъ и Черемисскимъ; узоры вышиваютъ на оныхъ такіе же, и подпоясываютъ оныя, не забирая въ портки. Отъ пояса виситъ на зади не большій, красиво вышитый, и при томъ бахромкою и кисточками разпещренный, коротенькій запонъ, который и не излишенъ, по тому, что рубахи ихъ, какъ будьто облипли около тѣла. Когда Мордовка явится въ самомъ лучшемъ нарядѣ, то около пояса висятъ кругомъ, прикрѣпленныя къ вышитой широкой перевязи бахромки и кисточки. Шею и плечи покрываетъ, решетча-

то сдѣланный изъ корольковъ и поддѣланныхъ червонцовъ, пронизокъ, который, какъ будьто косынка, наметывается на грудь. На всѣхъ пальцахъ носятъ онѣ перстни и кольца, а къ большимъ сергамъ привѣшиваютъ маленькія, изъ корольковъ сдѣланныя, пронизки. На руки надѣваютъ, у самыхъ кистей, по два и по три обода. Волосы заплетаютъ въ нѣсколько малыхъ косъ, кои прячутъ пожилые люди подъ сшитую по головѣ шапочку, а молодые подъ высокую, набитую, крѣпкую, вышитую и какъ корольками, такъ и фарфоровыми раковинками разпещренную, шапку, у которой придѣланъ на затылкѣ хвостъ, шириною въ ладонь, а длиною съ лишкомъ на пядень, и украшенъ корольками и унизанными нитками. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и дабы сдѣлать оные долгими и крѣпкими, то кладутъ въ добавку черную овечью шерсть.

Мокшанки разнятся отъ Ерзянокъ слѣдующимъ только нарядомъ. *Бабы шалки* дѣлаются у нихъ не столь высокія и вышиваются просто. Многія носятъ на головѣ и однѣ только вышитыя фаты. Отъ шапки висятъ по груди, выкладенные серебряными копѣйками, *ремешки*. Отъ составленнаго же *изъ корольковъ пронизка* простирается до самаго пояса, покрытый въ сплошь корольками и брякушками, *щитъ;* а отъ пояса виситъ въ переди долгій, либо короткій, вышитый, и какъ корольками, такъ и змѣиными головками усыпанный запонъ. Въ мѣсто Ерзянскаго задняго запона, носятъ Мокшанки не мало, рядомъ висящихъ, кисточекъ, кои достаютъ до самыхъ подколѣнокъ. Кромѣ серегъ болтается около ушей много маленькихъ, *изъ лебяжьяго пуху* сдѣланныхъ. *кисточекъ*. Волосы покрываютъ такъже, прикрѣпленнымъ къ шапкѣ и до самыхъ пятъ достающимъ, ремнемъ; пожилыя же бабы и дѣвки, въ мѣсто шапокъ, носятъ на головѣ въ завязку платки, а волосы разшрепанные, или заплетенные, висятъ просто по спинѣ.

Беременныя женщины ходятъ *родить* въ баню, гдѣ посѣщаютъ ихъ гости, и даютъ младенцамъ имена. Обряды бываютъ у нихъ при семъ случаѣ такіе же, какъ и у Черемисъ. *Мужескаго полу имена* суть слѣдующія: *Трена, Казай, Деткудъ, Сидасъ*, и проч. а *женскаго: Лолай, Ракса, Шинду, Лумгурь* и прочія.

Дѣвокъ они *высватываютъ*, и рядятся такъ же, какъ и Чере-

Мордовка съ лица.
Eine Morduanerin vorwärts.
Femme Morduane par devant.

миссы. *Цѣна невѣсты* (Калымъ) простирается обыкновенно отъ осьми до десяти рублей; изъ чего и видно, что Народъ сей не богатъ. Жениховъ отецъ ѣздитъ самъ, передъ свадьбою, за невѣстою, которую отецъ, взявъ за руку, ему препоручаетъ, а мать даетъ при томъ свекру дочери своей немного соли и хлѣба. Послѣ сего прощается невѣста, плачучи, и пускается, закрывъ лице, въ путь. Какъ пріѣдетъ она къ жениху въ домъ, то садится онъ подлѣ ее, за столъ, и крѣпко при томъ нахлупчитъ на глаза шапку. На столѣ стоитъ, длиною фута въ три, пирогъ, который жениховъ отецъ, пододвинувъ однимъ концемъ невѣстѣ подъ покрывало, говоритъ: *взглянн на свѣтъ! будь счастлива къ наживу хлѣба и дѣтей.* Тутъ-то, въ первые, видитъ женихъ въ лице свою невѣсту, которую, безъ вѣдома его, высваталъ за него отецъ. Послѣ сего пируютъ они съ пріятелями своими, и веселятся пляскою, пѣснями, игрою, а больше всего подпиваньемъ. Въ прежнія времена были у нихъ и собственныя пляски, но теперь послѣдуютъ въ томъ Россіянамъ, и соображаются игрѣ на гусляхъ, волынкѣ и губномъ органѣ. Какъ пріидетъ пора *укладывать молодыхъ слать*, то невѣста такъ упрямится, что, посадя ее насильно на рогожу, относятъ къ жениху въ подклѣтъ, и говорятъ: *вотъ тебѣ волкъ овечка!* Случается, что родители и малолѣтныхъ еще дѣтей своихъ помолвливаютъ; при чемъ взаимно размѣниваютъ табашные роги. Дѣвку помолвленіе сіе не обязываетъ, но молодецъ долженъ, буде вздумаетъ на другой женишься, заплатить за обходъ нѣсколько рублей. Хотя въ прочемъ многоженство Языческимъ ихъ закономъ и не запрещается, однако они вольностію сею столь же рѣдко, какъ и Черемиссы, пользуются. Когда умретъ жена, то охотно женятся на свояченицахъ. Естьли же получитъ кто въ томъ отказъ, то кладетъ тихонько на столъ маленькій хлѣбецъ, и говоритъ: *промыели мнѣ свояченицу!* Послѣ сего обращается онъ въ бѣгъ, и ежели его настигнутъ, то бьютъ не милосердно, естьли же уйдетъ, то выдаютъ безпрекословно за него помянутую свояченицу. Когда крещеные ѣдутъ къ вѣнцу, то лице у невѣсты бываетъ закрыто же, и при томъ всячески стараются, чтобъ, когда ѣдетъ невѣста въ церковь, не попался ей кто ни будь на встрѣчу, по тому, что почитаютъ сіе предзнаменованіемъ несчастія.

Покойниковъ хоронятъ въ самомъ лучшемъ платьѣ. У могилы ѣдятъ пироги, и разпиваютъ пиво; при чемъ какъ того, такъ и другаго по не многу оставляютъ на мѣстѣ.

Вольшая половина Мордвы исповѣдуетъ теперь *Христїанскую вѣру*, и хотя они отъ Языческаго закона удалились уже больше, нежели Черемиссы и Чуваши: однакожъ все еще великое имѣютъ къ оному пристрастїе. *Идололоклонство* ихъ Язычниковъ подобно Черемисскому и нѣкоторыхъ другихъ Народовъ.

Мордовскїе *Керемети* не заключаютъ въ себѣ ни чего отмѣннаго. Теперь нѣтъ у нихъ и настоящихъ *Жрецовъ*: но мѣста ихъ занимаютъ всякїе добрые люди, кои называются *Ате*. *Общій Богъ* называется у Ерзянъ *Паасъ* и *Пасъ*, а у Мошканъ *Скей*; да симъ же словомъ называютъ они и небо. Они исповѣдуютъ еще *Матъ Боговъ* и *сына Божїя* (Инячи Пасъ). *Мастеръ Пасъ* есть подземельное и не очень благотворительное Божество. *Николай Пасъ* есть, почитаемый Россїянами, *Святитель Николай*, коему приписываютъ они благосостоянїе Россїйскаго Народа, ставятъ передъ икону его, въ Россїйскихъ церквахъ свѣчи, и воздаютъ изображенїю его, въ домахъ своихъ, почтенїе. Въ прочемъ не представляютъ они Боговъ ни подъ какими видами. Богомолїя, жертвы и приношенїя ихъ, да и всѣ во обще праздники, совокупно съ возбуждающими къ тому причинами, подобны Черемисскимъ и Чувашскимъ; разнятся же отъ послѣднихъ тѣмъ только, что огню не предаютъ ни чего, а въ мѣсто того *землѣ нѣсколько удѣляютъ*. *Кровь*, приносимыхъ въ жертву, животныхъ спускаютъ въ ямочку, и зарываютъ землею, да и отъ самой жертвы кладутъ туда же нѣсколько частицъ. Кости бросаютъ въ рѣки, а шкуры берутъ за себя Аты.

Весною бываетъ у нихъ *Керметный праздникъ*, въ который приносятъ звѣрей въ жертву. *Полевый праздникъ*, который у Ерзянъ *Валнъ Оксъ*, а у Мокшанъ *Велъ Оксъ* называется, препровождаютъ въ полѣ оба пола въ мѣстѣ. *Пасъ Ачуская* приносятъ они въ жертву рыжую, а *Мастеръ Пасу* черную корову. *Солнцу*, которое они называютъ *Си Пасомъ*, приноситъ въ жертву всякїй хозяинъ у себя на дому, съ Чувашскими обрядами, птицъ, пирожное и хмельные напитки. Увидя въ первый разъ *новый мѣсяцъ*, кланяются и просятъ его, чтобъ низпослалъ имъ, во время своего правительства, счастїе. Осенью приносятъ *Юрташу Пасу* домашнюю жертву, и просятъ его о благополучной зимѣ. Въ первый день какъ свѣтлаго Воскресенїя, такъ и Рождества Христова, жертвуютъ они не извѣстнымъ и самимъ имъ Россїйскимъ Святостямъ птицъ, пи-

Мордовка со спиною.
Eine Morduanerin rückwärts.
Mordouane par derrière.

рожное и напишки, дабы только имѣть себѣ заступниками и Россійскихъ Святыхъ. Во время грозы говорятъ: *умилосердись Боже Пургини!* но жертвъ ни какихъ не приносятъ. *Молитвы* ихъ такія же, какъ и выше описанныхъ Народовъ. Притворный, во время молитвы, видъ, приклоненіе лица къ землѣ и другое, сему подобное, переняли они отъ Татаръ.

ВОТЯКИ.

Вотяки, коихъ Славяне называли *Вотами*, проименованы отъ Татаръ *Арами*, сирѣчь, Украинцами; отъ чего нѣкоторые производятъ и произхожденіе, обитающаго и теперь еще около рѣки Енисея, Народа, *Аринцами* именуемаго, который однакожь, въ древнія времена, имѣлъ жилища свои около Уральскихъ горъ, но передъ побѣгомъ своимъ въ нутрь Сибири нарочито истребленъ, какъ о томъ объявляютъ нѣкоторые Писатели. Собственное же Вотяковъ названіе есть, *Уды* и *Удмурты*, или *Морты*: но Моршъ значитъ во обще, на языкѣ ихъ, человѣка. Они *живутъ* въ Казанской и Вятской, Губерніяхъ, и называютъ сію, занимаемую ими Страну, *Камъ Козинъ*, сирѣчь промежь рѣками лежащею землею, а именно между Камою, которая, на ихъ языкѣ, нарицается, *Будепнъ Камъ*, и *Вяткою*, коя у нихъ называется *Вятка Кама*.

Вотскій Народъ и нынѣ еще многочисленъ. Со включеніемъ, живущихъ въ Оренбургской Области, Вотяковъ, считается въ ономъ до 40000 и болѣе мужчинъ. Вотяки и теперь наблюдаютъ старинное свое раздѣленіе на *поколѣнія*, или семьи, и даютъ по тому деревнямъ своимъ названія, какъ на примѣръ: *Сулоннепнъ Балги*, т. е. Сулонны отъ Балгскаго поколѣнія; *Куракъ Самесъ*, Куракская деревня отъ колѣна Самесъ, и такъ далѣе. Но Хапскія и прочія ихъ Дворянскія семьи отъ части перевелись, а отъ части вышли изъ чести. Они были такъ же подъ Татарскимъ покровительствомъ. А какъ Россійской покорились державѣ, то брося кочеванье, принялись за спокойнѣйшую и безопаснѣйшую сельскую жизнь, при чемъ и постоянныя жилища предпочли полевымъ ставкамъ.

Росту, большая часть, средняго, худощавы, волосы у нихъ бываютъ всякіе, но у многихъ рыжіе. Съ *виду* походятъ на Финновъ больше, нежели всѣ прочіе единоплеменные имъ народы. Въ прочемъ честны, миролюбивы, гостепріимчивы, трезвы, но и суевѣрны, къ любви не страстны и простосердечны. У *женщинъ* ихъ такіе чрезвычайно малые мигучіе глаза, что гадко на нихъ и взглянуть; росту они малаго, робки, стыдливы, а по тому и цѣломудренны, при томъ же рачительны и ласковы.

Они говорятъ собственнымъ, отъ Финнскаго произходящимъ, *языкомъ*: но нѣтъ у нихъ теперь ни писанія ни буквъ. *Счеты* ведутъ они на замѣткахъ (Песъ), а въ мѣсто подписи употребля-

Мордовская дѣвушка съ тыла.
Ein Morduanisches Mådgen rückwårts.
Fille Morduane par derrière.

ютъ заручительные знаки. *Годовъ* не считаютъ, *мѣсяцамъ* же даютъ названія отъ естественныхъ приключеній, такъ на примѣръ: Мартъ называется у нихъ *Силлронъ Галисъ*, льдоломный мѣсяцъ, Іюнь, *Вушанъ Сира Галисъ*, солнцестоятельный мѣсяцъ, и такъ далѣе. Изъ недѣльныхъ дней *лятница* (арнїа нумалъ) есть день ихъ отдыхновенія. Среду нарицаютъ и они *кровавымъ днемъ* (виръ нумалъ), и ни чего въ оной важнаго не предпринимаютъ.

Они такъ же, какъ и Черемиссы, живутъ не въ городахъ, но въ *деревняхъ*, которыя, естьли другія какія мѣста покажутся имъ привольнѣйшими, и переносятъ. Въ прочемъ всѣ сельскіе ихъ разпорядки, жилища, домостроительство, утварь домашняя, пища, питье, подати и все во обще ихъ устроеніе такое точно, какъ и у вышеописанныхъ Народовъ. Сотники ихъ называются, *Еллирами*, а старосты, *Картликами*. Они больше всѣхъ Народовъ убѣгаютъ обращенія съ Иноплеменниками, и по тому не любятъ, чтобъ въ смежности съ деревнями ихъ были и чужія; не даютъ такъ же пришельцамъ въ посадахъ своихъ строить дворовъ, да и при празднествахъ своихъ не терпятъ Инородцовъ. Очень рѣдко случается, чтобъ вступило въ земской судъ какое ни есть Вотское, по прошенію, дѣло.

Сельское домостроительство производятъ они весьма рачительно, и при томъ упражняются какъ въ *звѣриной ловлѣ*, на которой лукомъ и огнестрѣльными оружіями равно пользуются, такъ и въ *пчеловодствѣ*. Отъ скуки, сидятъ такъ же нѣкоторые и за *токарнымъ дѣломъ*; издѣлья же ихъ составляютъ: чашки, ложки, веретена и другія, симъ подобныя, надобности, да они и лоскъ на сосуды наводятъ. *Женщины* прядутъ, ткутъ холстъ, дѣлаютъ толстыя сукна, валяютъ войлоки, вышиваютъ узоры и портничатъ. Богатыхъ между ними мало, но на противъ того и во все нѣтъ чрезвычайно бѣдныхъ. У кого есть отъ пятнадсяти до двадсяти пяти десятинъ земли, да съ верхъ того лошадей отъ двадсяти до тридсяти и другаго скота соразмѣрное количество: тотъ занимаетъ между богачами ихъ первое мѣсто.

Одѣяніе мужчинъ походитъ на нарядъ Рускихъ мужиковъ, но по большей части дѣлается изъ бѣлаго толстаго сукна. Зимнія ихъ шапки шьются изъ сукна, да и околышь бываетъ по большей части изъ сукна же, только изъ другаго цвѣта. Къ поясу привѣшиваютъ ножъ да влагалище для шопора.

Женщины носятъ коротюія рубашки, вышитыя душегрѣйки и

лапти. *Лѣтнее* ихъ *одѣяніе* составляетъ просторная и полная верьхняя рубаха, у которой рукава дѣлаются узковато, а обшивки украшаются узорчатымъ шитьемъ. Они подпоясываются по сей рубахѣ такъ, что какъ на правомъ, такъ и на лѣвомъ боку виситъ долгій отъ пояса конецъ. У пояса мотается не большій, со швейными припасами, мѣшокъ (Янтзикъ). Голову покрываютъ вышитою, и бахромкою обложенною фатою, которая перетянута надъ головою черезъ высокой обручь, и опущена на спину. У самыхъ ушей оставляютъ они по клочку волосъ, который обыкновенно узломъ затягиваютъ. *Зимнее* же ихъ *одѣяніе* составляютъ долгое и полное, въ переди не большій воротъ имѣющее, платье (Тамашадерамъ), у коего рукава узкіе, а воротника со всѣмъ нѣтъ. Оное шьется обыкновенно изъ сукна какого ни есть свѣтлаго цвѣта. Голову покрываютъ онѣ зимою платкомъ, который завязываютъ подъ подбородкомъ, а на оный надѣваютъ шапку съ берестовымъ столбомъ, чѣмъ ни есть покрытымъ, и накидываютъ на него помянутую фату, висящую по спинѣ, и служащую такъ же покрываломъ. Онѣ носятъ такъ же серьги, перстни, кольца, и при томъ какъ мѣдные такъ и желѣзные ручные ободы. Дѣвки носятъ у нихъ такъ, какъ и у Татарокъ, крѣпко на головѣ сидящія шапки, а въ прочемъ одѣваются похуже бабъ.

Привѣтствуются они между собою чрезъ подаваніе рукъ, и говорятъ при томъ: *дисъ банъ!* (здравствуй!). Женьщины, въ мѣсто цѣлованія треплютъ себя обѣими руками по плечамъ. *Бранныя* ихъ *слова* суть слѣдующія: скитающееся стерво (шной удманъ), безтолковый бѣсъ (вистанъ Шайтанъ), и сіе проклятіе: чортъ тебя возьми! (Шайтанъ медъ бастосъ). По *рожденіи* младенца, которое такъ же, какъ у Мордвы и у нѣкоторыхъ другихъ Народовъ, бываетъ въ банѣ, которую и не одну во всякой ихъ деревнѣ найти можно, приноситъ отецъ *Ангелу хранителю* сего *младенца* въ жертву бѣлаго овна. Жертву сію называютъ они *Килдиссинъ* (Ангельская жертва), и ѣдятъ оную съ удовольствіемъ. Собственныя Вотяковъ *мужескія имена* суть: *Ишмакъ, Данабай, Камай, Елтемиръ* и прочія, *а женскія: Далишь, Баделетъ, Беке, Танга, Актонъ* и другія.

Женъ они себѣ *покупаютъ*, и хотя оставшимся при языческомъ суевѣріи не возбранно содержать оныхъ столько, сколько прокормить могутъ: однако рѣдко кто имѣетъ двухъ или больше. Договорная за невѣсту цѣна, которая у нихъ называется *Ердунъ*,

Мокшанка спереди.
Eine Mockschanerin vorwärts
Une Moquechaine par devant.

а ряда о томъ, *Ерашу*, простирается обыкновенно отъ пяти до пятнадсяти рублей, чему соразмѣрно бываетъ и невѣстино приданое. Они разбираютъ, при женитьбахъ своихъ, одно только имѣнїе: однакожь мальчиковъ ни когда до десяти лѣтъ не женятъ, да и дѣвушекъ до пятнадсяти лѣтъ за мужъ не выдаютъ.

Женихъ, заплатя чисто договорныя деньги, беретъ тотъ часъ съ собою невѣсту, у коей лице бываетъ закрыто. Между тѣмъ собираются въ домъ родителей его гости, къ которымъ невѣста, нарядившись въ особой избѣ въ бабье одѣянїе, выходитъ. У самыхъ гостепрїемнаго покоя дверей останавливается она на разкинутомъ сукнѣ, и ждетъ пока Духовный человѣкъ (Торъ Картъ) принесетъ въ жертву стаканъ пива, и сотворитъ къ Богамъ молитву о низпосланїи молодымъ счастїя въ наживѣ хлѣба, дѣшей и богатства. Освященное оное пиво даетъ пить молодымъ, и сїе служитъ, какъ будьто, *братнымъ таинствомъ*. Послѣ сего разноситъ дѣвка съ невѣстиной стороны медъ, или пиво, а сама невѣста, прося каждаго гостя выкушать подносимое, становится при томъ на колѣни, и до тѣхъ поръ не встаетъ, пока гость не опорожнитъ сосуда. Между тѣмъ, не укладывая еще молодыхъ спать, ѣдятъ, изрядно попиваютъ, пляшутъ и такъ далѣе.

Въ скорѣ послѣ свадьбы пріѣзжаетъ къ молодому тесть, привозитъ съ собою еще что ни будь въ добавку къ приданому, свидѣтельствуетъ новое хозяйство, и беретъ къ себѣ дочь, на нѣсколько мѣсяцовъ, а иногда и на годъ. Молодая носитъ во все сїе время дѣвичїй нарядъ, и работаетъ отъ части про себя, а отъ части для своихъ родителей. А когда мужъ станетъ брать ее къ себѣ, то она, при укладыванїи спать и на прощанїи, сопрошивляется такъ же, какъ и въ день свадьбы: однакожь скорѣе покоряется, и по елику знакомые, при таковомъ молодой возвращенїи, опять угощаются, то веселья бываетъ при томъ еще больше, нежели на свадьбѣ. Естьли же вдова выходитъ за мужь, то меньше употребляется обрядовъ.

У Черемиссъ, да и во обще у всѣхъ Народовъ, которые женъ покупаютъ, а наибольше у Вотяковъ, случается, что бѣдные, или отказъ получившїе, женихи, милыхъ имъ *дѣвокъ похищаютъ*. Подговоря цѣлую аршель удальцовъ, пріѣзжаетъ онъ съ ними не чаянно ночью, подхватываетъ дѣвку съ постели, и посадя ее на лошадь, поскорѣе убирается. Но часто бываетъ такимъ удальцамъ отъ преждевременнаго шуму и помѣха въ ихъ предпрїятїи, а ино-

гда настигаютъ ихъ и на пути; при чемъ не только лишаются они добычи, но и великіе принимаютъ побои. Бываетъ и то, что молодцы увозятъ съ полей, со всѣмъ незнакомыхъ имъ, дѣвокъ. Когда Вотской Богатырь не видитъ уже себѣ великой опасности, то понимаетъ, при свидѣтеляхъ, свою невѣсту, дабы безопаснѣе ею владѣть, и заплатитъ, по крайней мѣрѣ, не много за нее денегъ; ибо съ пустыми руками онъ ни когда не отлѣзетъ. Родители же, провѣдавъ у кого ихъ дочь, принуждены бываютъ мириться съ наглымъ зятемъ; послѣ чего происходитъ свадебное пиршество столь же весело, какъ и у прочихъ. Они пляшутъ по волынкѣ, по балалайкѣ, по гуслямъ, и по губному органу.

Покойниковъ они моютъ и, какъ надобно, одѣваютъ; при чемъ у привѣшеннаго къ поясу ножа отламливаютъ кончикъ. До самаго выносу покойника, горитъ передъ нимъ восковая свѣча, а на грудь кладутъ ему пирогъ. По опущеніи въ могилу, кидаютъ туда по нѣскольку копѣекъ, и говорятъ: *постулись земля мѣстомъ!* Мертвое тѣло кладутъ промежь досокъ, и надѣляютъ оное колтомъ, топоромъ, лапотникомъ, лаптями и, симъ подобными, вещами. Какъ скоро засыплютъ могилу землею, то зажигаютъ на оной нѣсколько восковыхъ свѣчекъ, и присыпаютъ оную крохами трехъ, круто сваренныхъ, яицъ, при чемъ говорятъ: *ето тебѣ пригодится!* Возвращаясь отъ могилы, шагаютъ провожавшіе черезъ разкладенный у того двора, изъ коего вынесли покойника, огонь, перетираютъ руки золою, моются и перемѣняютъ платье; послѣ чего угощаются. Обстоятельства сіи бываютъ, при всякихъ похоронахъ, одинакія.

Въ третій, послѣ чьей либо кончины, день, правятъ первыя *поминки*. Въ томъ домѣ, изъ коего вынесенъ покойникъ, ѣдятъ пріятели пироги и пьютъ пиво, и какъ отъ того, такъ и отъ другаго выносятъ по нѣскольку, для покойника, на дворъ, говоря при томъ помянутыя слова: *ето тебѣ пригодится!* Но собаки, а не усопшіе, пользуются всегда сею частію. Въ седьмый день закалаютъ овцу, а въ сороковый убиваютъ рогатую скотину, или лошадь, и, поминая покойника, не только сами ѣдятъ оную, но и ему удѣляютъ. Въ четвертокъ, на страстной недѣлѣ, происходятъ общія поминки: всякъ, затепля, на гробахъ свойственниковъ своихъ, свѣчи, ѣстъ у оныхъ мясо, или пирогъ, да и покойникамъ, по небольшой долѣ, оставляютъ на могилахъ.

Къ суемыслію Вотскому принадлежитъ слѣдующее. Середа и пятница несчастливые для дѣлъ дни. Ежели черный дятелъ пе-

Старуха Мокшанская.
Ein altes Weib aus Mokschan.
Vieille feme de Moquechaine.

релетитъ черезъ дорогу, либо воронъ, или кокушка сядетъ на кровлю, такъ же, естьли увидитъ кто, что ежъ бѣгаетъ: то все сїе предзнаменуетъ смерть, или тяжкую болѣзнь, Кто убьетъ ласточку, пиголицу, голубя, или синичку: тому во вѣкъ не будетъ въ скотѣ счастїя. Ласточкамъ дѣлаютъ они гнезда. Подстрѣленный медвѣдь всегда узнаетъ своего непрїятеля, и старается ему отомстить. Его надобно не прямымъ звать нарицанїемъ, но старичкомъ (Мома). Ежели поразитъ громъ какое ни есть дерево, то говорятъ, что онъ убилъ жившаго въ немъ дїавола. Отъ самаго разпущенїя розъ до послѣдняго числа Августа, опасна обѣденная пора. Воску изъ дому своего отнюдь не выносятъ, по тому, что пчеловодство становится отъ того неприбыльно. Ежели примѣтятъ солнечное, или лунное затмѣнїе, то говорятъ, что *оборотень* (Убирѣ) прикоснулся къ солнцу, или къ лунѣ. Недородъ бываетъ отъ крещеныхъ Вотяковъ, кои Богамъ не приносятъ ни какихъ жертвъ; ибо приношенїя надежнѣе всякихъ молитвъ. Кто переходитъ или переѣзжаетъ черезъ какую ни есть воду, тотъ кидаетъ въ нее горсть травы, и говоритъ: *не держи меня!* Да у нихъ такихъ пустошей и много.

Въ *Языческой* своей *вѣрѣ* уподобляются они Черемиссамъ, Чувашамъ и Мордвѣ: но они всѣхъ ихъ къ идолослуженїю ревностнѣе. *Кереметї* свои называютъ они и *Лудами*. Всякой *Керемети*, которой должно быть не отмѣнно въ бѣломъ бору, на возвышенномъ мѣстѣ, посвящаютъ они *Салтану Дису* (благотворительному Салтану), какъ хранителю Духу. Жрецы ихъ называются *Гунами* и *Гонами*. Они вопрошаютъ Боговъ, а *Луду Гїесы* и Керемешные Жрецы дѣйствительно приносятъ жертвы. *Ведины* и *Ведуны* суть ихъ волшебники, перевѣдывающїеся съ злыми Духами, и могущїе при томъ людей и звѣрей *оборачивать*. Такого, безпрерывно скитающагося, *оборотня* называютъ они *Убиромъ*.

Высочайшаго Бога нарицаютъ они *Инмаромъ*, *Инмого* и *Инмаромъ*, а обитель опредѣляютъ ему въ солнцѣ.

Мукалцину и *Муцїенъ Калцину*, или *Мумц Калцину*, почитаютъ они Инмаровою матерью, которая будьто располагаетъ плодородїемъ земли, людей и звѣрей. *Шунду Мумы* считается у нихъ матерью солнца и другихъ Божковъ, и такъ далѣе.

Въ числѣ *злыхъ Божковъ* занимаетъ. и по ихъ разсужденїю, *Сатана* (Шайтанъ) первое мѣсто. Живетъ онъ въ водѣ, и по тому называютъ его такъ же *водянымъ человѣкомъ* (Ву Муртъ). *Палаевъ*

Мýртъ (получеловѣкъ), и *Алида* (лѣшій), живутъ въ лѣсахъ. У него одна только, да и та на изворотъ, нога; одинъ большій глазъ, и превеликая титька, которую впискиваетъ онъ людямъ въ ротъ, и тѣмъ ихъ задушаетъ. *Албастъ* есть то же, что и Коболтъ; живетъ онъ въ пустыхъ домахъ, деревняхъ, и не только тамъ, но и въ баняхъ шалитъ; въ разсужденіи чего и сожигаютъ они ветхія свои избы и другія строенія.

Состояніе человѣческое, послѣ смерти, воображаютъ они себѣ такъ же двоякимъ, *Дуня Югитъ* (блаженная жизнь), коею будутъ кроткіе и богобоязливые наслаждаться, заключаетъ въ себѣ всѣ выгоды Вотскаго, на семъ свѣтѣ, благополучія; а *Куратсинъ Инти* (горькое мѣсто) изобилуетъ наполненными кипящею смолою котлами, въ коихъ будутъ кипѣть неправедные люди.

Въ жертву приносятъ они лошадей, рогатую скотину, овецъ, козъ, гусей, утокъ, дятловъ, медъ сырецъ и вареный, пиво и разные пироги, отъ части въ Керемети, или Лунѣ, а частію дома.

Керемет Нунал (Керемѣтный праздникъ) бываетъ у нихъ, по окончаніи жатвы, въ Керемети; въ сей день приносятъ они въ жертву, кромѣ разныхъ другихъ животныхъ, и *лошадь*, а избираютъ охотнѣе такую, которая *шерстью лоходитъ* на лисицу, да съ верьхъ сего приносятъ въ жертву медъ, пиво и пироги. *Жрецъ* (Тона), или, выбранный на его мѣсто, человѣкъ, *Утиссомъ* называемый, ставитъ въ Керемети рядомъ передъ огнемъ, къ югу, звѣрей и другія жертвы, а по томъ говоритъ: *Инмарь! Самлакъ! Дисъ!* (или другое какое Божество) *мы приносимъ тебѣ въ жертву рыжаго жеребца, бѣлаго овна*, и такъ далѣе, *за дарованную тобою намъ жатву; избавь насъ отъ болѣзней! пошли намъ богатство! благослови нашу Обладательницу, надѣли здоровьемъ*, и проч. По окончаніи молитвы закалаютъ скотъ, и варятъ жертвенное мясо, котораго часть ставятъ на жертвенный столъ, выпущенную же въ желудокъ кровь сожигаютъ. Возложенное на столъ, называется *высокою жертвою*, которую Тона возноситъ къ солнцу, шворитъ ту же молитву, и на послѣдокъ раздѣляетъ. Кости разставливаютъ около Керемета, шкуры беретъ про себя Тона, а остальныя мяса ѣдятъ въ деревнѣ съ женами и дѣтьми. Послѣ мяснаго, приносятъ такъ же въ жертву медъ сырецъ, пирожное и напитки. Отъ всего кидаетъ Тона по нѣскольку въ огонь, говоря при томъ: *огонь! вознеси сіе къ Инмарю, Мукалцину!* и проч. При семъ случаѣ приноситъ всякъ и *обѣтныя*, отъ себя собственно, *жертвы*. Изготовив-

шись къ обратному пути, кланяются низко Кереметю, и говорятъ: *счастливо тебѣ оставаться, да не покидай и насъ!* Такимъ образомъ и всѣ Керемешные препровождаются праздники.

Праздникъ Акечка бываетъ у нихъ *въ Будшинъ Коалѣ*, или лѣтней, одинакой, и для богомолья единственно опредѣленной, избѣ, въ коей нѣтъ ни печи, ни лавокъ, и оная, какъ будьто, сельскую представляетъ храмину богослуженія; находятся же такія избы иногда и въ деревняхъ, а больше въ лежащихъ не подалеку лѣсахъ. Празднество сіе происходитъ на страстной недѣлѣ, и оба пола пріемлютъ въ ономъ участіе, пріуготовляясь же къ тому, моются и очищаются. Всякъ приноситъ Тонѣ, или Ушиссу, нѣчто къ жертвоприношенію годное. Двери у такихъ богомольныхъ избъ дѣлаются съ южной стороны. Какъ уварятся мяса, то жрецъ отъ всѣхъ съѣстныхъ и питейныхъ жертвъ ставитъ по нѣскольку на столъ, поставленный супротивъ дверей, то есть, у сѣверной стѣны, къ которой надъ самимъ столомъ прикрѣплена *дощечка*, усыпанная *трухою отъ сосенъ*, какъ посвященныхъ Богамъ деревъ, а иногда и травою. На оную дощечку ставитъ жрецъ, какъ будьто на жертвенникъ, складенные на одно блюдо части жертвъ, кои и называются уже тогда *высокимъ приношеніемъ* (Виламъ Мичамъ). Самую же дощечку, или жертвенникъ, зовутъ они *Мудоромъ* и *Модоромъ*, и почитаютъ оную столь свято, что ни кто не дерзаетъ къ оной и приближиться; такое же говѣйное имѣютъ къ оной почтеніе и во всякое другое время, когда и жертвы не приносятся. Тона, или Ушиссъ, взявъ на послѣдокъ высокое приношеніе и напитокъ, обращается къ дверямъ и богомольнымъ мірянамъ съ сею жертвою, и говоритъ: *тебѣ Богъ Вошудъ!* (Божеству сему прилична сія жертва) *приносимъ въ праздникъ Акечка высокую жертву! Надѣли насъ здоровьемъ, дѣтками, скотомъ, счастіемъ, медомъ, хлѣбомъ* и проч. *Прогони отъ насъ, Вошудъ! хищныхъ звѣрей!* При такой молитвѣ говорятъ часто Міряне: *Аминь!* Естьли же, *по обѣту*, приносится *жертва*, то говоритъ Тона: *Вошудъ! я обѣщалъ тебѣ, на примѣръ, овна, а ты мнѣ пособилъ; теперь приношу я тебѣ очаго въ жертву; не лишай меня и въ предь твоей помощи!* По окончаніи обрядовъ, принимаются всѣ съ почтеніемъ ѣсть въ той же избѣ высокую жертву; а остатки съ веселіемъ доѣдаютъ дома. Таковымъ порядкомъ произходятъ всѣ ихъ *домашнія*, или *Мудоровыя празднества*, которыхъ во обще не мало. Въ первый, на примѣръ, святой недѣли день возобновляетъ всякій хо-

зяинъ помянутое жертвоприношенїе въ лѣтней своей избѣ, и заступаетъ самъ мѣсто Жреца.

Лѣтнїй Мудоровый праздникъ достопамятенъ, по приносимымъ въ сей день, жертвамъ, въ число которыхъ включается по нѣскольку и *пестрыхъ дятловъ*. Всякая деревня, особливо въ сѣнокосное время, торжествуетъ оный, при Тонѣ, или Уттиссѣ, въ лѣтней богомолья своего храминѣ. Все происходитъ вышеописаннымъ порядкомъ; разность же состоитъ въ томъ только, что нарочно ловятъ силками для сего дня *пестрыхъ дятловъ*, коихъ ставятъ на Мудоръ, какъ *высокую жертву*, и, поелику сами оныхъ не ѣдятъ, то кидаютъ цѣлкомъ въ огонь. Творимая, при семъ жертвоприношенїи, молитва гласитъ такъ: *Вышнїй Боже!* (Инмаръ) *мы приносимъ тебѣ жертву одну овечку, дятловъ* (трехъ или четырехъ), *утокъ, медъ, пироги* и проч. *Благослови насъ, пошли намъ теплый дожжикъ, урожай хлѣба, меду, скота, дѣтей, счастїе въ звѣриномъ промыслѣ, добрыхъ людей, кротость! благослови насъ!* Міряне говорятъ: *Аминь!* Сїе торжество отправляютъ больше для сугубой въ пчеловодствѣ прибыли.

Есть у нихъ еще и *полевые праздники*, какъ то: *жатвенный* и *посѣвный*, а можетъ быть и другїе, которые они, по примѣру Чувашъ, препровождаютъ на чистомъ полѣ съ жертвоприношенїями, молитвами и веселостями, въ чемъ и домашнїе ихъ пріемлютъ участїе.

Когда окажутся между ними *прилипчивыя болѣзни*, то, у какой ни будь рѣки, *приносятъ въ жертву Инмару черную овцу*, въ такомъ намѣренїи, чтобъ онъ заказалъ Дїаволу причинять имъ зло. Обряды бываютъ при томъ, подобные прежнимъ, но между тѣмъ, какъ варятъ жертвенныя мяса, похаживаетъ всякїй хозяинъ въ жильѣ своемъ съ палочкою, и помахивая оною около себя, говоритъ: *убирайся изъ моего жилья!* По томъ, застрѣля въ деревнѣ собаку, или кошку, тащатъ оную мимо жертвеннаго мѣста въ низъ по теченїю рѣки, и на послѣдокъ съ веревкою и дубинами бросаютъ; послѣ чего совершается жертвоприношенїе, *Орвасъ* называемое.

Больнымъ приказываетъ Тона *приносить* иногда и *водѣ жертву;* по тому, что Дьяволъ производитъ болѣзни отъ раздраженной воды. Въ прочемъ кажется, что приношенїе сїе опредѣляется Сатанѣ, или водяному Мужику (Ву Моргъ); а состоитъ оное въ козѣ, или пѣтухѣ. Обряды бываютъ при томъ, сообразные прежнимъ.

Отъ жертвы кидаютъ по нѣскольку кусковъ въ рѣку и въ огонь, говоря: *тебѣ, прогнѣванной водѣ, жертвую! лѣтуха*, и проч. *возвратти мнѣ здоровье!* передъ огнемъ же произносятъ слѣдующія слова: *огонь! доставь сіе приношеніе Баху!* естьли же всѣ жертвоприношенія не пособятъ, то покидаютъ дворъ, и перебираются въ другій.

На новоселье приноситъ хозяинъ *Инмару въ жертву чернаго овна*, или, когда не достаточенъ, *крутую кашу*. Всѣ во обще Вотяки крайне усердно о благоволеніи къ нимъ Божковъ пекутся, и при томъ, естьли можно такъ сказать, благоговѣйные Идолопоклоники. Да и тѣмъ, которые крестились, можно свободно держаться прародительскаго своего суевѣрія, по тому, что живутъ они отъ другихъ Народовъ со всѣмъ особливо. Все, что въ Христіанской вѣрѣ имъ нравится, переносятъ и мѣшаютъ въ свое Идослуженіе. Въ одной Казанской Губерніи считалось, въ 1774 году, 27,228 мужчинъ, да 27,160 женщинъ, Вотскаго Народа, обратившагося въ Христіанскую вѣру.

ТЕПТЕРИ.

Телтерь, слово Татарское, и значитъ такого человѣка, который не въ состоянiи платить подушныхъ денегъ. Оное пригодилось для основателей сей сволочи, которая въ половинѣ шестагонадесять столѣтiя, по случаю причиненнаго Царемъ *Iоанномъ Василiевичемъ* Казанскому Царству разрушенiя, собралась изъ *Черемисъ*, *Чувашъ*, *Вотяковъ* и *Татаръ*, въ Уралѣ, а особливо въ составляющей Башкирiю и къ Уфимской Губернiи принадлежащей, части, и весьма скоро стала многолюдна. Сiи люди, употребляя разные, по не одинакой своей природѣ, языки, и при томъ, будучи между собою различны во нравахъ, а отъ части и въ вѣрѣ, перемѣшались, изключая Татаръ, такъ, что иногда и нарочито трудно дознаваться, отъ какого происходятъ они племени. Они служатъ доказательствомъ въ новѣйшiя времена тому, что при Государственныхъ смятенiяхъ могутъ новые Народы и новыя поселенiя получить свое бытiе.

Правда, что побѣгомъ своимъ въ горы и прилѣпленiемъ къ Башкирскому Народу, освободилась сволочь сiя отъ платежа податей: однако обстоятельство сiе служило ей побочною только выгодою. Самая же важность состояла въ томъ, что боялась она, дабы Россiяны совокупно со властiю своею, не разпространили и Христiанской вѣры; а по тому, хотя она и тогда уже была въ заблужденiи, однако, не взирая на все Россiйскаго Духовенства усердное стараніе о обращенiи ихъ къ православной вѣрѣ, больше оказала упрямства, нежели и тѣ Народы, которые отвлекались отъ прародительскаго суевѣрiя.

Телтери живутъ въ построенныхъ, по обыкновенiю тѣхъ Народовъ, изъ коихъ Общество ихъ состоялось, деревняхъ и дворахъ; порядокъ ведутъ въ оныхъ Россiйскiй и Татарскiй; а живутъ, либо раздѣлясь по кореннымъ своимъ поколѣнiямъ, либо безъ разбору. Всякое колѣно говоритъ собственнымъ, однако весьма перемѣшаннымъ съ нарѣчiями сосѣдственныхъ поколѣнiй, языкомъ. То же самое надобно разумѣть о вѣрахъ ихъ и праздникахъ; здѣшнiе, на примѣръ, Черемиссы держатъ, по примѣру Вотяковъ, въ лѣтнихъ своихъ избахъ, *Мудора*, коего называютъ, *Кудовашемъ*, присыпаютъ его такъ же сосновою трухою, и столь же свято почитаютъ, хотя въ прочемъ, живущiе въ своемъ собственномъ мѣстѣ, Черемиссы

того и не дѣлаютъ. Одѣяніе же ихъ еще больше смѣшано, по тому, что они отъ части берутъ за себя женъ и изъ другихъ поколѣній. Деревенскіе ихъ разпорядки подобны Россійскимъ.

Люди сіи пользуются почти всѣми сельской жизни выгодами, и которые изъ нихъ не лѣнивы, не развращенны, или не подвержены какой ни есть бѣдѣ, тѣ еще и зажиточны. Страна ихъ весьма плодородна. Уральскіе лѣса и горы привольны *къ звѣриному промыслу, къ содержанію пчелъ*, и *къ скотоводству*. Въ *земледѣлшествѣ* поступаютъ, по Россійскому, а въ *содержаніи пчелъ* и въ *скотоводствѣ* по Башкирскому обыкновенію; слѣдовательно какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ, дѣлѣ преизрядно успѣваютъ. Съ перьва принуждены они были платить Башкирцамъ поземельныя деньги, но, послѣ бывшаго между ними, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, мятежа, они отъ того уволены, и владѣютъ теперь помѣстьями своими такъ, какъ собственно имъ принадлежащею землю. Въ казну берутъ съ нихъ гораздо меньше подушныхъ денегъ, нежели съ природныхъ Русскихъ мужиковъ, то есть, по 80 копѣкъ только съ души, и хотя они должны съ верьхъ того перевозить ежегодно отъ *Илека*, что при Оренбургѣ, до грузовыхъ пристаней рѣки *Бѣлой*, по 800,000 пудъ соли, считая на человѣка по 43 пуда: однакожь они получаютъ за то такую плату, которую бы и всякій досужій крестьянинъ взять не отрекся. Да и самые лопашники, которыхъ должны они по 400 человѣкъ посылать ежегодно къ Оренбургской линіи, получаютъ, указную, за работу, поденную плату. Кромѣ всего выше сказаннаго, освобождены они и отъ рекрутскихъ наборовъ. Столь знатныя, и въ сравненіи съ состояніемъ другихъ подданныхъ, почти и не справедливыя, бѣглыхъ сихъ людей преимущества простираются совокупно и на Башкирскій, крайне не любящій новыхъ порядковъ, Народъ. Размноженіе ихъ, въ сравненіи съ житейскими выгодами, какими они пользуются, посредственное. При всякой переписи видно числу ихъ приращеніе, и при бывшей въ 1762 году, показано платящихъ подушный окладъ въ Уфимской Губерніи и въ Тобольскомъ Намѣстничествѣ, равно какъ и въ Бугульминскомъ округѣ, въ Уфимскомъ Намѣстничествѣ 33,656 человѣкъ.

ВОГУЛИЧИ.

Вогулици, коихъ собственное имя есть, *Мансы*, произошли отъ Финнскаго племени, и хотя языкъ ихъ заимствуетъ начало свое отъ Финнскаго, однако, кромѣ весьма разнообразныхъ нарѣчій, заключаетъ въ себѣ столь много собственнаго, что, по справедливости, особливымъ почитается языкомъ. Они обитаютъ въ западной, а больше еще въ восточной, лѣсами изобильной, части сѣверныхъ Уральскихъ горъ, около рѣкъ, Камы и Иртыша, да выше Соли-Камской и Верхотурья, по близости рѣкъ, *Колвы*, *Вишуры* и *Тавды*. Въ сихъ мѣстахъ, по собственнымъ ихъ преданіямъ, живутъ они изъ древле, какъ то и Повѣствованіями подтверждается. Не можно ли ихъ, какъ по сему обстоятельству, такъ и по преимущественному сходству языка, почитать собратіями *древнихъ Угровъ*, а теперишнихъ *Венгерцовъ*, по желанію нѣкоторыхъ Писателей? О томъ надобно еще подумать. Въ прочемъ извѣстно, что въ мѣстѣ съ Сибирью покорены и они Россійской Державѣ.

Росту они *средняго*, волосы у нихъ, по большей части, черные, а бороды у всѣхъ жидкія. Лицемъ они много походятъ на Калмыковъ. Въ поступкахъ своихъ бодры, послушны, честны, рачительны, не глупы, но легкомысленны, къ безпорядкамъ склонны, въ гнѣвѣ не укротимы и не опрятны.

Грамати такъ же, какъ и прочіе единоплеменницы ихъ не знаютъ, *лѣтъ* не считаютъ, а *мѣсяцы* называютъ, по происходящимъ въ лѣсахъ естественнымъ приключеніямъ. Они различаются между собою, по *поколѣніямъ*, и всякая деревня состоитъ, по большей части, изъ одной только семьи, въ которой Старостою бываетъ тотъ, кто всѣхъ превозходитъ лѣтами.

Житье ихъ, между кочевымъ и одномѣстнымъ, среднее. Тѣ, кои обитаютъ ближе къ югу, живутъ въ *не подвижныхъ зимнихъ Деревняхъ*, разположенныхъ и выстроенныхъ по Чувашскому обычаю, и при томъ обыкновенно при рѣкахъ находящихся. Около Верхотурья и Соли-Камской дѣлаютъ они *зимніе* свои *шалаши* четыреугольно съ очагами и полатьми, а на плоской крышкѣ, или потолокѣ оныхъ, прорубаютъ, для свѣту, отверзтіе. Двери же приноравливаютъ, по большей части, съ восточной, или съ сѣверной, стороны, а передъ ними громостятъ, для

Вотячка.
Eine Wotiakin.
Femme Votiakiene.

домашнихъ поклажь чуланы. Отдалившіеся больше къ сѣверу, и живущіе около Вишуры, Колвы и другихъ рѣкъ, препровождаютъ и зиму въ столбчатыхъ, дерномъ, или корою, покрышыхъ, шалашахъ. По наступленіи лѣта, выбираются они изъ сихъ шалашей, и живутъ въ другихъ, кои, то въ томъ, то въ иномъ мѣстѣ, дѣлаютъ въ лѣсахъ изъ столбиковъ же, и сведя къ верьху востро, покрываютъ берестою. Переселяются они рѣдко, а въ иное лѣто и съ мѣста не трогаются. *Пожитковъ* у нихъ еще меньше, нежели у Чувашъ. Колыбелью служитъ, сдѣланный изъ бересты, ящикъ, въ который, положа дитя, перетягиваютъ съ верьху, веревочками, и, либо съ собою носятъ, либо на что ни будь вѣшаютъ. *Лыжи* свои, кои бываютъ длиною и по 5 футовъ, оклеиваютъ, содранною съ лосиныхъ ногъ, кожею, употребляя къ тому составленный изъ лосиннаго рогу и крови клей. *Рыбачьи лодки* дѣлаютъ иные изъ бересты, которую сшиваютъ лосинными жилами, а составы замазываютъ смолою.

Нѣтъ у нихъ ни *лашенъ*, ни огородовъ, а упражняются не много *въ скотоводствѣ*, и содержатъ по нѣсколько коровъ, овецъ и свиней; лошади же у нихъ рѣдки. Ближайшіе къ сѣверу, сирѣчь, около вышней Вишуры и Колвы живущіе, содержатъ, по примѣру Семоядовъ, однихъ только оленей. Землепашество было бы конечно въ холодныхъ ихъ лѣсахъ и не прибыточно. *Главный* ихъ *промыселъ* составляетъ звѣриная ловля, которую производятъ они рачительно и искусно, и при томъ употребляютъ огнестрѣльное оружіе, лукъ, стрѣлы и рогатины; ставятъ такъ же на звѣрей ловушки, силки, кладутъ прикормъ и проч. Многія Вогульскія деревни, или семьи, огораживаютъ, для себя единственно, кольями звѣроловную околицу верстъ на 10, на 12 и больше. Въ оградѣ сей есть великое множество пролазинъ, передъ которыми придѣланы ловушки, самострѣлы и другія звѣроловныя хитрости. *Жены* же ихъ должны производить дома всякую работу: но они ни въ сыромятномъ, ни въ красильномъ, ниже въ портномъ дѣлѣ отнюдь не могутъ похвалиться такимъ искусствомъ, какимъ славятся прочія ихъ единоплеменницы.

Содержащіе *языческій законъ*, *Вогуличи*, *ѣдятъ* все то, чѣмъ счастіе въ звѣриномъ промыслѣ ихъ надѣляетъ, а наибольше красную дичь: однако и хищными звѣрьми не гнушаются, да съ верьхъ того употребляютъ въ пищу всякихъ птицъ и всякую, нарочно ими ловимую, рыбу, такъ какъ и дикіе плоды. Въ случаѣ нужды ва-

рятъ они себѣ похлебки изъ толченыхъ костей. Когда есть достатокъ, то ѣдятъ такъ же хлѣбъ, кашу, или другое что, сдѣланное изъ муки, которую вымѣниваютъ на мягкую рухлядь у Россіянъ. Крещеные наблюдаютъ, въ разсужденіи пищи, разность, однако не великую. Соль рѣдко кто употребляетъ.

Живутъ они, для вящшей въ звѣриномъ промыслѣ способности, пространно, и какъ они во обще не многолюдны, то звѣроловные ихъ края, или мѣста, о коихъ между собою не спорятъ, въ хорошемъ находятся состояніи. Но не порядочное хозяйство, частые праздники и пристрастіе къ пьянству, подвергаютъ ихъ такой бѣдности, что многіе, съ трудомъ, платятъ и весьма малый подушный окладъ, въ зачетъ котораго дозволено имъ, съ верьхъ того, вносить въ казну лосинныя кожи и другую мягкую рухлядь.

Мужчины носятъ, когда порядочно нарядятся, такое *одѣяніе*, какъ и Россійскіе мужики; за просто же ходятъ въ разной, какъ шубной, такъ и другой, ветошѣ. *Женщины* носятъ, по примѣру Чуващенокъ, лапти, штаны, и подпоясываемыя пестрыя рубахи. *Дѣвки* заплетаютъ волосы въ нѣсколько косъ, и головы ни чемъ не покрываютъ. *Бабы* носятъ головныя повязки, унизанныя копѣйками, а покрываютъ голову висящимъ, по Татарскому обыкновенію, черезъ плечи, и, волосы закрывающимъ, вышитымъ платомъ. Зимою ходятъ онѣ въ мужскихъ шубахъ. Наилучшее ихъ платье не красивѣе вышито, и при томъ не тонѣе и не чище будничнаго одѣянія Чувашъ. Какъ бабы, такъ и дѣвки, носятъ серьги, перстни и кольцы.

Женъ покупаютъ не только Языческаго, но и Христіанскаго закона Вогуличи, а при томъ первые иногда и по двѣ вдругъ. *Цѣна* (Калымъ) дѣвки простирается у бѣднаго сего Народа обыкновенно отъ 10 до 20, а рѣдко до 25 рублей. Иному и за 5 рублей безпорочная достается жена. Прочіе же пособляютъ недостаткамъ своимъ удальствомъ. Приданаго они ни когда за дѣвками не даютъ, да и всѣ почти *свадьбы* совершаются безъ пышныхъ обрядовъ. Женихъ, заплатя, договорныя за невѣсту, деньги, беретъ ее съ собою, ложится съ нею въ шалашѣ своемъ спать, и называетъ ее на другой день женою. А когда при таковыхъ случаяхъ пріятелей своихъ угощаютъ, то пляшутъ по шестиструнной балалайкѣ (Шонгуртъ). Разпѣвы ихъ просты, складны и на Татарскій вкусъ. Да и пляска ихъ очень не дурна. Мужчина да женщина, выступая не широкими, и игранію соотвѣтствующими, шагами,

ходятъ кружками, и дѣлаютъ взаимно, держа въ рукѣ по платку, страстныя движенія. *Послѣ родовъ*, очищается женщина шесть недѣль, и, въ продолженіе сего времени, должна она какъ ѣсть, такъ и пить одна. Младенцу, безъ дальнихъ околичностей, даетъ имя кто ни будь изъ чужихъ людей.

Хотя они живутъ въ лѣсахъ и на болотахъ, однако цынготной и другимъ *болѣзнямъ* рѣдко бываютъ подвержены, а по тому и домашнихъ лекарствъ ни какихъ не знаютъ. При всемъ томъ не многіе нарочитой достигаютъ старости.

Кладбища ихъ находятся въ лѣсахъ. Покойниковъ кладутъ въ платьѣ, промежъ досокъ, въ *могилу*, головою къ сѣверу, и снабдя ихъ лукомъ, стрѣлами и нѣкоторыми въ домашнемъ быту употребляемыми вещьми, зарываютъ, и послѣ того не правятъ ни какихъ ни пировъ, ни поминокъ.

Не малое число Вогуличь приняло уже *Христіанскую вѣру*, но многіе, а особливо всѣ, живущіе около вышней Вишуры и Колвы (которыхъ Россіяны и *Мансами* называютъ), держатся еще *Языческаго суевѣрія*. Въ прочемъ они, какъ по тому, что живутъ въ разсѣяніи, такъ и для того, что мало у нихъ *Жрецовъ*, меньше усердствуютъ Языческой вѣрѣ: но въ понятіяхъ своихъ объ оной еще больше заблуждаются, нежели другіе Язычники. Всякой деревни Старѣйшина, за неимѣніемъ Жреца, вступаетъ въ его должность, и приноситъ жертву отъ своей деревни, или семьи. Въ прежнія времена посвящены были Идоламъ и служенію ихъ нѣкоторыя въ рѣчныхъ берегахъ *пещеры*, а въ лѣсахъ *холмы*. Мѣста сіи, кои можно признавать, по находящимся возлѣ оныхъ кучамъ костей, и теперь они не только знаютъ, но и почитаютъ. Россіяны называютъ такія мѣста бѣсовскимъ именемъ, на Вогульскомъ языкѣ (*Шайтанъ*); и по тому, какъ при Чусовой, такъ и при другихъ Уральскихъ рѣкахъ, многія рѣчки и набережныя мѣста называютъ либо *Шайтаномъ*, либо *Шайтанкою*. Пермскіе Вогуличи приносятъ теперь жертвы свои не въ священныхъ пещерахъ, но въ *Керметяхъ*, кои называются у нихъ *Горъ Заткадузъ*, и находятся въ лѣсахъ. Они совершенно подобны Черемисскимъ и другихъ Народовъ Керемешямъ, но иногда не бываетъ въ оныхъ деревъ. Въ Керемешѣ воздвигаютъ они, подлѣ жертвеннаго стола, болвана, или ставятъ столбъ.

Есть у нихъ *Идолы*, коимъ они и теперь покланяются: но живущіе между Россіянами, крещеные, и Языческій законъ содер-

жащіе, Вогуличи отъ оныхъ отрицаются. Идоловъ ихъ составляютъ странно образованные камни и рѣзныя, или, изъ крущцовъ вылитыя, человѣческія подобія и Истуканы. При *Лосвѣ*, *Гавдѣ* и *Иртышѣ* покланяются они, подобной оленю видомъ, скалѣ. Въ тѣхъ же мѣстахъ найденъ еще въ лѣсу крущцовой съ рогатиною Истуканъ. Во время обыкновенныхъ Керемешныхъ жертвоприношеній, ставятъ они, по увѣренію тѣхъ, кои сами видали, на жертвенный столъ, одѣтаго въ платье Истукана, коего они скрытно держатъ въ лѣсу, и проч.

Они вѣруютъ въ *Горома, общаго Бога* и милостиваго Обладателя Вселенной. Ему подчиняютъ они *низшей статьи Божковъ*, коихъ различно себѣ воображаютъ и называютъ. *Солнце* почитаютъ обителію *Горома*, но при томъ думаютъ, что такъ же, какъ *луна, облака* и главнѣйшія естественныя приключенія, суть не зависящее Божество. О *Діяволѣ* презрительно разсуждаютъ, и мало его боятся.

Главный ихъ *праздникъ* называется, *Елбола*, съ котораго начинается и новый ихъ годъ. Празднуютъ же оный въ первый день святыя Пасхи, и нарицаютъ его *праздникомъ сошествія Божія*, чрезъ что разумѣютъ наступающую весну. Сей день преимущественно посвященъ у нихъ *Горому* (Богу) и *солнцу*. Другій, общій свой Керемешный праздникъ, называютъ они *Анкобомъ*, и торжествуютъ оный, въ другое, послѣ перваго, новомѣсячіе: но жертвъ приносятъ, при семъ случаѣ, гораздо меньше. Въ прочемъ употребляются *въ жертву* лошади, рогатый скотъ, красная дичь, овцы, козы; а изъ птицъ: лебеди, гуси, утки, глухари, тетери и рябчики, да съ верьхъ того: пироги, медъ сырецъ, пиво, медъ и хлѣбное вино. Обряды, какъ во время обоихъ сихъ Праздниковъ, такъ, въ случаѣ приносимыхъ *за недужныхъ* и *по обѣщанію*, жертвъ, бываютъ одинакіе. *По обѣщанію*, жертвуютъ они обыкновенно въ праздники, за больныхъ же приносятся жертвы у всякаго, на дому.

По собраніи мірянъ къ Керемету, такъ же, по закланіи скота и по уваренію мясъ, ставитъ Жрецъ, или заступившій его мѣсто, *голову, сердце, легкое* и *печенку*, положа въ сосудъ, такъ же, пирожное и напитки на жертвенный столъ; *мозгъ* же, возложа на особую на столбѣ въ Керемети дощечку, зажигаютъ, и дабы лучше горѣлъ, прикладываютъ и сало. Между тѣмъ, какъ горитъ мозгъ,

молится Жрецъ коротко и усердно, при чемъ Мiряне кланяются часто въ землю, и говорятъ: *аминь!* По томъ раздѣляетъ онъ жертву, которую и ѣдятъ всѣ съ надлежащимъ благоговѣнiемъ. Шкуру съ лошади шакъ, какъ и черепъ, вѣшаютъ на находящемся, по близости Керемета, деревѣ; прочiя же шкуры употребляются въ дѣло, а кости, отъ принесенныхъ въ жертву звѣрей и птицъ, зарываютъ въ землю. По елику хозяева приносятъ по ряду жертвы, то долго обряды сiи продолжаются. По окончанiи же всего, возвращаются они съ остатками жертвенныхъ мясъ и напитковъ въ свои деревни, гдѣ съ домочадцами своими, при всякомъ весельи, доѣдаютъ оныя и допиваютъ.

ОТЯКИ.

Татары, покоря Сибирь подъ иго свое, до утвержденія еще въ оной Россійскаго владычества, называли природныхъ тамошнихъ жителей, ругательнымъ словомъ, *Уштяки*, сирѣчь, необходительные, дикіе Люди. Названіе сіе превратили Россіяне въ слово, *Отякъ*, и разумѣютъ теперь подъ онымъ трехъ, какъ по произхожденію, такъ и по языку, разныхъ Народовъ. *Енисейскіе Отяки*, по многимъ обстоятельствамъ, кажутся быть единоплеменны не большимъ Красноярскимъ Народамъ, какъ то: *Аринцамъ*, *Котвамъ* и другимъ; а какъ они на Самоядскія походятъ колѣна, то думать надобно, что и тѣ единоплеменцы же Самоядамъ. Изъ *Обскихъ* разнятся верьхніе, т. е. отъ устья *Томы* до *Нарыма* и около рѣки *Кетта* живущіе, отъ нижнихъ, сирѣчь *Березовскихъ* и *Обдорскихъ*, только въ одномъ нарѣчіи; а въ прочемъ великое между ними сходство. Около Сургута причисляются многія Самоядскія колѣна къ Отякамъ, и какъ просто на рѣчахъ, такъ и въ приказныхъ дѣлахъ, не справедливо называются Отяками. За неимѣніемъ надежныхъ и достаточныхъ о Енисейскихъ Отякахъ извѣстій, намѣрены мы обратить здѣсь описаніе наше больше на всѣхъ, во обще, *Обскихъ Отяковъ*.

Во обще называютъ *Отяковъ Тунгусы Остякетами*, *Самояды Тогами* (мужчинами), а *Вогуличи Мансами*. (Сіе послѣднее наименованіе есть и самихъ Вогуличь названіе.) Южные Обьскіе Отяки называются сами *Асьяхами*, по рѣкѣ Обь, которая, на ихъ языкѣ, нарицается *Ях*. Сургутскихъ же и сѣверныхъ Отяковъ собственное имя есть *Хонди-Шуи*, т. е. Кондскіе Люди, и кажется, что они такъ называются, по тому, что въ древнія времена перешли они какъ съ Конды, такъ и съ верьхней Томы рѣки жить на сѣверъ; а сіе преселеніе предпріято ими, можетъ быть, для того, чтобъ не быть подверженнымъ произходившимъ, въ 1372 году, стараніямъ Епископа Стефана о обращеніи Язычниковъ въ Христіанскую вѣру. Та же самая опасность побудила около сего времени и большую половину *Пермяковъ* и *Зырянъ*, въ великой Перміи жившихъ, покинуть привольныя свои, на западной сторонѣ Уральскихъ горъ, мѣста, и перейти въ суровыя сѣверныя, около рѣки Оби, Страны, гдѣ они теперь отъ Кондырей не отличаются, но въ мѣстѣ съ оными называются *Отяками*.

Остякъ при рѣкѣ Обѣ.
Ein Ostiacke am Ob Fluss.
Ostiak a la rivière d'Ob.

Древнїе *Пермяки* и *Зиряне*, во всемъ, сообразны Финнамъ; языкъ ихъ и все Идолослуженїе, малымъ чѣмъ отмѣнны отъ Финнскаго. Въ самыя древнїя времена славны они были, по *торговлѣ*, которую производили они съ Персїянами и подвластными Великому Моголу Народами. Сїи Иностранцы привозили товары свои въ верьхъ по *Волгѣ* и *Камѣ* въ *Сердинъ*, старинный, при Колвѣ находящїйся, торговый городъ. Пермяки же развозили какъ сїи, такъ и собственные товары по *Печорѣ* и до самаго Ледовитаго моря, и вымѣнивали у тамошнихъ Народовъ, какъ для Восточныхъ, такъ и для другихъ обывателей, разную мягкую рухлядь. Остатки древнихъ сѣверной сей Страны городовъ свидѣтельствуютъ и теперь о благополучномъ старинныхъ жителей состоянїи. Въ Вяшской Провинцїи есть и нынѣ еще нѣсколько населенныхъ, оставшимися на старомъ своемъ мѣстѣ, Пермяками деревень, изъ которыхъ, по 1774 годъ, крестилось 561 мужескаго, да 362 женскаго пола душъ. *Зиряньскія* же деревни попадаются между верьхнею Камою и Сухоною, около Устюга и другихъ мѣстъ. Они такъ сообразны сельскимъ Россїйскимъ обывателямъ, въ разсужденїи жилищъ, одѣянїя и хозяйства, что кромѣ Финнскаго языка, малымъ чѣмъ разнятся. Языкомъ симъ говорятъ они между собою, и въ нѣкоторыхъ деревняхъ женщины со всѣмъ, по Руски, не знаютъ.

Отяковъ можно назвать *наимногочисленнѣйшимъ Сибирскимъ Народомъ*, и хотя они, по причинѣ суроваго воздуха, такъ же недостаточнаго и звѣрообразнаго житїя, не могутъ нарочито размножиться, однакожь число ихъ и не уменьшается.

Рѣдко кто бываетъ изъ нихъ выше *средняго росту*. Лице у нихъ нарочито плоское и желтоватое, волосы русые и прямые, бороды жидкїя, души тупыя и унылыя; а по тому они боязливы, суевѣрны, лѣнивы, неопрятны, но послушны и добросердечны. Съ лица они не дурны, а молодыя женщины отъ части и пригожи: но съ самыхъ уже первыхъ родовъ становятся онѣ, по Стеллерову объявленїю, морщиноваты и безобразны.

Языкъ ихъ ни къ которому Финнскому нарѣчїю столь близко не подходитъ, какъ къ Вогульскому: но весьма много и съ Самоядскимъ языкомъ смѣшанъ. Грамати они не знаютъ, да и ни чему не учатся. Они такъ же, какъ и всѣ Финнскїе Народы, *считаютъ* только до десяти лѣтъ. *Лѣтъ* они не числятъ, но всякїй годъ раздѣляютъ на тринадсять *мѣсяцовъ*, и начинаютъ новый свой годъ съ новой луны, между 14 и 21 числомъ, Октября. Лун-

ныя теченія называютъ они, по произходящимъ въ рыбной ловлѣ и перелетѣ птицъ, перемѣнамъ.

До покоренія ихъ Россійской державѣ, были у нихъ собственные *Владѣльцы*, и ихъ Потомки и теперь еще почитаются Благородными, и избираются въ Начальники поколѣній, на которыя Народъ сей раздѣляется. Старшины сіи наблюдаютъ между собою добрый порядокъ, и собираютъ подушныя деньги (Ясакъ). Ежели, по переносу спорныхъ ихъ дѣлъ въ земское Правительство, заставляютъ ихъ *присягать:* то ставятъ ихъ на медвѣжьей кожѣ, на которую кладется и топоръ. По томъ подаютъ имъ кусокъ хлѣба, который взявъ, говорятъ они: *ежели я не право присягаю, то лютъ разтерзаетъ меня медвѣдь, топоръ убьетъ, а хлѣбъ задушитъ.* Они клянутся иногда и Идолами, и клятвы ихъ ни когда не бываютъ ложны.

Обьскіе Отяки всѣ *рыболовы*, и нарочито въ промыслѣ семъ искусны. Они умѣютъ извлекать себѣ пользу изъ всѣхъ, надъ водами и рыбами случающихся, перемѣнъ. Почти всѣ они держатъ у себя по нѣскольку *оленей*, да есть между ними и такіе, у которыхъ наберется скота сего до двухъ сотъ. Они пользуются ими какъ въ хозяйствѣ, такъ и въ поѣздкахъ. Зимою всѣ они упражняются, но, по большей части, не очень счастливо, въ *звѣриномъ промыслѣ;* лѣность и недовольное въ хитростяхъ искусство препятствуютъ имъ съ лучшимъ производить дѣло сіе успѣхомъ. На звѣриный промыселъ ходятъ они артѣлью, въ которой бываетъ человѣкъ по шести и больше, и бродя по лѣсамъ, отъ четырехъ до шести недѣль, таскаютъ за собою въ саняхъ для пропитанія мерзлую рыбу и проч. Лукъ и стрѣлы больше у нихъ въ употребленіи, нежели огнестрѣльное оружіе. Ежели сыщутъ гдѣ лѣтомъ молоденькихъ лисицъ, то берутъ оныхъ съ собою, кормятъ въ хижинахъ своихъ рыбьими потрохами, и на послѣдокъ сдираютъ съ оныхъ за кормъ шубы. Они столько о звѣряхъ сихъ стараются, что бабы молоденькихъ лисичекъ вскармливаютъ своею грудью. А какъ ость на худощавыхъ лисицахъ бываетъ лучше, нежели на тучныхъ: то за живо еще переламливаютъ у бѣдныхъ сихъ звѣрей по ногѣ, дабы они отъ боли мало ѣли. Для звѣринаго промыслу и таскантя саней, держатъ они много дюжинъ *собакъ*. Въ *земледѣлашествѣ* ни кто не упражняется, и нѣтъ ни у кого изъ нихъ ни лошадей, ни рогатаго скота, ни овецъ.

Мужчины сами вяжутъ про себя бродники и неводы, дѣлаютъ

Остякъ на ловлѣ Горностаевъ.
Ein Ostiakischer Hermelin-Fänger.
Un Ostjak à la chasse d'hermine.

лодки и, таскаемыя собаками, сани (Нарты), такъ же лыжи, луки и не большую свою домашнюю сбрую. На противъ того *женщины* вялятъ рыбу, вываривaютъ изъ потроховъ оной жиръ, дѣлаютъ рыбій клей, выдѣлываютъ мягкую рухлядь, шкутъ толстый кропивный холстъ, шьютъ, изъ звѣриныхъ и рыбьихъ кожъ, одѣяніе, умѣютъ такъ же нѣкоторыя изъ щелоку и рыбьяго жиру варить мыло. *Краливу́* сушатъ на солнцѣ, мягкую рухлядь выдѣлываютъ, безъ щелоку и вымачиванія, и намазываютъ оную икрою, а рыбьи шкуры дѣлаютъ чрезъ треніе, сухою золою, мягкими, и проч.

Они возятъ въ города, на продажу, вяленую рыбу, рыбій клей и жиръ, и мягкую рухлядь, а на вырученныя деньги покупаютъ украшенія и брякушки къ одѣянію, такъ же муку, крупу и хлѣбное вино. Торгъ сей былъ бы для нихъ прибыточенъ, естьли бы они не пропивали всѣхъ ошальныхъ денегъ. Но есть между ними и заживные люди, которые имѣютъ у себя, кромѣ оленей, изрядные серебреные стаканчики и другія, симъ подобныя, вещи. Во обще же они бѣдны. Всякій мужчина долженъ, по подушному окладу, внести въ казну пару соболей, которая въ рубль. Въ случаѣ же недостатка въ соболяхъ, принимаютъ въ казну и другую мягкую рухлядь. Черная лисица очищаетъ часто всю деревню отъ подушнаго оклада, а всякую, въ казну вступающую, мягкую рухлядь, цѣнятъ присяжные Знашоки.

Живутъ они (Обьскіе Отяки), между Томскимъ и Нарымомъ, и называются, далѣе къ сѣверу, *Березовскими*. Они почитаются въ Сибири многочисленнѣйшимъ Народомъ, питаются наиболѣе рыбою, а по тому и имѣютъ сельбища свои, въ смѣжныхъ съ рѣками, озерами и моремъ мѣстахъ, въ коихъ бываетъ отъ пяти до двадсяти хижинъ. Всякая такая деревня населена обыкновенно свойственниками, а отъ пяти до двадсяти деревень составляютъ Волость. Они такъ малолюдны, что, на примѣръ, пять Сургутскихъ Волостей заключаютъ въ себѣ только 642 души мужескаго пола. Сіи взносятъ въ казну 450 паръ соболей, цѣною на 450 рублей:—малый доходъ отъ столь обширной Области! — Отъ *Тома* до самаго *Нарыма* живутъ семьи розно. *Зимнія* ихъ *хижины* срублены изъ бревенъ. Въ каждой есть очагъ по серединѣ, а въ сторонѣ печь. Прочее мѣсто занимаютъ палати, кои служатъ имъ такъ же, въ мѣсто сундуковъ и ларей, или конуръ, для держанія щенковъ и лисицъ. Въ большую стужу, ложатся они, ночью, около очага, и спятъ такъ крѣпко, что иные и нарочито ожигаются. Входъ въ хижи-

ну ихъ составляютъ, въ западной сторонѣ, обыкновенно низменныя двери, а въ мѣсто окна служитъ не большее, на востокъ, отверстіе, затянутое налимовыми шкурами. Вся хижина стоитъ, до половины, въ землѣ. *Березовскіе* и *Обдорскіе Отяки* строятъ *хижины* свои попросторнѣе, но и сіи стоятъ до половины, въ землѣ. Въ каждой изъ оныхъ бываетъ отъ четырехъ до десяти покоевъ, разположенныхъ около общаго очага, и во всякомъ покоѣ живетъ цѣлая семья. Неопрятность и смрадъ, въ оныхъ, отъ дѣтей, кои не любятъ, для изпраженія, выходить на дворъ, такъ же вонь отъ собакъ, рыбы, дровъ, табашнаго дыму, чаду, при варенїи рыбьяго жиру, гадины и и прочаго, превозходитъ всякое описанїе. Изъ рѣдка попадаются, при рѣкахъ и въ лѣсахъ, не большїя ихъ запасныя хижины. *Лѣтомъ перебираются* они отъ одного озера къ другому, для рыбной ловли, и по тому дѣлаютъ въ такихъ мѣстахъ столбчатые и, къ верьху уже сведенные, *шалаши*, кои покрываютъ берестою или рогожами. Пустыя зимнїя и запасныя хижины ни когда не запираются, но покражъ не бываетъ. *Домашняя* ихъ *утварь*, или пожитки, состоятъ въ нѣсколькихъ котлахъ, въ деревянныхъ сосудахъ, въ саласкахъ, въ рогожахъ, на которыхъ спятъ, въ колыбеляхъ, сдѣланныхъ изъ бересты на подобїе ящиковъ, въ кои они, въ мѣсто постели, кладутъ истертое гнилое дерево, и проч.

Одѣяніе носятъ они обыкновенно кожаное, или изъ мягкой рухляди сшитое. *Мужскую одежду* составляютъ короткїя штаны и кожаныя, до самыхъ штановъ припущенныя, чулки, кои служатъ имъ и въ мѣсто сапоговъ; въ разсужденїи чего и употребляютъ они на подошвы оныхъ самую толстую, или и въ двое сшитую кожу. Верьхнее ихъ одѣянїе едва достаетъ до колѣнъ, зашито кругомъ, и безъ воротника; а накидываютъ оное на голое тѣло, какъ рубаху. Ежели холодно, то надѣваютъ еще и другое такое же, только пополнѣе сдѣланное, одѣянїе, которое отъ перваго тѣмъ разнится, что придѣлана къ оному, съ зади, шапка, коя надѣвается на голову, а при томъ закрываетъ и шею такъ, что одно только лице видно. Рукава, у всякаго одѣянїя ихъ, не широки, и у верьхняго полнаго одѣянїя придѣлываются, къ концахъ оныхъ, мошны, кои служатъ имъ, въ мѣсто рукавицъ. А чтобъ одѣяніе не отопыривалось отъ тѣла, то подпоясываютъ оное ремнемъ. Въ жестокую стужу надѣваютъ еще и третье, такъ же на подобїе рубахи сдѣланное, просторное платье: но по оному не подпоясываются.

Остячка съ лица.
Eine Ostiakin vorwärts.
Une Ostiake par devant.

Лѣтомъ ходятъ въ долгихъ юпкахъ, или бостротахъ, изъ *рыбей шкуры* сдѣланныхъ.

Женщины носятъ чулки, штаны и верьхнее платье, по примѣру мужчинъ, въ лѣтнее время такъ же изъ рыбьихъ шкуръ, кожъ, или сукна сдѣланное; а зимою надѣваютъ, какъ для тепла, такъ и для щегольства, долгое, въ переди завязанное, платье, изъ рыбьихъ шкуръ, выдѣланныхъ кожъ, или изъ оленьихъ шкуръ, сшитое, которое опушаютъ иногда и соболями. Голову покрываютъ, висящею на зади, промежь лопатокъ, шапкою, изъ сукна, кожи, или мяглой рухляди, сдѣланною, и кругомъ бахромкою для красы обложенною, которую, когда что дѣлаютъ, закидываютъ на задъ. Волосы заплетаютъ въ двѣ косы, и съ каждаго плеча висятъ, до самыхъ подколѣнокъ, въ ладонь шириною, ремень, или суконная полоса. Привѣсы сіи выложены брякушками, змѣиными головками, поддѣланными червонцами, корольками, а иногда изъ желтыхъ мѣдныхъ листовъ, на подобіе цвѣтовъ, или звѣрей, вырѣзанными, наборцами; соединеніе же между оными дѣлаютъ веревочки.

Вседневную ихъ *пищу* составляетъ, во первыхъ, *свѣжая рыба*, которую ѣдятъ Березовскіе и Обдорскіе больше *сырую*, а прочіе Отяки, сваря просто въ водѣ, безъ соли, и изготовленное такимъ образомъ рыбное, называется у нихъ *Коткей;* во вторыхъ *вяленая* и мѣлкая, на солнцѣ *просушенная*, а по томъ въ деревянныхъ ступкахъ *истолченная рыба* (Порса и Порся), которая служитъ, въ мѣсто незнакомаго имъ, по большей части, и со всѣмъ у нихъ не употребительнаго, хлѣба. Они ѣдятъ и жареную, или ближе сказать, грѣтую рыбу; ибо взоткнувъ оную на деревяный рожокъ, держатъ надъ огнемъ, очень короткое время. Еще питаются они, но не вседневно, и только въ случаѣ недостатка, свѣжею замороженною, вяленою, или копченою рыбою, мясомъ всякой дичи, не выключая и хищныхъ звѣрей, а при нуждѣ, ѣдятъ такъ же собакъ и оленей; при чемъ равномѣрно употребляютъ себѣ въ пищу избытки отъ оленьяго скотоводства, всякихъ птицъ, которыхъ, ощипавъ только, варятъ въ мѣстѣ съ рыбою, головки съ бѣлой сараны (*), разныя дикія ягоды, кедровые орѣхи, а иногда варятъ еще жидкіе, какъ изъ муки, такъ и крупъ, ѣствы. *Стрялия* ихъ мерзкая. Все варятъ въ одномъ котлѣ, и рѣдко когда вытираютъ оной шубнымъ лоскутомъ; да довольно въ пищу ихъ валится и вшей, но

(*) Lilium martagon. L.

сїи звѣрьки позыву у нихъ на ѣду не портятъ, по тому особливо, что они, и безъ того, оныхъ глотаютъ, когда другъ у друга оныхъ выискиваютъ. Чужихъ людей потчуютъ звѣриными языками, мозгами и проч.

Пьютъ воду, рыбные и мясные отвары, такъ же молоко, а при деньгахъ, и хлѣбное вино. Въ *льяное состоянїе*, которое имъ очень мило, приводятъ они себя табакомъ, да мухоморами (*). *Курительный и нюхальный табакъ* служитъ обоимъ поламъ, во всякомъ возрастѣ, лакомкою. Трубки дѣлаютъ они себѣ изъ глины, обыкновенно четыреугольныя, а чубуки составлены изъ связанныхъ въ мѣстѣ двухъ коротенькихъ деревянныхъ жолобковъ. Когда курятъ, то крѣпко тянутъ, и, дабы скорѣе сдѣлаться пьяными, дѣйствуютъ щеками, какъ, будьто, раздувальнымъ мѣхомъ. Нѣкоторые, куря табакъ, держатъ во рту воду, и замѣняютъ тѣмъ употребительный у Персїянъ, Армянъ и другихъ Народовъ, *Каллїанъ*, такое орудїе, посредствомъ котораго куряТъ табакъ, черезъ воду. *Мухоморами уливаются* и многїе другїе Сибирскїе Народы, а особливо, живущїе около *Нарыма*, Отяки. Когда кто съѣстъ за однимъ разомъ свѣжїй мухоморъ, или выпьетъ уваръ, съ трехъ оныхъ, высушенныхъ, то, послѣ сего прїему, становится, съ перьва, говорливъ, а по томъ дѣлается, изъ подоволь, такъ рѣзовъ, что поетъ, скачетъ, возклицаетъ, слагаетъ любовныя, охотничьи и богатырскїя пѣсни, оказываетъ не обыкновенную силу и проч. а послѣ ни чего не помнитъ. Препроводя, въ такомъ состоянїи, отъ двенадсяти до шестьнадсяти часовъ, на послѣдокъ засыпаетъ; а какъ проснется, то, отъ сильнаго напряженїя силъ, походитъ на прибитаго, но въ головѣ не чувствуетъ такой тягости, какою мучится, когда виномъ упиваетсЯ, да и послѣ не бываетъ ему отъ того ни какого вреда.

Пока въ промыслахъ своихъ обращаются, бываютъ они, по большей части *здоровы*; а какъ старость принудитъ ихъ домовничать, то страждутъ *цынгою, коростою, гноенїемъ глазъ* и другими болѣзнями. *Оспа*, по прародительскимъ ихъ преданїямъ, ходила между ними еще и до прибытїя въ страну ихъ Россїянъ, и крайне опустошала ихъ семейства. *Любострастная болѣзнь* посѣщаетъ не рѣдко и Отяковъ. При всякихъ болѣзненныхъ припадкахъ, прижигаютъ они кожу свою, до шѣхъ поръ, пока не трѣснетъ,

(*) Agaricus Muscari. L.

и употребляютъ къ тому, въ мѣсто *Моксы*, березовые грибы. Отъ запору пьютъ рыбій жиръ. *Раны* изцѣляютъ древесною смолою и звѣринымъ саломъ: но больше употребляютъ они суевѣрныя средства.

Послѣ *родовъ* считается женщина нѣсколько недѣль не чистою. Мѣсто младенцово кладутъ съ одною рыбою и кусочкомъ мяса въ ящикъ, а по томъ вѣшаютъ оный на дерево. Сыновьямъ даетъ отецъ имена, а дѣвушки не рѣдко бываютъ и безъимянны. Преимущественно употребительныя, около Сургута, имена суть слѣдующія: *Сайданъ*, *Кайкалъ*, *Гаедко*, *Вергунъ* и проч. Они и пятилѣтныхъ дѣтей кормятъ еще грудью.

У держащихся Языческаго суевѣрія Отяковъ и теперь *многоженство* въ обыкновеніи. Какъ принимали Отяки Христіанскую вѣру, то удерживали у себя по одной только женѣ, а прочія выходили за другихъ мужей: однако многіе изъ крестившихся крали у новыхъ мужей прежнихъ своихъ женъ, да не рѣдко и сами вышедшія, по такому обстоятельству, за другихъ мужей бабы уходили къ первымъ своимъ мужьямъ. Какъ Языческаго, такъ и Христіанскаго закона Отяки *покупаютъ* и нынѣ себѣ *женъ*. За дѣвку даютъ отъ десяти до ста оленей, да съ верьхъ того нѣсколько праздничнаго одѣянія: но и она выходитъ съ приданымъ. Языческой вѣры женихъ начинаетъ спать съ невѣстою съ самаго того времени, какъ заплатитъ за нее первую долю договорной цѣны. Ежели примѣтитъ, что она соблюла свое дѣвство, то долженъ онъ тещѣ, а въ случаѣ недостатка онаго, повинна теща ему дать одного оленя. По отдачѣ другой доли, рядной за невѣсту, цѣны, происходитъ *свадьба*, и препровождается торжественно въ пированіи и увеселеніяхъ. Они разсказываютъ и поютъ богатырскія и любовныя произхожденія, не надумавшись, къ чему отмѣнною надѣляютъ ихъ способностію съѣденные и оживляющіе духъ мухоморы. *Гумбра*, такъ же *Домбра* и *Дерноборъ*, суть собственные ихъ инструменты, оба съ кишечными струнами, просты, но голосъ оныхъ не дуренъ. Пѣсенныхъ голосовъ у нихъ мало, да и тѣ просты: но скоморохи ихъ поютъ и играютъ больше, по своей выдумкѣ, и слѣдовательно почти все у нихъ новое. *Пляски* Отяковъ весьма любопытны, и состоятъ въ смѣхотворныхъ шалостяхъ. Плясунъ, переодѣвшись, или обезобразя лице свое, передразниваетъ другихъ людей, звѣрей и птицъ такъ иногда удачно и насмѣшливо, что удивляться надобно, видя сіе въ ихъ хижинахъ. Всякъ можетъ разсудить, что, оказываемыя имъ при томъ ухватки, не рѣдко быва-

ютъ противны благопристойности. Въ обыкновенныя пляски выходятъ вдругъ по двое мужчинъ и по двѣ женщины, скачутъ то въ передъ, то на задъ, топаютъ ногами, и дѣлаютъ какъ руками, такъ и лицемъ любовные знаки. Нѣкоторые, странствующіе Удальцы похищаютъ себѣ невѣстъ, лишаютъ ихъ чести, и наживаютъ такимъ способомъ за малую цѣну женъ. Невѣсткѣ не должно показывать свекру своего лица, да и зятю не слѣдуетъ казаться тещѣ на глаза, до тѣхъ поръ, пока не приживутъ дитяти. Сколько ни походитъ любовь ихъ на скотскую, однако они не ревнивы. Хотя и отягощаютъ они женъ своихъ великими трудами, но не бьютъ, по тому, что они отъ побоевъ уходятъ, и требуютъ назадъ своего приданаго; родители же ихъ ни когда, взятаго за нихъ, награжденія не возвращаютъ. Жена называетъ мужа, *Таге!* а мужъ жену, *Ими!*

Покойниковъ хоронятъ они, въ тотъ же день, въ который кто умретъ, и мужчины погребаютъ мужчинъ, а женщины женщинъ. Они наряжаютъ скончавшихся въ самое лучшее одѣяніе, и впрягаютъ подъ нихъ оленя, котораго на кладбищѣ убиваютъ и, поминая покойника, ѣдятъ. За богатыми покойниками слѣдуютъ по три оленя съ пустыми санями. Мертвое тѣло, къ которому кладутъ, въ запасъ, оружіе, топоръ и домашнія надобности, полагаютъ во гробъ голов ю къ сѣверу. Проводившихъ покойника трехъ оленей убиваютъ, при могилѣ, ему въ прокъ, и тамъ покидаютъ, а сани опрокидываютъ на могилѣ однѣ на другія. Зажиточные люди приносятъ по томъ за покойника нѣсколько *ломанныхъ жертвъ*.

Отяки Языцкаго закона, каковы суть всѣ, кои ближе къ сѣверу, или у нижней рѣки Оби живутъ, называютъ своихъ Волшебниковъ и Жрецовъ *Тотебами* и *Тоебами*. Они толкуютъ имъ сны, предсказываютъ будущее, заклинаютъ бѣса, лечатъ больныхъ, молятся и приносятъ жертвы. У нихъ нѣтъ ни капищъ, ни настоящихъ Керемешей; а есть нѣкоторыя *священныя горы*, въ лѣсахъ, гдѣ стоятъ знаменитые ихъ Идолы. Они такихъ мѣстъ боятся, и не берутъ отъ туда ни лѣсу, ни дровъ, да и воды изъ тамошнихъ ключей не черпаютъ. Съ 1712 года много сожжено ихъ Идоловъ, и стойла ихъ разорены; однако осталось оныхъ еще довольно. Воображеніями своими о Высочайшемъ Существѣ, такъ же жертвоприношеніями и моленіями уподобляются они выше описаннымъ Язычникамъ. *Высочайшій Богъ* называется у нихъ *Инмень Ломъ* (Вышній Богъ). Съ верьхъ сего есть у нихъ еще и *низкаго достоинства Божки*. *Сатана* называется, на ихъ языкѣ, *Лусъ* и *Котедгенъ*, во-

Остіячка сь тыла.
Eine Ostiakin rückwärts.
Une Ostiake par derrière.

дяный и *рыбный Богъ*, *Утого Лусъ*, *лѣсный* и *звѣроловный Богъ*, *Массу Лусъ* и такъ далѣе.

Идолы ихъ, которыхъ они во обще *Сатанами* (Лусъ), называютъ, суть вырѣзанныя деревянныя изображенія, растущія дерева, на коихъ орлы вьютъ себѣ гнезда, безобразныя избы и страннаго вида камни. Въ 1771 году, стояли оба знатнѣйшіе *Отякскіе Идолы*, которымъ такъ же и *Самоѣды* покланялись, въ западной сторонѣ Обскаго залива, въ семидесяти верстахъ ниже Обдорска, въ лѣсу, по близости Воксарскихъ жилищъ. Одинъ изъ оныхъ представляетъ мужеское, а другій женское подобіе. Каждый стоитъ въ особливомъ шалашѣ, прислоненъ къ дереву, и, по Отякскому обыкновенію, изрядно одѣтъ сукномъ и мягкою рухлядью, да при томъ, по примѣру Волшебниковъ, обвѣшенъ жестяными изображеніями звѣрей, людей, птицъ, лодокъ, рыбъ и проч. Кругомъ оныхъ лежатъ котлы, чашки и другая домашняя утварь; на ближайшихъ же деревахъ висятъ, содранныя съ оленей, шкуры и луки. Мужескаго пола Идолу покланяются мужчины, а женскаго женщины. Попадаются такъ же мѣстами *свято почитаемыя дерева*, въ которыя всякъ мимо идущій, пускаетъ по одной стрѣлѣ. Во всякой хижинѣ есть собственный *домашній Идолъ*, котораго представляетъ, обыкновенно, не большая кукла.

Въ домашнихъ нуждахъ *приноситъ* всякъ *домашнему* своему *Идолу* малыя звѣриныя кожи, рыбы, птицъ, а особливо помазываетъ онаго жиромъ и кровью; по важнѣйшимъ же дѣламъ освѣдомляется Волшебникъ, посредствомъ своего *барабана* (Пингре), о причинѣ гнѣва Боговъ и о жертвахъ, кои надобно принесть, для преклоненія ихъ къ милосердію. Общія Идоламъ жертвоприношенія отправляются въ лѣсахъ. Народъ становится въ кружокъ около Идола, Жреца и назначенныхъ въ жертву животныхъ, какъ то, оленей, красной дичи и водяныхъ птицъ, къ коимъ присовокупляютъ иногда и мягкую рухлядь. Жрецъ представляетъ Идолу жертву, и возсылаетъ къ оному, въ молитвѣ, свое прошеніе. По данному, жезломъ, знаку, прострѣливаетъ одинъ, кто ни будь, стрѣлою звѣря; а прочіе докалываютъ онаго остроконечными кольями. Послѣ сего, протаскиваютъ убитаго звѣря за хвостъ, троекратно, около Идола, варятъ мясо онаго, помазываютъ Идолу ротъ, запекшеюся въ сердцѣ, кровью, и ѣдятъ, съ великимъ веселіемъ, жертвенное мясо. Кожу, черепъ и рога вѣшаютъ въ лѣсу.

При совершеніи, *въ облегченіе болѣзни, жертвоприношенія*, что бываетъ всегда у жилища больнаго человѣка, даютъ страждущему въ руки, привязанную къ приносимому въ жертву животному, веревоч-

ку. Между тѣмъ творитъ Жрецъ молитву, и какъ больный потянетъ за веревочку, то закалаютъ звѣря, и помазавъ домашняго Идола, ѣдятъ вареное мясо. Когда же примѣтятъ, что нѣтъ хворому отъ Идола помощи: то ругаютъ онаго бранными словами, низвергаютъ, а иногда и колотятъ.

Медвѣдямъ предопредѣляютъ они, послѣ смерти, такую же, по крайней мѣрѣ, какъ и себѣ, участь. По убіенїи оныхъ, поютъ они извинительныя пѣсни, и оказываютъ повѣшеннымъ шкурамъ много учтивостей, дабы оныя въ царствѣ тѣней имъ не мстили.

Важныхъ своихъ *людей* называютъ они *Полубожками*, или Святыми. Изображающая кого ни будь изъ нихъ кукла, ставится на ряду съ Идолами, и оную подчиваютъ кушаньемъ, и помазываютъ такъ же, какъ и самихъ Идоловъ. Вдовы кладутъ иногда такїя, мужей ихъ представляющїя, куклы съ собою и въ постель, при томъ, когда сами ѣдятъ, не забываютъ и онымъ удѣлять.

Живущїе за Нарымомъ, *крещенные Отяки* произошли уже большею частїю отъ исповѣдующихъ православную вѣру родителей, и имѣютъ у себя собственныя церькви. Но они и теперь находятся въ превеликомъ невѣжествѣ, суевѣрны и преисполнены Языческими воображенїями, и по тому, не вдругъ, кто пойдетъ изъ нихъ на звѣриный промыселъ, не взявъ съ собою Идола (Лусъ), котораго носятъ иногда въ сапогѣ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

St. Petersb. fait par C.M. Roth.

ОИК N 3840Н

55 л. л. илл. стр. все